КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ L—LI

СОДЕРЖАНИЕ:

Из эпохи японо-китайской войны 1894—95 гг.— К истории первой Гаагской конференции 1899 г.— Интервенция и северная контрреволюция. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.— Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг.— Из офицерских писем с фронта в 1917 г.— Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

ЦЕНТРАРХИВ

1932

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 г.

НА ЖУРНАЛ

Центрархива РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 4 р. 50 к. на полгода 2 р. 50 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО" ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства в центре и на местах.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций. Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояния архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (обзор новых документальных публикаций и отзывы о книгах по архивоведению).

Подписка принимается: Москва, Центр, ул. 25 Октября, Центральное архивное управление РСФСР.

Редакционно-издательский отдел.

Тел. редакции 3-72-91.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь !

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnyi Arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

50/51

ТОМ ПЕРВЫЙ — ВТОРОЙ
(ПЯТЬДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ)

1932

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

П Е Р В А Я
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«О Б Р А З Ц О В А Я».
М О С К В А, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главлита В-30582.
Тираж 2 250 экз. Заказ № 1041.
Сдано в производство 19/IV 1932 г.
Подписано к печати 23/VII 1932 г.
Форм. 72 × 105 1/16. Объем 14 3/4 п. л.
В 1 печ. л. 40 000 п. зн.

General Harr.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—95 г.г.

Публикуемые ниже документы из эпохи японо-китайской войны 1894—95 г. г. раскрывают один из ранних этапов захватнической политики тогда еще молодого японского капитализма. Япония, которая в предшествующий период едва не оказалась прямым объектом колониальной эксплоатации европейско-американского капитала и только что проделала свою далеко не завершенную буржуазную революцию в форме своеобразного приспособления проникнутого феодальными элементами строя к требованиям развивающегося капитализма, выступает теперь в роли крупного капиталистического хищника.

Слабая емкость внутреннего рынка Японии и невозможность его расширения иначе как путем решительного выкорчевывания многочисленных, еще сохранившихся феодальных остатков, с неизбежностью толкала японские правящие классы на лихорадочные поиски внешних рынков — на путь военных авантюр.

Формозская экспедиция 1874 г., японо-корейское соглашение 1876 г., провозглашавшее принцип корейской независимости и направленное против Китая, установление в 1879 г. японского владычества над островами Лиу-Киу, организация восстания в Корее в 1894 г., приведшего к вмешательству Японии, расходы по которому должна была платить Корея, Тяньцзинское соглашение 1886 г. с Китаем, установившее фактическое равноправие обеих держав в Корее и, по существу, их совместный протекторат над нею, — таковы факты активизации японской политики, направленной в первую голову на Корею.

Втечение последующих 10 лет в Японии ведется деятельная систематическая подготовка к войне с Китаем за корейскую территорию.

Японии приходилось торопиться со своим выступлением: в 1891 г. начата была постройка Сибирской железной дороги как на ее западных, так и на восточных участках, а в 1894 г. должно было начаться временное частичное движение по ней.

Перед Японией вырастала реальная угроза, что Россия может опередить ее в деле захвата Кореи.

Захват Кореи Россией означал бы такое усиление позиций царской России на Дальнем Востоке, которое было совершенно неприемлемо для Англии. Напомним, что, когда в результате Тяньцзиньского соглашения встал вопрос о приглашении в Корею русских инструкторов, в связи с чем Россия должна была получить незамерзающий порт Лазарева, Англия реагировала на это немедленным занятием порта Гэмильтон (1885 г.). Правда, назревавший тогда англо-русский конфликт на Дальнем Востоке был

на этот раз скоро ликвидирован, но основные англо-русские противоречия остались.

Не случайным является тот факт, что в момент назревания японо-китайского конфликта был заключен англо-японский договор 16 июля 1894 г., согласно которому отменялась экстерриториальность английских подданных в Японии и объявлялся принцип японской таможенной автономии.

Таковы основные моменты накопившихся к рассматриваемому времени международных противоречий вокруг корейского вопроса, моменты, дальнейшее развитие которых получает отражение в публикуемых документах.

Эти документы приобретают особый интерес в связи с происходящими в настоящее время событиями на Дальнем Востоке, бросая свет на ту эпоху, когда страна, теперь ведущая развернутую империалистическую политику в Манчжурии, будучи только что втянутой в орбиту развивающегося империализма, делала первые и еще неуверенные шаги по кровавому пути империалистического грабежа.

Публикуемые документы извлечены из дел японского стола фонда б. министерства иностранных дел, хранящегося в Архиве Революции и Внешней Политики.

Документы подготовили к печати В. Г. Вебер и С. Р. Димант.

1. Отношение посланника в Токио Хитрово на имя поверенного в делах в Корее К. И. Вебера.

21 (9) февраля 1894 г., № 50.

Мне сообщают из частного источника и тайным образом, что будто бы в Корее приготовляется серьезное восстание, что во главе заговора стоит отец короля; что восстание это должно вспыхнуть будущим летом и, во всяком случае, не позже осени; что агенты заговорщиков закупают в Японии и в Китае оружие, что уже четыре тысячи купленных ружей сложены в какой-то кладовой в Канагаве; что закуплены три парохода, из которых один будто бы уже прибыл в Японию и на него набирается команда из японцев и корейцев; что японскому правительству об этом заговоре ничего не известно; что некоторые японцы в нем участвуют и ему потворствуют; что корейские заговорщики уверяют их, что восстание будет в пользу Японии, но что это обман и революция замышляется в пользу Китая с его помощью; что Тай-вэнь-кун [1]) снабжает заговор деньгами, частью получаемыми из Китая, частью из своих собственных средств, впрочем значительно уже истощившихся; что отец короля для увеличения средств на восстание обратился к иокогамскому банкиру Уокеру, предлагая ему взять под залог принадлежащие ему в Корее золотые прииски; что Уо-

[1]) Отец короля Кореи.

кер посылает в скором времени в Корею инженеров для осмотра этих приисков; что исходной точкой будущего восстания предполагается Железный остров, куда будто бы уже свозится разный инсуррекционный материал, и где будто бы уже находится некоторое число завербованных японцев. Сообщаю вам эти сведения, отнюдь не ручаясь за их верность.

Хитрово.

2. Депеша посланника в Пекине Кассини министру ин. дел.

10 марта (26 февраля) 1894 г., № 9.

Известия, которые за последнее время получаются из Кореи, явно указывают на то, что господствующее в этой стране с некоторого времени возбуждение умов принимает все более и более крупные размеры, о чем, по всей вероятности, уже и доводил до сведения вашего высокопревосходительства наш поверенный в делах в Сеуле. Не далее как в минувшем декабре крупные беспорядки возникли в г. Кай-чэнь-фу, где как местные власти, так и проживающие в городе японцы вынуждены были спасаться бегством от жестокого преследования взбунтовавшихся жителей. Бессильное корейское правительство, обладающее слишком ничтожными средствами для подавления беспорядка, оказалось вынужденным войти в сделку с бунтовщиками и заместить новыми чиновниками прежних городских властей, которых население обвиняло во всевозможных злоупотреблениях. Недовольство корейского народа и враждебное настроение его по отношению к правительству, по всем признакам, начинает охватывать всю страну и невольно привлекает на себя внимание держав, заинтересованных в том, что делается на полуострове. Я позволяю себе ввиду этого представить вашему высокопревосходительству прилагаемый при сем перевод донесения китайского министра-резидента в Сеуле Юана [1]), с которым он обратился на днях к Ли-хун-чжану и которое мне удалось добыть из весьма секретного источника. Таинственность, которой китайское правительство облекает все то, что касается корейских дел, придает известное значение этому документу, подлинность коего не подлежит ни малейшему сомнению. Очевидно, что возбуждение и беспорядки, совершающиеся в Корее, сильно тревожат китайское правительство, которое более всего боится, чтобы беспоряд-

[1]) Т. е. Юан-ши-кай, впоследствии президент Китайской республики. См. ниже приложение.

ки эти, приняв широкие размеры, не послужили предлогом для вмешательства третьей державы. Представитель Японии в Сеуле недавно поручил японскому консулу в Тяньцзине осведомиться у Ли-хун-чжана, какого он мнения относительно корейских событий, и что думает предпринять китайское правительство, если в Корее вспыхнет восстание, которого в настоящую минуту легко ожидать. Ли-хун-чжан дал консулу уклончивый ответ, объяснив, что, в случае серьезных беспорядков, китайское правительство примет меры для защиты живущих в Корее иностранцев, и что, по возвращении с юга эскадры адмирала Тина, ей будет дано предписание отправиться в корейские воды. По той или другой причине Ли-хун-чжан не счел однакоже удобным высказаться консулу вполне откровенно, — ибо я знаю из безусловно достоверного источника, что уже 1 (13) марта он послал адмиралу Тину телеграмму с приказанием немедленно и с величайшей поспешностью направиться в корейские порты. Как ни незначителен на первый взгляд этот факт, но он может, мне кажется, служить указанием на то, что соглашение, которое, по моему мнению, существует между Китаем и Японией на тот случай, если бы Корее грозила опасность со стороны иностранного государства, не распространяется на случаи внутренних волнений в самой Корее, при которых китайское правительство признает за собой исключительное право вмешательства. С другой стороны, однако же, я сильно сомневаюсь, чтобы Япония, у которой в Корее есть весьма серьезные интересы и большое количество водворившихся там подданных, согласилась быть безучастным зрителем событий, непосредственно затрагивающих ее интересы и добровольно вверила их защиту китайскому правительству. Едва ли взаимное доверие обоих союзников будет простираться так далеко.

До сих пор нам еще нет оснований серьезно опасаться, чтобы тревожные события на Корейском полуострове возникли в близком будущем; но, во всяком случае, мы не можем отрицать факта, что вся Корея с некоторого времени охвачена глухим, но постоянно возрастающим возбуждением, которое легко может перейти в открытые беспорядки и неминуемо вызвать вмешательство Китая, а, может быть, и Японии.

Само собой разумеется, что мы не можем относиться к этому равнодушно. Более чем когда-либо нашим дипломатическим представителям на Дальнем Востоке и нашему высшему начальству на Амуре надлежит следить за тем, что совершается в соседней с нами стране и заботиться о том, чтобы не быть застигнутыми врасплох в ту минуту, когда события примут нежелательный для нас оборот.

Кассини.

Перевод секретного донесения китайского министра-резидента в Сеуле чжилийскому генерал-губернатору.

8 марта (24 февраля) 1894 г.

Во вторую половину первой луны я имел честь послать вашему высокопревосходительству письмо, которое теперь вы, вероятно, уже получили. В нем я докладывал о беспорядках в Корее: спешу добавить, что в настоящее время не выяснилось ничего особенного для успокоения их. По наведенным мной секретно справкам узнаю, что внутри страны официальные лица и богатые купцы ведут заговоры и в настоящее время трудно сказать, будут ли на этом смуты остановлены или возгорится новое восстание.

Япония послала уже военное судно для защиты своих купцов и подданных, но ведь и наших купцов, подданных и служащих здесь тоже немало: все они живут неспокойно (опасаясь в душе). За последнее время у меня в ямыне получаются отовсюду заявления и просьбы о защите торговых дел. Ныне в корейских водах мы имеем одно маленькое военное судно, и, если оно уйдет на восток, ему трудно смотреть за западом. Все суда северной эскадры находятся теперь, к сожалению, на юге, и, может быть, у вашего высокопревосходительства есть известия, когда суда эти вернутся обратно. Не найдете ли возможным послать адмиралу Тинь-жой-тину телеграмму, приказав ему скорее итти на север или прямо в Корею, чтобы он, находясь в корейских водах, мог обезопасить наших подданных?

В недавнее время я получил письмо от нашего консула в Чемульпо Люнень-няня, где он передает то же самое и хлопочет о помощи. Поэтому я доношу о вышеизложенном вашему высокопревосходительству и покорнейше прошу почтить меня скорейшим ответом о распоряжениях ваших по этому поводу.

Юан-ши-кай.

3. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле [1]).

1 июня (20 мая) 1894 г.

Волнение в южной Корее принимает более серьезный оборот возможно вмешательство Китая. Будет полезно послать военное судно, след ить за движением [2]).

Вебер.

4. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

5 июня (24 мая) 1894 г.

Опасения, высказанные в моей депеше от 10 марта № 9 [3]), к сожалению, оправдались. Известия из Кореи принимают решительно угрожающее значение. Главный очаг восстания — провинция Цюань-ло. Правительственные войска, посланные из Сеула, потерпели поражение и, по сведениям из Тяньцзина, корейское правительство обра-

[1]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Последняя фраза подчеркнута красным карандашом. Внизу надпись рукой Александра III: «Передайте управл. морским мин.».

[3]) См. № 2.

тилось к Китаю за помощью, которая, несомненно, будет ему оказана. По достоверным сведениям, отправлено уже 1 500 китайских солдат. Японское правительство, с своей стороны, не замедлит озаботиться защитой своих интересов в Корее. При таких условиях вряд ли можно будет Веберу выехать в Пекин. Я же, несмотря на болезненное состояние, считал бы несвоевременным воспользоваться высочайше разрешенным мне отпуском, и, если бы вы находили необходимым, я, в крайности, мог бы остаться до половины августа. Ожидаю приказаний вашего высокопревосходительства.

Кассини.

5. Телеграмма директора азиатского деп. министерства ин. дел Капниста секретарю миссии в Сеуле.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 52.

Reçu télégramme du 20 [1]).

Лодка «Кореец» отправляется в Чемульпо. Благоволите уведомить о степени важности беспорядков.

Капнист.

6. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г.

Вследствие посылки Китаем войск для усмирения корейского восстания японское правительство, на основании Тяньцзинского договора [2]), поспешно отправило в Корею отряд в тысячу пятьсот человек, по уверению министра иностранных дел, для защиты миссии и японских подданных. Морские японские силы сосредоточиваются

[1]) См. № 3.

[2]) Имеется в виду тяньцзинская японско-китайская конвенция о выводе китайских и японских войск из Кореи, заключенная между Ли-хун-чжаном и Ито 18 апреля 1886 г. В основном договор сводится к следующему: «Сим условлено, что Китай выведет свои войска, ныне расположенные в Корее, и что Япония выведет свои (войска), расположенные там для охраны ее миссии. Точный срок для осуществления сего определяется в четыре месяца, начиная со дня подписания... сей конвенции, втечение какового срока каждая из сторон по принадлежности осуществит вывод всей совокупности своих войск с целью фактически избежать каких-либо осложнений между подлежащими странами...

Обе названные державы взаимно соглашаются пригласить короля Кореи инструктировать и обучить достаточную вооруженную силу, дабы она могла сама обеспечить общественную безопасность... Обе державы обязуются... впредь не посылать никаких своих офицеров в Корею с целью инструктирования.

В случае возникновения в Корее серьезных беспорядков, которые вынудят обе державы или одну из них послать войска в Корею, сим условлено, что они

у корейских берегов. Японский посланник в Корее [1]) вчера выехал из Екоки в Сеул на военном судне в сопровождении советника министерства иностранных дел Мотоно и двадцати полицейских с офицером. По слухам, англичане заготовили для своей эскадры провиант на месяц в Гамильтоне. От Вебера никаких сведений не имею.

Хитрово.

7. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 31.

Среди мирного и спокойного течения здесь дел на этих днях неожиданно корейский вопрос вновь выступил на первый план политического положения на крайнем востоке. Все, что относится до этого жгучего вопроса, коего внезапное возбуждение всегда может угрожать самыми серьезными и непредвиденными осложнениями, носит характер особенной важности. Вот почему я счел долгом обстоятельной моей секретной телеграммой от вчерашнего числа [2]) предуведомить ваше высокопревосходительство о совершающихся здесь событиях.

Тревожные известия о развитии вспыхнувшего еще в прошлом году в Корее восстания так называемых Тогакуто не переставали за все это время питать здешнюю прессу и волновать общественное мнение. Однако же, в виду сообщенного мне в копии нашим поверенным в делах в Сеуле донесения его вашему высокопревосходительству от 10 (22) марта, за № 42 [3]), из которого можно заключить, что все эти известия в большинстве случаев значительно преувеличены и что, по крайней мере, в то время в Корее никаких серьезных опасений не существовало, я, хотя и продолжал следить внимательно за известиями из Кореи в здешних газетах, но относился к ним крайне разборчиво и осторожно. С этого времени я от действительного статского советника Вебера никаких известий не получал. Посланник наш в Пекине, как видно из телеграммы, мной от него полученной, равным образом, не имеет непосредственных известий из императорской миссии в Корее.

На этих днях, именно с неделю тому назад, известия из Кореи начали принимать все более и более тревожный характер. Восстав-

---

предварительно сделают, каждая другой, письменное сообщение о таковом их намерении, и что по улажении дела они выведут свои войска и не будут держать их там».

[1]) Отори.

[2]) Имеющаяся в делах б. мин-ва ин. дел копия телеграммы Хитрово датирована 8 июня (27 мая). См. выше № 6.

[3]) В делах б. мин-ва ин. дел этот документ не обнаружен.

ших Тогакуто уже насчитывали десятками тысяч; сообщалось, что восстание пользуется большим сочувствием в среде населения, что оно быстро растет и распространяется из провинции в провинцию; что инсургенты угрожают уже самому Сеулу и что высланные против них войска повсеместно потерпели полное поражение. Вслед затем появилось известие, что корейское правительство обратилось с просьбой о помощи к китайскому, и что Ли-хун-чжан высылает в Корею войска для усмирения восстания; что Япония, равным образом, высылает войска в Корею, и что в Иокосука и Хиросима идут усиленные приготовления для их посадки на военные суда. Все это совпало с неожиданным поспешным отъездом находившегося здесь в отпуску японского посланника в Китае и Корее г-на Отори, выехавшего третьего дня из Иокосука в Сеул на крейсере «Яе-яма-кан», в сопровождении советника министерства иностранных дел г-на Мотоно и 20 полицейских солдат с офицером. Вслед за появлением этих известий последовало строжайшее от министра внутренних дел газетам запрещение печатать известия о событиях в Корее и о военных действиях или приготовлениях. Несколько газет были приостановлены за нарушение этого запрещения.

Ввиду всех этих столь крупных фактов, я однако же не решался о них донести, не получив предварительно по их поводу надлежащих объяснений от министра иностранных дел. Вчера я имел продолжительную беседу с г-ном Муцу, после которой отправил мою телеграмму [1]); теперь считаю долгом представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства подробный отчет о разговоре моем с министром иностранных дел.

Г-н Муцу сказал мне, что именно лишь сегодня он может дать мне полные объяснения по поводу принятых решений; что уже с неделю начали приходить самые тревожные известия о быстрых успехах восстания Тогакуто и полном поражении 3 000 высланных против них корейских войск; что три дня тому назад японский поверенный в делах в Пекине телеграфировал, что корейское правительство обратилось к китайскому с просьбой о посылке войск для усмирения мятежа, и что Ли-хун-чжан отправил из Таку в Корею 1 500 солдат и еще некоторое количество войска из Шанхай-гуана; что тогда же японским правительством было принято решение о посылке, равным образом, войск в Корею и были начаты необходимые для сего приготовления, но что осуществление этой меры становится гласным лишь с сегодняшнего дня, с получением официального извещения китайского правительства о посылке в Корею китайских войск. Г-н Муцу пояснил, что,

---

[1]) См. выше № 6 и прим. 2 на стр. 9.

по договору их с Кореей 1883 года, Япония имеет всегда право послать войска в Корею, когда найдет это необходимым для безопасности своих подданных, а что по Тяньцзинскому договору между Китаем и Японией [1]) каждая из этих держав обязалась уведомлять другую в случае посылки ею войск в Корею, и что ныне уже таковое уведомление со стороны Китая последовало. «Раз Китай отправил войска в Корею, — прибавил г-н Муцу, — Японии не остается ничего другого, как сделать то же самое, и в настоящее время уже все приготовлено к отправлению войск». При этом г-н Муцу особенно обращал мое внимание на различие целей посылки в настоящем случае войск в Корею Китаем и Японией; китайские войска посылаются для подавления мятежа, японские же, по заверению министра иностранных дел, единственно для охраны жизни и имущества пребывающих в Корее японцев и японской там миссии и консульств. Г-н Муцу пояснил, что в Корее в настоящее время проживает до 20 тысяч японско-подданных, преимущественно занимающихся торговлей и по торговым делам своим странствующих внутри страны.

На мой вопрос о количестве войска, ныне посылаемого Японией, г-н Муцу отвечал уклончиво, объяснив мне, что Тяньцзинский договор не определяет количества войск, которое Китай и Япония могут отправить в Корею.

Далее г-н Муцу распространился о характере нынешнего корейского восстания Тогакуто и сообщил мне по этому поводу довольно интересные подробности. Восстание, без сомнения, вызвано прежде всего отвратительной администрацией, непомерными поборами и разнузданностью алчных чиновников и их тиранией. Но, помимо этих причин успеха, нынешнее восстание, повидимому, не лишено некоторой религиозной подкладки, что и придает ему особенное значение. В Корее существует предание, основанное на каких-то пророчествах китайских классиков, что после четырех или пятисот лет своего существования ныне царствующая династия Ли должна быть свергнута неким Теи. Рассказывают, что во главе нынешнего движения Тогакуто поставлен 15-тилетний юноша, носящий именно фамилию Теи. Об этом загадочном юноше ходят в народе разные сказочные рассказы, представляющие его каким-то предопределенным гениальным отроком. В Корее, стране, исполненной суеверий, все эти рассказы имеют громадное социально-нравственное значение. Помимо этого, вожди восстания сумели приобрести себе среди загнанного и порабощенного населения громадную популярность рассылаемыми прокламациями, в которых они строго воспрещают своим последователям всякое насилие над безоружными, грабежи и вымогательство и предписывают

[1]) См. стр. 8, прим. 2.

им итти лишь против чиновников, избегать напрасного кровопролития и уважать частную собственность. Неизвестно, насколько эти прокламации будут выполнены на практике, но, судя по редакции этих документов, можно заключить, что предводители Тогакуто — люди образованные, а отнюдь не безграмотные бунтари. Движение, повидимому, замечательно дисциплинировано. Однако же в основании этого движения — в настоящее, по крайней мере, время — поставлен принцип протеста против допущения в страну иностранцев; но, по мнению г-на Муцу, это ровно ничего не доказывает. «В наших странах, — прибавил г-н Муцу, — все с этого начинается и оканчивается совсем иначе». «Я сужу, — сказал он, — по собственному примеру: немного больше 25-ти лет тому назад я сам дрался в рядах восстания, поднятого в то время против допущения в Японию иностранцев, и вы видите, что из этого вышло».

Втечение нашего долгого разговора г-н Муцу не скрыл от меня своих опасений по поводу предстоящих одновременных действий в Корее китайских и японских войск ввиду антагонизма, существующего между этими двумя народами. Действительно, хотя г-н Муцу и уверяет, что японские войска посылаются в Корею лишь для охраны там пребывающих японцев и миссии, едва ли можно допустить, чтобы войска эти могли остаться вполне нейтральными между тамошним инсуррекционным движением, которому в душе всякий японец сочувствует, и кровопролитным подавлением этого движения китайцами. Еще столь недавно вековая ненависть японцев к китайскому и корейскому правительствам была так сильно возбуждена по поводу убийства в Шанхае корейского эмигранта Ким-ок-кюна и покушения в Токио против другого корейского эмигранта Боку-ей-ко. Ким-ок-кюн, еще при жизни пользовавшийся значительной популярностью в Японии, теперь уже превращается в легендарного героя. По слухам, его родственники и, в особенности, его младший брат играют выдающуюся роль в движении Тогакуто. Более этого, уже сложилась и распространилась, как в Корее, так и среди простонародья в Японии легенда, будто дух убитого Кима является корейским инсургентам и предводительствует их до сих пор непобедимыми полчищами. При таких условиях и при исконной взаимной враждебности японцев и китайцев, кровавое столкновение между их войсками в Корее по поводу самого ничтожного инцидента представляется случайностью, весьма правдоподобной. Г-н Муцу настолько признает основательность таковых опасений, что он не скрыл от меня, что перед китайским посланником он особенно настаивал на необходимости самых строгих предписаний, как из Пекина, так и из Токио, о взаимном уважении между китайскими и японскими войсками.

Независимо от этого, японское правительство опасается, чтобы корейские инсургенты не столкнулись с китайцами, которые, во всяком случае, едва ли удовольствуются подавлением или усмирением мятежа, а, по всей вероятности, захотят остаться и хозяйничать в Корее. Г-н Муцу мне прямо высказал эти опасения, прибавя: «Можем ли мы ввиду этого не послать войск в Корею, дабы следить там за действиями Китая?»

В заключение министр иностранных дел сообщил мне, что он телеграфировал всем представителям Японии при иностранных дворах, чтобы они, в случае обращения к ним запросов, отвечали, что Япония посылает войска в Корею исключительно для охраны там пребывающих японцев и японских миссий и консульств.

Представляя вышеизложенные факты на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, я на этот раз воздержусь от всяких комментариев. Императорское министерство, конечно, само оценит всю их важность ввиду возможных осложнений и сопредельного положения нашей восточной окраины с Кореей, Японией и китайской Манчжурией.

Хитрово.

8. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 32.

Во вчерашней секретной телеграмме моей вашему высокопревосходительству [1]) я, между прочим, сообщаю известие о том, что в порте Гамильтон заготовлен провиант на три месяца для всей английской Тихоокеанской эскадры. За достоверность этого сведения я, разумеется, поручиться не могу, но оно дошло до меня с разных сторон из источников, заслуживающих доверия. Наш консул в Нагасаки, равным образом, получил это сведение, и я ожидаю от него подробностей. Сегодня же здешний французский поверенный в делах сообщил мне, что и он получил это сведение от командиров французских военных судов, ныне находящихся в корейских водах. Г. Дюбаль сообщил мне тоже, что он получил от французского военного агента из Тяньцзиня телеграмму, коею он извещает его, что Ли-хун-чжаном отправлено в Корею из Таку и Шанхай-гуана всего три тысячи человек. По сведениям здешнего французского военного агента, японцами сосредоточено в Хиросима для отправления в Корею 4 000 человек войска. Но будут ли они все отправлены, еще неизвестно. Как кажется, японское правительство выжидает точных сведений о количестве

[1]) См. стр. 9, прим. 2 и № 6.

отправленных и отправляемых Китаем войск, дабы сообразовать с этим численность своей экспедиции.

В этом, вероятно, заключается объяснение уклончивого ответа министра иностранных дел на вопрос о количестве войска, которое Япония посылает в Корею.

Хитрово.

9. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

9 июня (28 мая) 1894 г.

По слухам, японцы посылают 4 000, тщательно скрывая настоящую цифру. Газетам запрещено сообщать сведения.

Хитрово.

10. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле [1]).

9 июня (28 мая) 1894 г.

Волнение в южной Корее продолжается. По просьбе корейского правительства, из Китая высылают солдат для усмирения бунтовщиков.

Японский правитель [2]) извещен телеграммой о высылке японских солдат. Говорит, для охраны миссии, хотя пока здесь опасности нет. Одновременно едет сюда Отори.

Керберг.

11. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

9 июня (28 мая) 1894 г., № 34.

В сегодняшних газетах появилось правительственное сообщение следующего содержания:

«В виду того, что возмущение в Корее приняло серьезные размеры, японское правительство отправляет туда войска для защиты миссии, консульств и проживающих в Корее японских подданных».

Хитрово.

---

[1]) Адресат не указан.

[2]) Очевидно, имеется в виду чиновник японской миссии, заменявший бывшего в отпуску посланника.

12. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

11 июня (30 мая) 1894 г.

Вчера прибыл сюда Отори, 300 матросов и 4 пушки. Президент [1]) сообщил представителям, что волнение уменьшается, и в Сеуле нет опасности, вероятно, опасаясь, чтобы другие представители не вызвали также матросов сюда.

Керберг.

13. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

15 (3) июня 1894 г.

Президент известил представителей, что волнение кончено. Японские матросы ушли, но 800 солдат пришли сюда. Отори торжественно объявил мне, что солдаты — только для защиты миссии и японцев в Сеуле. Здесь пока спокойно.

Керберг.

14. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

18 (6) июня 1894 г.

Сведения Отори: в Чемульпо прибыло 3000 японских войск пехоты, кавалерии и артиллерии. В Фу-сане два столкновения. Король сегодня частно известил меня: очень взволнован.

Керберг.

15. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

22 (10) июня 1894 г.

Поспешаю повергнуть при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества только что полученную мной телеграмму от находящегося в Тяньцзине, на пути, вследствие разрешенного ему отпуска, посланника нашего в Пекине [2]).

Доводя до сведения министерства о серьезном обороте, который принимают дела в Корее вследствие одновременного присутствия там китайских и японских войск, гофмейстер граф Кассини сообщает о ходатайстве, с которым обратился к нему Ли-хун-чжан, о посредничестве нашем для предотвращения неминуемого столкновения с японцами. Ли уверен, что, если мы настоим пред японским правительством

---

[1]) Президент (Président du Conseil d'État), по данным Готского альманаха за 1894 г., — Ким-ионг-со.

[2]) См. ниже № 16.

об отозвании японских войск из Кореи, заверив его, что китайское правительство одновременно отзовет свои, в чем он ручается, столкновение будет отвращено. Посланник наш прибавляет, что Ли-хун-чжан не скрыл от него, что англичане уже предложили ему свое посредничество, но что он предпочитает обратиться за этой услугой к нам.

Разделяя мнение графа Кассини, что посредничество наше в этом деле могло бы усилить наше влияние на Дальнем Востоке, и что необходимо предупредить возможность вмешательства Англии, я полагал бы поставить немедленно в известность посланника нашего в Токио о содержании телеграмм графа Кассини и поручить ему употребить все усилия для склонения японского правительства к соглашению с китайским об одновременном отозвании войск [1]), на что приемлю смелость испрашивать всемилостивейшее соизволение вашего императорского величества.

Гирс.

16. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

22 (10) июня 1894 г.

Проездом через Тяньцзин, я посетил Ли-хун-чжана. Он сделал мне чрезвычайно важное сообщение. Положение дела в Корее крайне серьезно. Хотя мятеж почти прекратился, но присутствие китайских и японских войск грозит, по словам Ли, почти неминуемым вооруженным столкновением Китая с Японией. Ли от имени китайского правительства обратился ко мне с просьбой передать императорскому правительству ходатайство Китая, чтобы Россия приняла на себя посредничество в этом вопросе, дабы побудить Японию одновременно с Китаем немедленно вывести войска из Кореи. Ли заявил, что китайское правительство признает за Россией, как непосредственно заинтересованной страной, исключительное право быть посредником. Он убедительно просит телеграфировать вашему высокопревосходительству просьбу Китая, чтобы мы побудили Японию немедленно отозвать войска из Кореи, причем Китай с своей стороны дает торжественное обязательство одновременно с Японией вывести свои войска. Считаю, что нам ни в коем случае не следует упустить представляющегося ныне случая принять на себя роль посредника, о чем ходатайствует Китай, что, без всяких с нашей стороны жертв, высоко поднимет наше влияние в Корее и на всем Дальнем Востоке, устранив возможность неминуемого и крайне неудобного для нас вооруженного

[1]) Телеграмма соответствующего содержания была отправлена в Токио 23 (11) июня за № 60, о чем тогда же был извещен Кассини телеграммой за № 61.

столкновения в Корее. Ли заявил, что Англия уже предложила свое посредничество, но Китай, признавая в этом случае первое право за Россией, счел долгом обратиться к нам. Дело принимает острый и угрожающий характер. Ли просит немедленного ответа. Буду ждать ваших указаний в Тяньцзине до 16 июня.

Кассини.

17. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

22 (10) июня 1894 г.

Президент снова сообщил: конец волнения в Корее. Однако теперь здесь и в Чемульпо около 8 000 японских воинов, ожидают больше. Министры и даже королевские принцы начинают оставлять Сеул. Китайский представитель уверил меня, что объявил японскому командиру готовность выслать войска, но одновременно с японскими. Отори не отвечает. Подозревают желание произвести революцию.

Керберг.

18. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

23 (11) июня 1894 г.

Наш консул из Иокогамы мне телеграфирует: английская эскадра получила приказание приготовиться в двадцать четыре часа к отплытию по первому приказанию.

Хитрово.

19. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

24 (12) июня 1894 г.

Reçu télégramme du 23 (11) Juin [1]).

Ли официально заявил, что Япония неоднократно делала Китаю предложения совместно с ним завладеть внутренним управлением Кореею. Основательно усматривая в этом решительное намерение Японии окончательно водвориться в Корее и честно соблюдая принятые им в 1886 году по отношению к России словесные обязательства, Китай ответил Японии решительным отказом. Ныне Япония объявила, что пока вышесказанные предложения не будут приняты, она не выведет своих войск из Сеула. Положение крайне натянуто, и Китай с нетерпением ожидает решения России, как единственной надежды на мирный исход. В ожидании высочайших указаний, я настаиваю, чтобы Китай безусловно избегал вооруженного столкновения.

Кассини.

---

[1]) См. стр. 16, прим.

20. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

25 (13) июня 1894 г.

Reçu télégramme du 23 (11) [1]).

Употреблю все усилия склонить японское правительство к одновременному с Китаем отозванию войск из Кореи для достижения согласно августейшей воле государя императора миролюбивого разрешения корейского инцидента. Предвижу большие затруднения, так как дело зашло уже далеко, и Япония быстро мобилизирует войска. При этом должен заметить, что Ли-хун-чжан, повидимому, скрыл от графа Кассини предложения Японии и, с другой стороны, телеграфировал здешнему китайскому посланнику, что граф Кассини ему обещал, без его просьбы, наше посредничество, на чем особенно настаивал китайский посланник в разговоре со мной, переданном в моей телеграмме от 11 июня [2]). Имею причины сомневаться в уверении Ли-хун-чжана о предложениях Англии, которая, очевидно, выжидает и легко может оказаться на стороне Японии, если в каком-либо виде обозначится с нашей стороны поддержка Китаю.

Хитрово.

21. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

25 (13) июня 1894 г.

Имел длинный разговор с министром иностранных дел. Считая осторожным не сразу вполне высказаться, я дал ему пока понять, что императорское правительство, озабоченное корейскими событиями, в миролюбивых видах своих желает, чтобы дело не дошло до войны, и чтобы последовало скорейшее соглашение Китая с Японией об отозвании их войск, и при этом я не могу не упрекнуть г-на Муцу за то, что, принимая серьезные решения, японское правительство не дало себе труда предупредить обстоятельно императорское правительство, которое дало ему столько доказательств бескорыстного благорасположения. Г. Муцу, высказывая длинные жалобы на вероломство китайского правительства, которое, по его словам, и теперь хотело лишь вновь подчеркнуть присваиваемые им сюзеренные права над Кореею, дал мне самые положительные уверения, что Япония отнюдь не помышляет утвердиться в Корее и готова во всякое время отозвать свои войска совместно с Китаем под условием хотя каких бы то ни было ручательств, что там будут приняты серьезные меры против возобнс-

[1]) См. стр. 16, прим.

[2]) Соответствующей телеграммы в делах б. мин-ва ин. дел не обнаружено.

вления причин к новому вмешательству; что невозможно допустить, что восстание окончательно прекращено, и что оно, несомненно, вновь вспыхнет тотчас по уходе войск, если не будут приняты благоразумные административные меры; что с этой целью Япония предложила Китаю составить смешанную комиссию с временным характером для серьезного расследования истинного положения дела и преподания советов корейскому правительству, но Китай высокомерно ответил на это предложение; что без всякого ручательства Японии увести войска ныне невозможно, — но что ни в каком случае она не начнет военных действий, если не будет прямо вызвана Китаем. Мое личное убеждение, что нынешний кабинет, зайдя слишком далеко в этом столь жгучем в Японии корейском вопросе, не может отступить без какого-нибудь благовидного предлога или хотя мнимого успеха. Войны же, как кажется, никто не хочет, и можно надеяться, что она будет избегнута и без постороннего посредничества. С другой стороны, по многим признакам, другие державы весьма желали бы видеть нас занятыми в Дальнем Востоке. Посему и ввиду возможных последствий прошу инструкций, должен ли я продолжать настаивать и должен ли изложить наши советы письменно или ограничиться одними словесными внушениями.

Хитрово.

22. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

25 (13) июня 1894 г.

По приказанию короля, президент официально просил иностранных представителей известить свои правительства, ввиду окончания волнения на юге, о возможности беспорядков вследствие присутствия иностранных войск, желательной высылки их обоюдным соглашением Японии и Китая; надеется, дружественные державы содействуют такому мирному разрешению положения. Представители американский, французский, английский и я коллективно известили об этом Юана и Отори.

Керберг.

23. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

28 (16) июня 1894 г.

Повергаемые у сего на высочайшее воззрение секретные телеграммы представителей наших в Китае, Японии и Корее [1]) содержат

[1]) Повидимому, имеются в виду телеграммы, напечатанные выше за №№ 19, 20, 22.

в себе сведения о положении дел в Корее и могущем возникнуть по этому поводу конфликте между Китаем и Японией.

Ввиду сложности и неясности взаимных их притязаний, мне казалось более осторожным пока ограничиться в ответных телеграммах к графу Кассини и гофмейстеру Хитрово [1]), у[illegible]го в копиях прилагаемых, поддержанием ходатайства сеульского правительства [2]) об очищении корейской территории китайскими и японскими войсками. Что же касается официального нашего посредничества, на которое, повидимому, рассчитывает Ли-хун-чжан, то таковое могло бы последовать лишь в случае согласия на оное обеих спорящих сторон.

Вышеизложенные соображения принимаю смелость повергнуть на всемилостивейшее усмотрение вашего величества.

Гирс.

24. Всеподданнейшая записка министерства ин. дел.

29 (17) июня 1894 г. [3]).

Японский посланник сообщил директору азиатского департамента по поручению своего правительства, что Япония имеет в виду лишь воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы обеспечить независимость и, по возможности, благоустройство Кореи. Японское правительство, однако, полагает, что оно не может вывести войск из Кореи, не условившись первоначально с Китаем либо о смешанной комиссии для разработки необходимых местных реформ, либо о том, чтобы Китай не вмешивался впредь в попытки Японии улучшить внутреннее положение Корейского королевства.

Граф Капнист спросил г. Нисси, что Япония предполагает делать, если китайцы отвергнут решительно ее условия? Ввиду ответа г. Нисси, что он этого не знает, директор азиатского департамента высказался в том смысле, что мы также желаем независимости и благосостояния Кореи, но не думаем, чтобы эти цели могли быть достигнуты посредством совместного занятия страны китайцами и японцами. Такое занятие создает весьма щекотливое положение, которое уже обращает на себя всеобщее внимание Лучше всего, казалось бы, очистить Корей-

---

[1]) Содержание телеграмм в Пекин и Токио от 28 (16) июня за №№ 57 и 58, а также телеграммы на имя Кассини от 29 (17) июня с указанием: «дополнение к тел. от 16» изложено в публикуемом документе, за исключением содержавшегося в телегармме на имя Хитрово предложения «внушить японскому правительству, что оно примет на себя серьезную ответственность, если затруднит очищение Кореи совместно с Китаем».

[2]) См. выше № 22.

[3]) На черновике, по которому здесь воспроизводится записка, имеются пометы: «Переписана 17 июня 1894 г.» и «Доложена 18 июня 1894 г.».

ское королевство и затем уже вести переговоры дипломатическим путем. Весьма тяжелая ответственность падает на тех, которые своим образом действий создадут корейский вопрос и даже, может быть, вызовут столкновения.

Гирс.

25. Записка директора азиатского департамента.

30 (18) июня 1894 г.

Посетивший меня английский посол сообщил, что китайский посланник в Лондоне сделал лорду Кимберлею сообщение, идентичное тому, с которым китайский посланник в Петербурге уже обращался сюда от имени Ли-хун-чжана, относительно местностей, куда должны быть оттянуты китайские и японские войска для того, чтобы удалиться друг от друга, эвакуируя Сеул. Ли-хун-чжан [1]) счел однако нужным прибавить в Лондоне, что Кассини в то же время побуждал Хитрово объявить японскому правительству, что державы договариваются между собой о принятии соответствующих мер [2]) на тот случай, если токийский кабинет отвергнет их советы.

Лорд Кимберлей ответил, что Англия ни в малейшей степени не склонна прибегнуть к какой бы то ни было угрозе. Он находит, равным образом, предложение Ли-хун-чжана, касающееся расположения вооруженных сил обеих сторон, несправедливым, поскольку порт Фузанг, предназначаемый японцам, отстоит на значительно большем расстоянии от корейской столицы, чем Пиньянг.

Не входя в рассмотрение этих деталей, я счел себя в праве заверить английского посла, что мы со своей стороны никому не собираемся угрожать.

Китайский посланник, беседовавший со мной во время своих посещений об этом деле, ничего подобного не говорил; равным образом, и телеграммы Кассини не упоминают о такого рода предложении, делать которое, помимо всего прочего, он не уполномачивался. Все это не может быть ничем иным, как только сплетнями Ли-хун-чжана, предназначенными для британского правительства и рассчитанными на то, чтобы запутать нас.

Одновременно сэр Франк Лассель просил меня передать вам, что термином, которым сэр Э. Грей воспользовался в парламенте применительно к совместному вмешательству (intervention commune) в корейский вопрос, было выражение «сотрудничество держав» (coopera-

---

[1]) Вся эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Это слово в подлиннике подчеркнуто карандашом.

tion des Puissances), а не «содействие держав» (assistance des Puissances), как об этом упомянуто в газетах [1]).

Капнист.

26. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Положение критическое. Намерение Японии захватить внутреннее управление Кореи стало очевидным. Китайское правительство с нетерпением ожидает результата представлений, сделанных нами в Токио. Китай явно желает избежать войны, тогда как Япония, видимо, ищет ее, основательно рассчитывая, что успех будет за ней. Опасность грозит со стороны Японии, а не Китая. Ли объявил, что Китай сознает необходимость реформ во внутреннем управлении Кореи и согласен, чтобы вопрос об этих реформах был обсужден и решен в форме конвенции между уполномоченными России, Китая и Японии либо в Сеуле, либо в Тяньцзине. Означенная уступка Китая дает нам неоспоримые преимущества. Япония, видимо, стремится устранить участие России. Прошу указаний вашего высокопревосходительства по сему предмету. Крайне важно настоять на отозвании Японией своих войск. Китай выведет свой отряд одновременно. Первый вероятный успех японцев сделает их окончательно несговорчивыми. Ввиду особой важности положения буду весьма признателен за возможно скорое сообщение мне решения императорского правительства. Англия и Германия усиленно интригуют против предоставления посредничества России.

Кассини.

27. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [2]).

1 июля (19 июня) 1894 г.

Министр иностранных дел сегодня в долгой беседе старался меня уверить, что Китай не чистосердечен, что, заявляя теперь о намерении отозвать войска, их вновь введет тотчас по уходе японских, что восстание не прекращено, что китайские войска двинулись внутрь против инсургентов, что Китай посылает новые войска, тогда как будто бы Япония не увеличила первоначального контингента своих войск, в чем сомневаюсь. На мой вопрос, какой он видит исход настоящему положению, министр ответил: «Мы сделали предложения Китаю,

---

[1]) На записке имеется помета карандашом, сделанная рукой Гирса: «Доложено государю».

[2]) На подлиннике знак рассмотрения, поставленный Александром III.

которые он отверг, теперь ожидаем его предложений». Министр кончил уверением, что, если только китайское правительство проявит искреннюю готовность на введение некоторых реформ, то Япония готова отозвать войска. Вообще выношу впечатление, что всякие словесные убеждения японцев бесполезны; опьянены самомнением, их отрезвит только урок, который они неминуемо получат от Китая [1]). Успех они могут иметь разве кратковременный, в конце одолеют китайцы. Так как японцы обещают не начинать военных действий без вызова, китайцы будут иметь полное время подготовиться. Если же желателен непременно мирный исход инцидента, то, по моему убеждению, разрешение вопроса не в Пекине и Токио, а в Сеуле [2]). Пусть корейское правительство, требуя удаления японских войск, само предложит внутренние реформы под надзором комиссаров китайских, японских и русских [3]). Тогда у Японии будет отнят предлог.

Хитрово.

28. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г., № 81.

Reçu télégramme du (29) 17 в пятницу вечером[4]). Мог видеть министра лишь в субботу в 5 часов. Обстоятельно развил ему внушения о серьезной ответственности, которую примет на себя Япония, если затруднит очищение Кореи совместно с Китаем. Он сказал, что должен посоветоваться с кабинетом прежде, чем ответить окончательно, для чего я, сверх словесных объяснений, во избежание недоразумений, вручил ему вербальную ноту. Пока он уверял, что еще не имел сведения об обращении корейского правительства к иностранным представителям, что, если действительно волнения прекращены, то, разумеется, нет необходимости долее оставаться войскам. Однако, он возвращался к прежним аргументам, настаивая, что восстание не прекратилось, и что японские войска находятся в Корее на основании японо-корейской конвенции 1882 года [5]). Он сообщил мне конфиденциально, что английский поверенный в делах сделал заявление о желании его правительства, чтобы нынешний японо-китайский инцидент окончился миролюбиво, и что О'Коннор делал в Пекине японскому поверенному

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Тоже.

[3]) Слова «и русских» подчеркнуты карандашом.

[4]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 28 (16) июля за № 58. См. стр. 20, прим. 1.

[5]) Слова «конвенции 1882 года» отчеркнуты в подлиннике карандашом, и против черты поставлен знак вопроса.

в делах заявление об изыскании способов миролюбивого соглашения между Китаем и Японией. Осмелюсь выразить мое крайнее убеждение, что было бы полезно теперь дать японцам возможность благовидного отступления, например, обсуждением, по отзыве [войск, [1]) воздействовать на корейское правительство для введения некоторого улучшения в действительно безобразном управлении этой несчастной страны.

Хитрово.

29. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Имел продолжительный разговор с министром-президентом. Граф Ито подтвердил мне все, что я уже слышал от министра иностранных дел. Он заключил положительными заверениями, что Япония отнюдь не имеет намерения завладеть внутренним управлением Кореи, что цель ее — ограждение фактической независимости Кореи от Китая, и что она готова отозвать свои войска совместно с Китаем, если только получит какие-либо ручательства, что корейское правительство предпримет необходимые реформы для предупреждения возобновления беспорядков и вмешательства Китая.

Хитрово.

30. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Обещанного ответа Муцу после совещания кабинета еще не получил. Военные приготовления продолжаются. О числе посланных войск японцы упорно секретничают. По моим сведениям, должно быть до сих пор послано около восьми тысяч человек. Некоторые из зафрахтованных коммерческих пароходов вооружены и вооружаются для пригодности к крейсерству. Позволяю себе повторить мое крайнее убеждение, что мирный исход может быть достигнут только при помощи какого-нибудь видимого предлога, который дал бы возможность Японии отступить без крайнего ущерба для национального самолюбия [2]). Без этого правительство, если бы и хотело, едва ли может отступить, ввиду крайнего возбуждения в стране. Таким предлогом могла бы быть, предложенная в моей телеграмме от семнадцатого, комбинация о смешанных комиссарах в Корее [3]). Здешний корейский

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Ср. выше №№ 21, 28.

[3]) Предложение о комиссарах содержится в телеграмме Хитрово от 1 июля (19 июня). См. выше № 27.

министр-резидент отправился в Корею, по уверению Муцу, с целью советовать своему правительству принятие рекомендуемых Японией реформ.

Хитрово.

31. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Руководствуясь моим советом избегать вооруженного столкновения, Китай остановил посылку подкреплений в Корею. Тем временем японцы уже высадили туда более 1 200 человек и продолжают посылку войск. Положение единственного двухтысячного китайского отряда близ Чемульпо критическое. Действия японцев крайне вызывающие. Ли официально объявил мне, что Япония предъявила корейскому королю ультиматум, требуя удаления китайской миссии из Сеула и признания японского протектората. Ли сообщил, что английский посланник в Пекине усиленно предостерегает китайское правительство против нашего посредничества, настойчиво внушая, что Россия тайно одобряет действия Японии. Положение становится почти безвыходным. Убедительнейшее прошу сообщить мне, в дополнение к телеграмме вашей от [24] 12 июня [1]), указания относительно дальнейших намерений императорского правительства.

Кассини.

32. Письмо военного министра министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

М. г. Николай Карлович.

Из доставленной вашим высокопревосходительством копии с высочайше одобренного журнала Особого совещания 26 апреля 1888 года по корейскому вопросу [2]) усматривается, что для производства в Корее предположенной сим совещанием сухопутной демонстрации потребуются, быть может, сравнительно значительные вооруженные силы, для сосредоточения коих необходимо известное время.

Хотя, как вы и изволите указывать в письме вашем от 14 июня [3]), ныне нет основания опасаться со стороны Китая вызывающих действий,

---

[1]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 23 (11) июня за № 61. См. стр. 16, прим.

[2]) Упоминаемый в тексте журнал Особого совещания подготовляется в данное время к опубликованию. — *Ред.*

[3]) В письме Гирса Ванновскому от 26 (14) июня 1894 г. за № 134 указывалось, что занятие русским гарнизоном пункта на корейском побережьи является несвоевременным, так как пока нет никаких оснований подозревать китайское правительство в намерении прочно утвердиться в Корее.

но, имея ввиду, что обстоятельства могут измениться, и что, судя по донесениям нашего военного агента в Китае и Японии, положение дел в Корее в настоящее время представляется, повидимому, весьма серьезным, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать в заблаговременном уведомлении меня, если производство помянутой демонстрации признано будет желательным, как о пункте, который будет избран для занятия нашим гарнизоном, так и вообще о получаемых в министерстве иностранных дел сведениях касательно положения дел в Корее, дабы своевременно можно было обсудить вопрос о численности потребных войск и сделать необходимые распоряжения по их сбору и снаряжению.

Ванновский.

33. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

3 июля (21 июня), № 65 [1]).

Reçu les télégrammes du 1 Juillet (19 Juin) [2]).

Опасаемся, что реформы в Корее служат только предлогом для вмешательства. Недоразумения между Китаем и Японией угрожают весьма нежелательным столкновением на крайнем Востоке. Япония могла бы гораздо удобнее действовать дипломатическим путем после очищения Кореи войсками обеих сторон. Советуйте держаться этого пути.

Гирс.

34. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

3 июля (21 июня) 1894 г.

Китай торжественно обязуется вывести свой отряд одновременно с японскими войсками. Получены ли мои телеграммы от (24) 12-го [3]) и (29) 17-го июня? [4])

Кассини.

35. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

3 июля (21 июня) 1894 г.

Réponse télégramme (29) 17 Juin [5]).

Из переговоров моих с Ли-хун-чжаном явствует, что Китай понимает наше посредничество в смысле побуждения нами Японии к уда-

---

[1]) На отпуске, с которого телеграмма здесь воспроизводится, имеется вторая дата: «4 июля (22 июня)».

[2]) См. выше №№ 29, 30.

[3]) См. выше № 19.

[4]) Повидимому, имеется в виду телеграмма, напечатанная выше под № 26.

[5] Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 28 (16) июня за № 57 (см. стр. 20, прим. 1).

лению ее войск из Кореи одновременно с китайскими, считая это единственным средством избежать войны. За оказанную нами услугу Китай формально признает за Россией право участия в решении вопросов внутреннего устройства Кореи совместно с Китаем и Японией. Ли-хун-чжан просит, чтобы мы оказали содействие к склонению Японии дать согласие на решение вопроса о реформах в Корее совместно с Россией и Китаем, что должно иметь место немедленно после удаления китайских и японских войск из Кореи. Считаю безусловно важным, чтобы Хитрово приложил все старания к склонению Японии на принятие этого столь выгодного как для нас, так и для нее предложения, коим обеспечивается на будущее время сохранение порядка в Корее, устраняется преобладающее влияние Китая, и которое представляется единственной прочной гарантией против новых покушений какой-либо державы на целость королевства.

Кассини.

36. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле.

4 июля (22 июня) 1894 г.

На мой взгляд, известия о волнении в Корее были сильно преувеличены китайцами, которые, под предлогом опасности и беспомощности корейского правительства, послали войска, чтобы показать свои якобы верховные права. В действительности волнение вызвано притеснением со стороны местных властей и не направлено против самого правительства; требования населением современных реформ вполне справедливы; я поэтому всегда предостерегал корейцев, что всякая попытка умиротворения оружием вызовет недовольство против короля и ухудшит положение. Если канцлер Ли утверждает, что иностранные представители в Сеуле просили Юана поддержать просьбу короля о присылке войск, то это — выдумка для оправдания произвольных действий Китая; в Тяньцзине я указал Ли, что отправка войск повлечет серьезные осложнения, но он будто бы не хотел верить в возможность посылки войск японцами. Первого июня на свидании с министрами они заявили, что волнение утихло. Полагаю, что Китай отступается ввиду серьезных мер Японии.

Вебер.

37. Записка директора азиатского департамента.

5 июля (23 июня) 1894 г.

Французский посол заявил мне, что китайское правительство обратилось к Франции, Англии и Америке с просьбой о содействии

в корейском вопросе. Граф Монтебелло присовокупил, что ему поручается осведомиться о нашей точке зрения.

Я изложил французскому послу сущность инструкций посланникам нашим в Китае и Японии, состоящих в том, чтобы побудить обе стороны отозвать свои войска из Кореи и затем уже вести переговоры дипломатическим путем.

Граф Монтебелло согласился, что этим способом, казалось бы, удобнее всего устранить опасность весьма нежелательного столкновения на Дальнем Востоке и что всем державам надлежало бы воздействовать на Японию в вышесказанном смысле.

Каппист.

38. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле министру ин. дел.

5 июля (23 июня) 1894 г.

Положение делается критическим. Отори решительно отказывается выслать войска до согласия короля отдать в руки Японии реформы правлением Кореею. Без помощи иностранных правительств есть опасность, что король сдастся.

Керберг.

39. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

6 июля (24 июня) 1894 г.

На сделанное мной от имени императорского правительства внушение министр иностранных дел в самых почтительных выражениях письменно ответил, что моя нота [1]), в виду ее важности, была самым тщательным образом рассмотрена японским правительством; что заявление корейского правительства [2]), на которое она ссылается, по последним сведениям японского правительства, оказывается преждевременным, так как не только причина смут не устранена, но и самое восстание не совсем подавлено; что поэтому необходимо принять должные меры, иначе, без устранения причины, беспорядки постоянно будут возобновляться; что японское правительство действует не с агрессивными целями, а только по необходимости, вызванной нынешним положением, и что, ввиду этого, министр, не задумываясь, заявляет, что Корея была бы очищена японскими войсками, как только японское правительство убедилось бы, что спокойствие в Корее восстановлено и нет опасности нового возмущения и беспорядков. В заключение министр изъявляет от имени японского правительства

[1]) См. выше № 28.
[2]) См. выше № 22.

глубокую признательность за любезные и дружеские советы императорского правительства и выражает надежду, что оно отнесется с доверием к искренности настоящего заявления.

Хитрово.

40. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

7 июля (25 июня) 1894 г., № 72.

Reçu télégramme du 21. [1])

Усилия наши направлены к тому, чтобы устранить возможность столкновения между китайцами и японцами. Воздействие наше на Японию относительно удаления войск из Кореи носит характер дружеских советов: вполне ценя доверие Ли-хун-чжана к нам, мы однако считаем неудобным непосредственное вмешательство наше в корейские реформы, так как за этим предложением, очевидно, скрывается желание втянуть нас в корейские замешательства и заручиться нашим содействием. Благоволите заверить, вместе с тем, что мы относимся самым дружеским образом к Китаю и сделаем все зависящее от нас, чтобы поддержать его мирные намерения.

Гирс.

41. Телеграмма директора азиатского департамента секретарю миссии в Сеуле.

7 июля (25 июня) 1894 г., № 71.

Reçu télégramme du 23 [2]).

Мы советуем в Токио и Пекине мирное соглашение и совместное по возможности очищение Кореи. Англия, повидимому, действует в таком же направлении. Но японцы утверждают, что волнения еще не улеглись. Сообщите ваши сведения на этот счет.

Капнист.

42. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

7 июля (25 июня) 1894 г.

Хитрово конфиденциально сообщил мне ответ японского правительства на наше представление в Токио [3]). Из этого ответа усматриваю, что Япония вежливо, но решительно отклоняет наше представление. Сегодня получено известие о новой посылке Японией в Корею десяти пароходов с войсками.

---

[1]) См. выше № 35.
[2]) См. выше № 38.
[3]) См. выше № 39.

Китай имеет в Корее лишь двухтысячный отряд, и Ли-хун-чжан готов теперь же дать приказание об отозвании его, если мы полагаем, что это новое доказательство миролюбия и лойяльности Китая будет способствовать успеху наших настояний в Токио.

Несмотря на сделанные нам там мирные заверения, образ действий Японии ясно указывает, что она твердо намерена устранить участие России и Китая и самовольно распорядиться судьбой Кореи. Китай объявляет, что решил сопротивляться этому во что бы то ни стало и что воздерживается пока от начала военных действий только потому, что не теряет надежды на успех нашего заступничества.

По моему глубокому убеждению, ныне наступил для нас момент определенно решить, можем ли мы допустить водворение в Корее исключительного влияния Японии и вероятный захват ею полуострова; при ясно обнаруживающихся беспокойных стремлениях японской политики и ввиду многих других политических причин, Япония, несомненно, является нежелательным для нас соседом на материке.

Как бы то ни было, по моему мнению, нам невозможно долее оставлять в неопределенности китайское правительство, которое настойчиво требует от нас теперь же ответа, намерены ли мы твердо настаивать на очищении Кореи от японских войск, и какое положение мы займем по отношению к Китаю, если наши настояния в Токио окажутся безуспешными, и между Китаем и Японией возникнет неизбежная в таком случае война. Убедительно прошу возможно скорых указаний.

Кассини.

43. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

8 июля (26 июня) 1894 г.

Повергаемая при сем на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретная телеграмма посланника нашего в Китае [1]), возвращаясь к вопросу о нашем непосредственном участии в деле внутренних реформ в Корее, указывает на уступки, будто бы сделанные нам Ли-хун-чжаном и настаивает на принятии оных.

В ответной телеграмме моей, у сего в копии прилагаемой [2]), я счел полезным разъяснить графу Кассини нашу точку зрения на китайский вопрос, стараясь придать воззрениям нашим наиболее любезную для Китая и для самого Ли-хун-чжана форму. Цель министерства иностранных дел заключалась в том, чтобы отказом нашим принять участие в деле корейских реформ и втянуться таким образом во внутренние корейские замешательства не побудить китайское правительство обратиться к советам Англии.

[1]) См. выше № 42.
[2]) См. ниже № 48.

44. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле министру ин. дел.

8 июля (26 июня) 1894 г.

По слухам, отдельные малые шайки бродят еще в южных провинциях. Но это не оправдывает присутствия около 15 000 японских войск в Сеуле и Чемульпо, каковое, очевидно, имеет другую цель.

Керберг.

45. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 73.

На наши представления Япония ответила письменно,[1]) в самой положительной форме, что заявление корейского правительства о том, что порядок уже восстановлен, оказывается преждевременным, так как не только причина смут не устранена, но самое восстание не совсем подавлено; что поэтому необходимо принять должные меры, иначе без устранения причины, беспорядки будут возобновляться. Японское правительство утверждает, что оно не преследует агрессивных целей и, не задумываясь, может заявить, что Корея была бы очищена японскими войсками, как только японское правительство убедилось бы, что спокойствие восстановлено, и нет опасности новых беспорядков.

Гирс.

46. Телеграмма министра ин. дел послу в Лондоне Стаалю.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 75.

Благоволите осведомиться, обратился ли Китай к услугам Англии для разрешения своих разногласий с Японией по поводу Кореи и, какой прием встретил этот шаг. Мы желали бы предупредить конфликт и посоветовали обеим сторонам разрешить вопрос дипломатическим путем, отозвав свои войска. Япония ответила [1]), что, по ее мнению, спокойствие в Корее окончательно еще не установлено и что причины беспорядка еще не устранены.

Гирс.

47. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 76.

Reçu télégramme du 24 [2]).

Благоволите заявить японскому правительству, дружеским образом, что мы с удовольствием усматриваем из его сообщений отсутствие

[1]) См. выше № 39.
[2]) См. выше № 40.

агрессивных целей у Японии и готовность очистить Корею, как скоро японское правительство убедится, что спокойствие восстановлено, и нет опасности новых беспорядков. Японии надлежало бы, по нашему мнению, немедленно вступить в переговоры с Китаем на этих общих основаниях. Не упуская из виду, что мы не можем относиться равнодушно к корейским событиям вследствие нашего соседства с Кореей, мы руководствуемся, однако, исключительно искренним желанием устранить возможность столкновений между китайцами и японцами.

48. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

10 июля (28 июня) 1894 г., № 77.

Reçu télégramme du 25 [1]).

Мы отнюдь не желаем вмешиваться в настоящие корейские замешательства вслед за китайцами и японцами, имея возможность всегда оградить наши интересы. Не теряйте из виду, что наши представления Японии имели характер дружеского, хотя весьма настоятельного совета прийти к соглашению с Китаем относительно очищения Кореи, чтобы избежать столкновения. Из ответа Японии усматривается некоторая готовность притти к соглашению, и мы желали бы, чтобы Китай воспользовался этим обстоятельством. Имеем основание полагать, что Англия действует пока в одинаковом приблизительно направлении [2]).

Гирс.

49. Телеграмма посла в Лондоне министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

Китай непосредственно не обращался к услугам английского правительства, но последнее дало соответствующие нашим советы как Японии, так и Китаю. Китай весьма расположен им следовать, равно как и Япония, но эта империя настаивает на том, что инициатива переговоров должна исходить от Китая, который отклонил первоначальные предложения Японии. Согласно известиям, полученным Кимберлеем, Китай приветствовал бы совместное выступление пяти держав, [3]) что вам было предложено английским кабинетом [4]).

Стааль.

---

[1]) См. выше № 42.

[2]) На отпуске имеются две пометы карандашом: первая — зачеркнутая: «Не отправлять» и вторая: «Отправить».

[3]) Слова «пяти держав» (des cinq Puissances) подчеркнуты и на полях против этого места поставлен знак вопроса.

[4]) На подлиннике помета Александра III: «Очевидно, что англичане хотят забрать все это дело в свои руки и играть первую роль».

50. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

В прошедшее воскресенье [1]) английский посол предложил французскому правительству «совместное вмешательство» (intervention commune) в Корее, высказав просьбу ответить немедленно. На следующий день, приступив к исполнению своих обязанностей, Ганото ответил, что правительство, будучи недостаточно осведомленным о ситуации и не имея непосредственных серьезных интересов в Корее, оставляет за собой право притти к тому или иному решению по получении более полной информации. Позавчера он телеграфировал Монтебелло.

В то же время китайский посланник осведомился о том, имеется ли у Франции договоренность (accord) с Англией, Россией и Соединенными Штатами. Ганото, повторив свой ответ, подчеркнул значение интересов России, как граничащей с Кореей державы. Доброжелательного отклика, как мне доверительно сообщил Ганото, он не встретил. Китайский посланник тотчас же отбыл в Лондон, не вручив до сих пор верительных грамот. Известия, получаемые из Токио, становятся, как будто, все тревожнее. Ганото прежде всего запросит Англию, что понимается ею под «совместным вмешательством» (intervention commune). Если бы оказалось, что имеются ввиду только Франция и Англия, он отнесся бы к этому отрицательно, видя тут желание изолировать Россию. Если же речь идет о коллективном вмешательстве (intervention collective), на которое намекал китайский посланник, он будет ждать для того, чтобы сделать соответствующий шаг, отзыва императорского правительства. Слова «посредничество» он не слышал. Счел благоразумным сказать ему, принимая во внимание, по меньшей мере, двусмысленную роль Китая, что я также до сих пор не слышал этого слова. Ждет сегодня ответа от Англии [2])... Отправление сегодняшней почты не позволит мне узнать дальнейшее ранее завтрашнего дня.

Моренгейм.

51. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

Французское министерство иностранных дел телеграфировало своему здешнему поверенному в делах, что, уведомленное о том, что Россия ведет переговоры в Пекине и Токио для достижения мирного разрешения корейского инцидента, французское правительство иск-

[1]) Т. е. 8 июля (26 июня).

[2]) В конце фразы речь идет о Конго.

ренно желает успеха сих переговоров, и ему поручается, не делая официального заявления, поставить о сем в известность японское правительство, что г. Дюбайль исполнил вчера и мне сообщил.

Хитрово.

52. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

12 июля (30 июня) 1894 г.

До и после получения истощил все советы, указываемые в телеграмме вашего высокопревосходительства от 22 июня [1]). Сегодня Муцу мне хвастался успехом японских непосредственных переговоров с корейским правительством, которое, по его словам, склоняется произвести требуемые Японией реформы и принять другие ее предложения. На мой вопрос, думает ли Япония закрепить свое соглашение с Кореей каким-либо международным актом, министр отвечал весьма уклончиво. Очевидно, японское правительство желает избежать чьего-либо участия и надеется, помимо Китая, непосредственно согласиться с Кореей продлить свою оккупацию до фактического осуществления этого соглашения. Дабы воспрепятствовать сему, полагаю, было бы полезно либо осуществить высказанную мной в телеграмме от 17 июня мысль о комиссарах [2]), либо настоять на заключении конвенции между Китаем, Японией и Россией, о которой мне конфиденциально сообщил Кассини телеграммой от 20 июня [3]). Во всяком случае, переговоры вести, полагаю, было бы всего удобнее в Сеуле, откуда известий не имею.

Хитрово.

53. Перевод телеграммы из Токио, сообщенной японским посланником. [4])

12 июля (30 июня) 1894 г.

Китайское правительство объявило, что оно не желает вступить в переговоры по корейскому вопросу. Мы ответили официально через нашего поверенного в Пекине, что, принимая во внимание то, что часто происходящие беспокойства в Корее имеют своим источником беспорядок внутренней администрации, японское правительство нашло лучшим оказать содействие корейскому правительству в иско-

---

[1]) Повидимому, имеется в виду № 33.

[2]) Предложение о комиссарах содержится в телеграммах Хитрово, публикуемых выше под №№ 27, 30.

[3]) См. № 26. Телеграмма Кассини Хитрово от 2 июля (30 июня) в делах мин-ва ин. дел не обнаружена.

[4]) Заголовок подлинника, на котором помета: «Сообщено пребывающим здесь японским посланником 15(3) июля 1894 г.».

ренении этих причин введением внутренних административных реформ, и для достижения этой цели не может быть лучше, как совокупная помощь Китая и Японии, имеющих общий жизненный интерес в этой стране. В этих видах было предложено совокупное оказание помощи Корее, но, к нашему удивлению, китайское правительство окончательно отказало в этом, ограничиваясь только требованием вывести наши войска из Кореи, и нисколько не высказывает расположения к признанию нашего взгляда. Можно вывести единственное заключение из настоящего положения, — это то, что китайское правительство расположено к ускорению усложнений [1]), и в этом случае японское правительство считает себя освобожденным от всякой ответственности за те случайности, которые, при стечении обстоятельств, могут быть в будущем.

54. Телеграмма министра ин. дел послу в Париже.

13 (1) июля 1894 г.

Получил телеграмму от 29 июня [2]).

Монтебелло, посетив меня только что, выполнил возложенное на него поручение по корейскому вопросу. Я ему ответил, что мы искренно стремимся к тому, чтобы было достигнуто соглашение между Китаем и Японией во избежание конфликта, и действуем в этом смысле. Поэтому мы продолжаем настаивать на одновременном отозвании обеими сторонами своих войск. Мы можем только приветствовать, если другие державы действуют в том же направлении. Мы однако не решаемся высказаться определенно в пользу сделанного, наряду с Францией также и нам, английского предложения, не узнав предварительно, в какой форме могло бы быть оказано давление на оба втянутых в конфликт правительства. Наши интересы в Корее, как граничащей с нею державы, слишком серьезны, чтобы мы не пытались, в предвидении всегда могущей наступить случайности, сохранить за собой полную свободу действий.

Помимо этого, я не дам определенного ответа английскому кабинету, пока не испрошу высочайших указаний [3]).

Гирс.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. выше № 50.

[3]) В телеграмме Гирса Стаалю от 14 (2) июня за № 81 сообщалось: «Мы не можем дать ответа лондонскому кабинету, не получив предварительно соответствующих указаний от пребывающего в данное время в Финляндии императора, и не решаемся высказаться по этому вопросу категорически, не зная, в какой форме предполагается осуществить давление держав на Японию и Китай».

55. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

13 (1) июля 1894 г.

Réponse télégramme 28 juin [1]).

Китайских фактически нет. Китайский отряд находится в местности, где было возмущение. Начальник отряда донес Ли-хун-чжану, что волнение прекратилось, и что достаточно самой небольшой вооруженной силы для поддержания в стране спокойствия.

Кассини.

56. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

14 (2) июля 1894 г.

Глубоко признателен вашему высокопревосходительству за столь ясные и точные указания, заключающиеся в телеграммах 25 [2]) и 28 июня [3]). Впрочем с самого начала моих переговоров с Ли-хун-чжаном я отклонял мысль об активном вмешательстве России в корейские замешательства и заверял только то, что нами будут приложены все зависящие от нас усилия, дабы устранить возможность войны между Китаем и Японией. Ныне, в видах избежания всякого недоразумения, я вновь ясно и определенно высказал канцлеру взгляд русского правительства на настоящий вопрос и подтвердил нежелание наше вмешиваться во внутренние дела Кореи. Ли-хун-чжан просил меня передать императорскому правительству его искреннюю благодарность за наши добрые услуги и не скрыл от меня своего взгляда по поводу нашего отказа воспользоваться предложением Китая принять участие в обсуждении и проведении реформ в Корее, ибо эта экстренная уступка, которую Китай считал себя обязанным сделать в пользу России, вызывала, по его словам, крайнее неудовольствие английского правительства. Что же касается до миролюбивых намерений Японии, то канцлер заявил мне, что таковые внушают ему крайне мало доверия в виду постоянно продолжающейся отправки в Корею японских войск. Вследствие сего Китай считает себя вынужденным начать деятельные приготовления к войне, которая отныне считается почти неизбежной. Так как особенные мотивы, важность коих, без сомнения, была взвешена императорским правительством, побуждают Россию отказаться от принятия на себя преобладающей роли в разре-

---

[1]) В телеграмме Гирса от 10 июля (28 июня) сообщалось, что советовать из Петербурга — «оставить или удалить китайские войска из Сеула» — невозможно.

[2]) См. выше № 40.

[3]) См. выше № 48.

шении корейского вопроса, то не признаете ли вместе своевременным и полезным указание нашему посланнику в Токио возбудить [1]) вопрос о коллективных миролюбивых представлениях японскому правительству со стороны представителей всех держав, заинтересованных в сохранении спокойствия на Дальнем Востоке, дабы побудить Японию войти в скорейшем времени в соглашение с Китаем относительно мирного улажения корейского инцидента [2]). Полагаю, что в этом случае мы можем твердо рассчитывать на полную готовность со стороны Франции, и, по всей вероятности, Англия также присоединится к этому.

Кассини.

57. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел [3]).

14 (2) июля 1894 г.

Ли-хун-чжан только что передал мне, что английский посланник в Пекине стал именно настойчиво уговаривать цзун-ли-ямынь [4]) уступить Японии и предоставить ей полную свободу распоряжаться внутренними делами Кореи [5]), указывая, что в руках Японии Корея явится сильным оплотом против поползновений России расширить свои владения и свое влияние на Дальнем Востоке, что главным образом важно для самого Китая [6]).

Кассини.

58. Великобританский посол в Петрограде министру ин. дел.

9 июля (27 июня) 1894 г. [7]).

Господину Говарду поручено его правительством осведомиться у императорского правительства, расположено ли оно присоединиться

---

[1]) Начиная отсюда до конца предложения отчеркнуто карандашом. Слово «коллективных» подчеркнуто.

[2]) К этому слову рукой Гирса сделано следующее примечание карандашом: «Вопрос этот может быть рассмотрен лишь по получении все еще ожидаемого ответа из Лондона».

[3]) На подлиннике — знак рассмотрения, поставленный Александром III.

[4]) Китайское мин-во ин. дел.

[5]) Слова: «распоряжаться внутренними делами Кореи» отчеркнуты карандашом и против черты поставлен вопросительный знак.

[6]) Далее помета рукой Александра III: «Не сомневаюсь, что это так».

[7]) На хранящемся в делах б. мин-ва ин. дел подлиннике публикуемого документа на верху, в левом углу, против входящего № имеется помета: «2 июля 1894 г.», что, повидимому, указывает на несколько запоздалую регистрацию документа во входящем журнале. Ср. указание в № 54, из которого видно, что 13 (1) июля английское предложение было уже получено. Это косвенно подтверждается также тем, что, согласно № 50, в Париже аналогичное предложение было сделано 8 июля (26 июня).

к совместным действиям (intervention commune) в целях добиться разрешения спорного между Китаем и Японией вопроса [1]).

Лассель.

59. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [2]).

15 (3) июля 1894 г.

Исполнил возложенное на меня телеграммой от 27 июня поручение [3]). Министр иностранных дел выразил глубокую признательность за доверие [4]), оказываемое императорским правительством его заявлению, и сказал, что немедленно передаст императору содержание моего сообщения. Относительно переговоров с Китаем оказывается, что Китай не входит ни в какие соглашения, настаивая на простом очищении Кореи японскими войсками.

Хитрово.

60. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

15 (3) июля 1894 г., № 84.

Мы осведомились из секретного источника, будто бы между Китаем и Японией начались какие-то переговоры. Здешний китайский посланник не передавал нам предложений по корейскому вопросу, которые вам делал Ли-хун-чжан, и вообще не обращался к нам. Будем ожидать известий ваших, по возможности, из Пекина.

Гирс.

61. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

17 (5) июля 1894 г.

Узнал из достоверного источника, что английское правительство предполагает сделать в Петербурге, Париже, Берлине и Вашингтоне предложение — действовать сообща с Англией с целью мирного улажения китайско-японского столкновения. Так как Китай уже обратился к посредничеству России, как державы, непосредственно заинтересованной в этом вопросе, мне кажется, что мы сделали бы

---

[1]) На подлиннике к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Смею думать, что нам следует подождать отзыва Стааля на наш запрос» (см. № 46), под чем рукой Александра III написано: «Да».

[2]) На подлиннике — знак рассмотрения, поставленный Александром III.

[3]) См. выше № 47.

[4]) К этим словам рукой Гирса сделано примечание: «Телеграмма эта, заключающая наши миролюбивые советы, была повергнута на высочайшее воззрение».

политическую ошибку, уступив благодарную роль мирного посредника другой державе, а тем более Англии, и не поручив нашему посланнику в Токио пригласить иностранных представителей в Японии к совместным с нами действиям в смысле, высказанном в моей телеграмме от 30 июня [1]).

Кассини.

62. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел [2]).

17 (5) июля 1894 г.

Отори назначил трехдневный срок для обсуждения введения следующих реформ: в десять дней приступить к реорганизации администрации, постройке железных дорог, телеграфов, в шесть месяцев упорядочить финансы и морские таможни, в два года преобразовать судопроизводство, войско, полицию, народное просвещение. Король, сознавая в принципе необходимость реформ, не дал положительного ответа ввиду краткости времени и присутствия японской армии. Трехдневный срок истек [3]).

Вебер.

63. Всеподданнейшая записка министерства ин. дел [4]).

Повергаемая при сем на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретная телеграмма посла нашего в Лондоне служит ответом на запрос министерства иностранных дел относительно газетного известия об официальном посредничестве Англии в корейском вопросе и принятии сего посредничества Японией и Китаем [5]). Д. т. с. Стааль отрицает самым положительным образом верность этого известия. Лорд Кимберлей утверждает, по его словам, что Великобритания ограничивалась до сих пор в корейском деле преподанием советов, подобных нашим, обеим противным сторонам. Ввиду отказа

[1]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Кассини от 14 (2) июля. Ср. № 56.

[2]) На подлиннике рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[3]) К этим словам рукой Гирса сделана сноска: «Мне кажется, что это фантастическое требование доказывает, что японцы не желают никакого соглашения с Китаем.» Под сноской рукой Александра III написано: «Да».

[4]) На черновике, по которому публикуется документ, имеется помета: «Переписана 6 июля 1894 г.» Дата доклада царю не указана.

[5]) Имеется в виду телеграмма Гирса от 16 (4) июля за № 83, которой Стаалю поручалось проверить правильность сообщения агентства Гаваса, будто Англия предложила свое посредничество Китаю и Японии, на что Япония ответила согласием. Упоминаемая в тексте публикуемого документа ответная телеграмма посла в Лондоне от того же числа исчерпывающим образом изложена в первой части всеподданнейшей записки.

Японии очистить Корею, он полагал бы в нужную минуту полезным посоветовать сим последним притти, по крайней мере, к соглашению относительно совместной оккупации, с размещением войск каждой стороны на некотором расстоянии друг от друга, во избежание столкновения. Соглашение между Россией и Англией по сему предмету является лорду Кимберлею тем более желательным, что Франция и Германия, склоняясь к тому, чтобы поддержать воздействие наше на японское и китайское правительства, предоставляют почин этого дела нам и Великобритании. Из телеграммы посла нашего в Лондоне вытекает, что Соед. Штаты Северной Америки, также заинтересованные в корейском вопросе, предпочитали бы воздержаться однако от общих дипломатических представлений.

Осмеливаюсь высказать мнение, что вследствие вышеизложенного с нашей стороны, казалось бы, не встречается препятствий предписать посланникам нашим в Пекине и Токио снестись с английскими представителями в смысле предложения лорда Кимберлея, присовокупив в то же время выражение общего желания держав, чтобы корейские недоразумения были улажены посредством дипломатических переговоров. Мы могли бы обратиться вместе с тем к Франции и Германии с просьбой поддержать нас. Соответствующие проекты телеграмм к представителям нашим в Японии и Китае, а также в Лондоне, Париже и Берлине повергаются при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества [1]).

Гирс.

---

[1]) В телеграмме от 22 (10) июля Гирс предписывал Кассини договориться с его английским коллегой по вопросу о «преподании [Китаю] совета за неимением лучшего войти в соглашение относительно продления оккупации с условием размещения японских и китайских войск так, чтобы устранить всякую возможность столкновения. Одновременно предлагалось возобновить... выражение общего желания разрешить вопрос дипломатическим путем». Тогда же идентичная телеграмма на французском языке была отправлена Хитрово.

В телеграмме под той же датой за № 98, адресованной в Париж и Берлин (поверенному в делах Чарыкову) и излагавшей предложение Кимберлея в редакции, почти совпадающей с только что цитированной телеграммой, передавалось приглашение правительствам Франции и Германии присоединиться к предпринимаемому Англией и Россией шагу и снабдить своих представителей «инструкциями, аналогичными нашим».

Телеграммой в Вашингтон от того же числа за № 96 Гирс поручал посланнику Кантакузену: 1) высказаться в том смысле, что «мы желали бы мирного исхода корейских недоразумений между Китаем и Японией», и 2) присовокупить, что «воздействие других заинтересованных держав в таком же направлении желательно». Представляя эту телеграмму Александру III на утверждение, Гирс в особой всеподданнейшей записке, переписанной 18 (6) июля, докладывал, «что сообщение взгляда нашего на корейский вопрос посланнику нашему в Вашингтоне казалось бы желательным, невзирая на то, что великобританское прав-во утверждает,

64. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел [1]).

18 (6) и ю л я 1894 г.

Дружеское посредничество без успеха. Японские войска заняли городские ворота, начинается осадное положение, недостаток, паника, бегство. Король, население возлагают единственную надежду на заступничество России. Дальнейшее бездействие [2]) уничтожит наш престиж.

В е б е р.

65. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

19 (7) и ю л я 1894 г., № 89.

Благоволите осведомиться, каких уступок Япония требует от корейцев, и обратить внимание японского правительства на то, что никакие уступки не могут быть действительны, если они противны трактатам, заключенным с самостоятельным корейским государством [3]). Мы руководствуемся желанием не возбуждать в будущем излишних затруднений и надеемся, что Япония признает наши дружеские намерения.

Г и р с.

66. Записка директора азиатского департамента.

19 (7) и ю л я 1894 г.

Все известия из Сеула, как официальные, так и газетные, указывают на весьма тревожное положение вещей, которое заслуживает полного внимания с нашей стороны.

будто бы Соед. Штаты Сев. Америки уклоняются от всякого общего воздействия на Китай и Японию в корейских делах».

О том, что предприняты соответствующие шаги в смысле изложенных выше телеграмм, 22 (10) июля телеграфно сообщалось Стаалю за № 97.

На всех упоминаемых в данном примечании документах (равно как и на публикуемом в тексте документе — ср. стр. 39, прим. 4) имеется помета: «Переписана 18 (6) июля».

[1]) На подлиннике рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Слова: «дальнейшее бездействие» в подлиннике подчеркнуты карандашом и на полях поставлен знак вопроса. Рукой Гирса к этому месту сделано примечание: «До сих пор бездействия не было. Мы усиленно действуем, в границах благоразумия, на обе спорящие стороны и сносимся по этому вопросу с другими державами. Мы будем продолжать такое действие, пока не достигнем очищения Кореи от военной оккупации. В этом смысле Вебер должен был бы говорить корейцам».

[3]) То же предлагалось иметь ввиду Веберу, причем ему разрешалось «высказываться лично от себя в этом смысле» (тел. от 19 (7) июля № 90).

Имеющиеся ввиду общие с другими державами представления распадаются на две части:

1) Совет, предложенный лордом Кимберлеем, расположить японские и китайские войска на таком расстоянии друг от друга, чтобы между ними не могло произойти столкновения, и

2) Возобновление державами представлений наших в пользу мирного разрешения корейского вопроса дипломатическим путем.

Первый пункт может быть принят Японией, главной виновницей происходящих замешательств, беспрекословно, так как японские войска уже занимают Сеул, а китайские стоят, повидимому, в довольно большом расстоянии от столицы, в той местности, где произошло восстание. Предложение лорда Кимберлея клонится, таким образом, лишь к тому, чтобы, так сказать, узаконить существующее расположение военных сил в пользу Японии.

На второй пункт токийское правительство, вероятно, даст такой же уклончивый ответ, как и на наши предшествующие изолированные представления.

Ввиду вышеизложенных соображений, казалось бы, необходимым, по возможности, ускорить воздействие держав с тем, чтобы в случае уклончивого образа действий Японии перейти с нашей стороны к необходимым охранительным мерам. Меры эти могли бы состоять в следующем:

1) В охране нашей миссии в Сеуле посредством небольшого вооруженного отряда, с полным обеспечением свободы ее сношений как по телеграфу извне, так и с самим корейским правительством;

2) Во временном занятии порта Лазарева и дипломатическом заявлении, что мы готовы очистить этот пункт, как скоро Япония и Китай придут к соглашению относительно отозвания своих войск из Кореи и приведут в исполнение это соглашение.

Чем более открыто будут приняты подобные решения и чем откровеннее мы объяснимся по сему предмету, преимущественно с Англией, тем целесообразнее и безопаснее будет наш образ действий.

Каппист.

67. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

20 (8) июля 1894 г.

Здесь распространился слух, и всюду разосланы телеграммы, будто, в виду разрыва, китайская миссия выезжает из Японии. Китайский посланник сообщил мне сегодня, что, действительно, так как, в виду почти потерянной надежды на мирный исход, Китай был вынужден послать в значительном количестве новые войска в Корею, он

на всякий случай готовится к отъезду, но что никаких еще инструкций в этом смысле не получал. Япония отправила еще войска в Корею, теперь там их должно быть около 13 000.

Хитрово.

68. Записка, переданная великобританским послом [1]).

21 (9) июля 1894 г.

Лорд Кимберлей опасается, что, если не будет немедленно оказано давление на китайское и японское правительства в отношении урегулирования корейского вопроса, вспыхнет война.

Благоволите высказать императорскому правительству просьбу, чтобы оно как можно скорее послало своим посланникам в Пекине и Токио инструкции содействовать посланникам ее британского величества в их усилиях, направленных к избежанию войны.

69. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

21 (9) июля 1894 г.

Reçu télégramme 15 (3) Juillet [2]).

Ли-хун-чжану предоставлено самое широкое полномочие для ведения корейского дела. Сегодня китайскому посланнику в Петербурге будет дано по телеграфу приказание сделать заявление в этом смысле нашему правительству и подтвердить, что Китай обратился к России о посредничестве. Япония, предостерегаемая Англией против посредничества России, обратилась с своей стороны к посредничеству Англии. Ли-хун-чжан формально заявил мне, что, если японское правительство обратится к Китаю с предложением, чтобы и он принял посредничество Англии, то Японии будет отвечено, что Китай уже ранее обратился к посредничеству России, и что, так как последняя не отклонила этой просьбы и направила уже свои усилия к мирному улажению вопроса, Китай не признает возможным принять посредничество другой державы. Канцлер заявил, равным образом, что, если предложение о посредничестве Англии будет сделано Китаю самим английским правительством, то будет отвечено в том же смысле. Следуя настойчивым внушениям О'Конора, который всячески старается навязать Китаю посредничество Англии, японский поверенный в делах

---

[1]) На хранящемся в делах б. мин-ва ин. дел подлиннике публикуемого документа рукой тов. министра Шишкина написано: «Вручено мне новым великобританским послом, который завтра собирается посетить вас. 9 июля 1894 г.». Перед текстом надпись на французском языке: «Лондон. 19 июля 1894 г.».

[2]) См. № 60.

в Пекине сделал на-днях попытку завязать переговоры помимо Ли-хун-чжана непосредственно с цзун-ли-ямынем, но эта попытка не привела ни к какому результату. Других переговоров между Японией и Китаем не было. Китай твердо стоит на том, чтобы Корея сперва была очищена от японских и китайских войск и чтобы затем уже вопрос о реформах был решен дипломатическим путем между Китаем и Японией. Если Япония будет продолжать отказываться вывести свои войска из Кореи, то война, по мнению Ли-хун-чжана, неминуема в самом близком будущем. Так как корейское дело ведется и должно быть решено в Тяньцзине, то полагаю необходимым остаться здесь, имея полную возможность поддерживать отсюда постоянные сношения с цзун-ли-ямынем.

Кассини.

70. Телеграмма нештатного консула в Шанхае директору азиатского департамента.

22 (10) июля 1894 г.

Télégraphe Shanghai—Pékin interrompu [1]).

Война Японии с Китаем считается неизбежной. Китайцы намерены в случае войны снять в море створные знаки и заградить вход к Шанхаю. Английский консул телеграфирует в Лондон предложить китайскому и японскому правительствам объявить Шанхай нейтральным.

Рединг.

71. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

22 (10) июля 1894 г.

Reçu télégramme du 7 [2]).

Сегодня исполнил возложенное на меня поручение: вчера министр был в отсутствии. Он просил время подумать и обещал дать письменный ответ.

В последовавшем разговоре, так как министр сказал, что Япония не имеет причин держать в тайне предъявленные Корее требования, отнюдь не противоречащие ее самостоятельности, я ему заметил, что, если бы Отори, предъявляя их в Сеуле, содержал о своих действиях в известности Вебера, то через это был бы избегнут ныне столь естественный со стороны императорского правительства запрос. Муцу обещал дать немедленно Отори инструкции в этом смысле.

---

[1]) «Телеграф Шанхай — Пекин прерван».

[2]) См. выше № 65.

Далее в разговоре Муцу меня спросил, известно ли мне о циркуляре [1]) Англии своим представителям при великих державах по корейскому вопросу, утверждая, что он сам будто бы получил об этом лишь частное и не имеет никакого официального известия [2]). Я ответил, что в Китае недавно разнесся слух, что Япония обратилась к посредничеству Англии. Муцу горячо протестовал против этого, говоря, что, если кто прибег к посредничеству Англии, то, конечно, не Япония, а Китай, но что, впрочем, он думает, что Англия действовала по собственной инициативе, впервые проявленной О'Конором в Пекине.

Хитрово.

72. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел.

22 (10) июля 1894 г.

Отори предложил здешнему правительству доказать независимость требованием убрать китайские войска. Указывая на сдержанность Китая, отозвание Юана, отсутствие опасности японским подданным, убеждаю Отори делать уступки, отсылая пока часть войска.

Вебер.

73. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

23 (11) июля 1894 г.

Reçu télérgamme du 9 [3]).

Сведения, сообщенные Ли относительно обращения Японии к посредничеству Англии, неверны. Япония вообще не ходатайствовала ни о каком посредничестве.

Гирс.

74. Телеграмма посла в Берлине министру ин. дел.

23 (11) июля 1894 г.

Получил вчерашнюю телеграмму [4]). Передал содержание барону Ротенгану. Последний ответил: германское правительство 4 дня тому назад предписало своим послам в Токио и Пекине присоединиться ко

---

[1]) В подлиннике слово «циркуляр» подчеркнуто карандашом.

[2]) К этому слову рукой Гирса сделано примечание: «Это, вероятно, тот циркуляр, о котором упоминается в прилагаемой у сего записке». К имеющемуся экземпляру документа никакой записки не приложено. Ср. № 77.

[3]) См. выше № 69.

[4]) Телеграмма Гирса от 22 (10) июля за № 98. См. стр. 40, прим.

всякому шагу, который был бы предпринят представителями великих держав в целях поддержания мира. Эта инструкция покрыла бы данный случай. Берлинский кабинет продолжает, как будто, проявлять отсутствие интереса к корейскому вопросу, несмотря на попытки, которые, кажется, были сделаны здесь Англией. Ему неизвестен проект соглашения, за неимением лучшего, о продлении оккупации, и он не придает значения морским силам Японии.

Чарыков.

75. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

23 (11) июля 1894 г.

Вебер телеграфирует: «Дружеское посредничество без успеха; японские войска заняли городские ворота; начинается осадное положение, недостаток, паника и бегство. Король, население возлагают единственную надежду на заступничество России». Китай, с своей стороны, не теряет еще надежды, что благодаря нашему энергичному дипломатическому содействию удастся избежать войны. Тем не менее, в виду последних чрезмерно вызывающих и дерзких действий Японии в Корее, Китай вынужден принять меры на случай решительной невозможности отвратить столкновение. Завтра будут отправлены отсюда в Корею 10 000 человек. Китайским начальникам строго предписано отнюдь самим не давать повода к столкновению. В северных портах наготове еще 10 000 человек. Эскадра в 9 военных судов конвоирует войска. Более, чем когда-либо держусь мнения, что необходимо употребить все зависящие средства, чтобы побудить Японию отказаться от принятого ею вызывающего направления, которое исключает всякую возможность мирного согласия и неминуемо ведет к войне, во всяком случае, для нас нежелательной и последствия коей могут отразиться самым неблагоприятным образом на всем ходе нашей политики на Дальнем Востоке. Ожидаю с нетерпением указаний вашего высокопревосходительства.

Кассини.

76. Донесение военного агента в Китае.

23 (11) июля 1894 г.

№ 196/234.

Китай решил теперь отозвать свои войска из Кореи и ожидать переговоров, между тем усиленно приготовляется к войне. Ныне готовы: 5 тысяч близ Тяньцзина, 9 тысяч в Порте Артур, 10 тысяч в Шанхае. Намерены собрать до 50 000, занять 3 милл. таэлей. Китай

считает Японию слабее. Решено право на Корею не уступать. В случае неудачи переговоров осенью начнет войну. Вероятный план — занятие северной Кореи; база — Манчжурия. Япония уверяет, что согласна отозвать войска и вести переговоры, лишь восстание будет усмирено, между тем она усиливает войска в Корее, где ныне до 16 тысяч. К осени Япония будет готова к серьезной кампании. Обширные приготовления указывают на желание достичь существенного результата в Корее. Англия старается убедить Китай, что Россия заодно с Японией. Английская эскадра в порте Гамильтон.

Общее мнение, что войну трудно избежать.

Полковник В о г а к.

77. Записка министерства ин. дел.

24 (12) и ю л я 1894 г.

Английский посол передал следующее сообщение: «Лорд Кимберлей имел в виду, делая свое предложение, не то, чтобы китайские и японские войска оставались на своих теперешних позициях в Корее, но чтобы японцы отступили к югу, эвакуируя Сеул и Чемульпо, а китайцы — к северу, во избежание враждебного соприкосновения». Английское предложение было сделано в форме циркуляра, адресованного заинтересованным державам.

Великобританское правительство полагает, что изложенный план, в случае его принятия, позволил бы выиграть время для переговоров.

Сэр Франк Лассель прибавил, что его правительство очень признательно нам за согласие участвовать в совместных действиях. Он думает, что последние должны были бы быть предприняты как можно скорее и на основе полного равенства, чтобы иметь некоторые шансы на успех [1]).

78. Письмо посла в Лондоне министру ин. дел.

24 (12) и ю л я 1894 г.

Я получил письмо от 18 (6) июля [2]) вместе с собранием дипломатических документов, любезно препровожденных мне вашим высокопревосходительством, с последней почтой. Досье, посвященное корейским делам, в одинаковой степени полно и интересно. По этому вопросу

---

[1]) В подлиннике к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Это сообщение передам я по телеграфу представителям нашим в Пекине, Токио, Париже и Берлине».

[2]) В делах б. мин-ва ин. дел упоминаемое письмо не обнаружено.

мне почти нечего добавить к тому, что содержалось в моей позавчерашней телеграмме [1]).

Как я там вкратце указывал, лорд Кимберлей был очень признателен за сообщение, которое мне было поручено ему сделать. Он с большим удовлетворением отметил единство взглядов, установившееся в данном деле, и не окончательно еще потерял надежду, что сообща выработанные меры окажут свое действие в смысле устранения опасности теперешнего положения в Корее. Он так же, как и мы, полагал, что советы умеренности и благоразумия, данные в Пекине и Токио, могли бы оказаться достаточными для избежания конфликта, последствия которого чрезвычайно тяжело отозвались бы на интересах, связанных с Дальним Востоком. С этой целью он пригласил непосредственно заинтересованные в этом деле державы принять участие в нашем дипломатическом выступлении. Я был удивлен, когда услышал, что среди последних лорд Кимберлей назвал Италию, которая первоначально не была включена в число держав, к содействию которых он обращался. Мой собеседник разъяснил мне, что присоединение Италии последовало в результате запроса итальянского посла, который, казалось, был несколько недоволен тем, что римский кабинет был забыт. Первому статс-секретарю по иностранным делам не трудно было доказать ему, что он (Кимберлей) обратился к державам, либо по их географическому положению, либо по значительности их торговых отношений, непосредственно и сильно затронутых китайско-японской распрей; но что тем самым ни для кого не исключалась возможность присоединиться, и что сотрудничество Италии, способствующее разрешению общей задачи, встретило бы благожелательный прием. Рассказав мне об этом инциденте, лорд Кимберлей прибавил, что он потому, в частности, считал себя вправе так ответить, что, согласно недавно высказанному английским посланником в Пекине мнению, совместное давление держав является единственным средством воздействия, которое, быть может, еще могло бы удержать Китай и Японию на краю пропасти, предотвратив кровавый конфликт.

К несчастью, эта возможность не осуществилась. Положение со дня на день становится все серьезней, и вчерашние вечерние газеты сообщили, что столкновение, которого боялись, произошло. Японские канонерки бомбардировали один из корейских портов, а в Сеуле имела место стычка между двумя отрядами враждующих наций.

---

[1]) Судя по содержанию телеграммы, частично повторенной публикуемым в тексте документом, имеется в виду телеграмма, копия которой, хранящаяся в делах б. мин-ва ин. дел, датирована 24 (12) июля. Телеграмма эта заканчивается следующим сообщением: «Со своей стороны [лорд Кимберлей] также послал приглашение кабинетам: парижскому, берлинскому и, кроме того, римскому, который повидимому, желает принять участие в разрешении этого вопроса».

В форейн оффисе до сегоднешнего утра не было получено никаких известий, подтверждающих данные прессы, но, по всей вероятности, последние основаны на имевших место фактах.

Если это действительно так, то единственно, что остается, это — принимать меры для локализации конфликта.

Стаал.

79. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

26 (14) июля 1894 г.

Сегодня, до получения мною вашей телеграммы [1]), Ганото указал мне на различие между нашей точкой зрения, предполагающей сохранение статуса кво совместной оккупации, и английским предложением об отводе войск обеих враждующих сторон с целью установления нейтральной зоны. Франция будет продолжать воздействие на обе стороны в примирительном духе, не оказывая ни одной из них предпочтения, за исключением того случая, когда императорское правительство сочтет нужным высказаться за предпочтение одной из сторон. Он считает враждебные действия неизбежными. Он желал бы быть более полно осведомленным о возможных намерениях императорского правительства. Япония обратилась к Франции с просьбой взять на себя на время войны защиту японских подданных в Китае. Министр расположен ответить в положительной форме. Совершенно доверительно запросил меня о нашем отношении к этому. Я обещал запросить ответ.

Моренгейм.

80. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

26 (14) июля 1894 г.

Получил телеграмму от 10 июля [2]).

Китай согласен на временное занятие Кореи японскими и китайскими войсками, расположенными на расстоянии, требует эвакуации Сеула Японией [3]), обязуясь не занимать его. Сообщил Хитрово [4]).

Кассини.

---

[1]) В делах б. мин-ва ин. дел телеграмм в Париж, начиная с 23 (11) июля, не обнаружено; повидимому, в Париж была передана одна из идентичных телеграмм либо на имя Кассини, либо на имя Хитрово от 25 (13) июля за № 101 и 102, излагавших точку зрения Кимберлея, содержащуюся в док. № 77.

[2]) См. прим. стр. 40, прим.

[3]) В подлиннике слова: «требует эвакуации Сеула Японией» отчеркнуты карандашом.

[4]) К концу документа рукой Гирса сделано примечание: «Требование Китая мне кажется весьма умеренно, о чем я полагал бы уведомить Хитрово» Несколько ниже рукой Александра III написано: «Да»

81. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

26 (14 июля) 1894 г.

Три китайских военных судна подверглись вчера атаке со стороны японцев при входе на Ассанский рейд [1]) без предварительного объявления войны. Одно судно было захвачено. Другое, равно как и торговое судно под английским флагом, на борту которого находилось 1 500 китайских солдат, были пущены ко дну. Третье судно, доставившее эти сведения, с серьезными повреждениями вернулось в Вейхай-вей. Необходимы, как мне кажется, энергичные совместные выступления в Токио [2]).

Кассини.

82. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

27 (15) июля 1894 г.

Получил телеграмму от (22) 10 июля [3]).

Английский поверенный в делах уже несколько дней тому назад сделал предложение о разделении, во избежание столкновений, японских и китайских войск, настаивая, чтобы японцы эвакуировали Сеул и Чемульпо, перебросив свои войска на юг, в то время как китайцы будут на севере. Относительно эвакуации столицы и ее порта японцы ответили уклончиво и сослались на трудность менять расположение войск, поскольку в данное время японцы находятся на севере, а китайцы на юге. Поверенный в делах передал этот ответ в Лондон; он ждет ответа. Лишь вчера он получил инструкцию сговориться со мной, в результате чего я сегодня видел товарища министра — министр был болен. Хаяси обещал мне дать ответ, переговорив с Муцу. Он присовокупил, что наряду с английскими предложениями о разделении войск имеются другие, а именно: О'Коннора из Пекина, сводящиеся к изменению первоначальных предложений Японии Китаю в направлении сохранения в них всего того, что относится к организации хозяйства и торговли Кореи и отказа от их политической части. Хаяси сказал, что Япония вынуждена была отклонить эту комбинацию, которая равнялась бы признанию суверенитета Китая над Кореей. Мой итальянский коллега сообщил мне, что он получил предписание от своего правительства поддержать английские предложения о разделении, во избежание столкновений, японских и китайских войск в Корее.

Хитрово.

---

[1]) В подлиннике против слова: «Ассан» (Assan) поставлен знак вопроса, а на полях карандашом написано «Газан».

[2]) Эта фраза отчеркнута карандашом и к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Об этом я не замедлю сообщить Хитрово. (Было ли сделано какое-либо заявление англ. прав. по этому предмету?)»

[3]) См. стр. 40, прим.

83. Записка директора азиатского департамента.

28 (16) июля 1894 г.

Китайский посланник [1]) сообщает о следующем, по поручению Ли-хун-чжана.

Граф Кассини, исполнив полученные им приказания относительно общих с Англией представлений по корейскому вопросу, между прочим, спросил, куда именно, по мнению китайского правительства, китайские и японские войска могли бы быть удалены из Сеула так, чтобы не произошло случайного столкновения? Ли-хун-чжан отвечал, что японцы могли бы быть удалены в Фусан (порт Южной Кореи), а китайцы в Пиньян или Пхинян (главный город провинции того же наименования, к северо-западу от Сеула). Граф Кассини сообщил это сведение Хитрово по телеграфу.

На мое замечание, что вышеизложенное указывает на принятие Китаем предложений, сделанных нами совместно с Англией, посланник отвечал утвердительно [2]).

Капнист.

84. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел [3]).

29 (17) июля 1894 г.

Японцы атаковали 10 июля дворец в Сеуле. Король, наследник, семья — пленники в японской миссии.

Кассини.

85. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

29 (17) июля 1894 г.

После полуночи получил ноту министра иностранных дел вкратце следующего содержания: «На Тай-вэнь-куна, отца короля, возложено управление королевством и осуществление реформ по советам Отори; Япония неоднократно предлагала Китаю совместное осуществление сих реформ, но Китай отверг эти предложения; ныне есть надежда на осуществление желательных улучшений, и волею короля и усилиями Тай-вэнь-куна вопрос о независимости Кореи ныне не нуждается в обсуждении, равно как и вопрос о равноправности Японии с Китаем в их коммерческих и политических сношениях с Кореей, ибо он будет разрешен непосредственно между Японией и Кореею; японское правительство получило достоверные сведения о вступлении

[1]) Шю-кинг-шенг.

[2]) На подлиннике рукой Гирса сделана помета: «Доложено государю».

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

25 июля китайских войск в Корею через сухопутную границу с явно враждебными целями против Японии и Кореи; кажущаяся готовность Китая внимать советам иностранных держав лишь уловка для выигрыша времени на военные приготовления; китайские военные суда стреляли по японским близ Я-шаня; в этих обстоятельствах японское правительство вынуждено взять назад им сделанные Китаю предложения по внушению дружеских держав». Нота заканчивается выражением прискорбия о том, что упорство Китая сделало бесполезными миролюбивые усилия держав, и уверением в миролюбии нынешнего японского правительства, во всякое время расположенного внимать мирным предложениям, не противным нынешнему положению дел и чести и достоинству империи.

Хитрово.

86. Телеграмма посла в Вашингтоне министру ин. дел.

29 (17) июля 1894 г.

Reçu aussitôt communiqué télégramme du 10 [1]).

Министра удалось видеть только вчера. Он соглашается с нашим взглядом, но, по просьбе Кореи, американское правительство обратилось в Пекин и Токио с настоятельными советами умеренности. Тем удовольствуется. Грешам [2]) опасается, что ввиду угрожающих внутренних усложнений в Японии правительство, дабы отвлечь внимание, решится на все.

Кантакузен.

87. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

30 (18) июля 1894 г.

Телеграмма от 13 июля [3]) получена по отправлении моей вчерашней экспедиции.

Должен предупредить ваше превосходительство, что наряду с переговорами о расположении в Корее японских и китайских войск на расстоянии во избежание конфликта, в которых мы собираемся участвовать по просьбе Кимберлея, подготовляются несравненно более важные переговоры. Посетивший меня сегодня утром товарищ министра иностранных дел [4]) сообщил мне, что итальянский посланник и английский поверенный в делах явились к нему вчера со следующим предложением: для достижения непосредственного соглашения между

[1]) См. стр. 40, прим.
[2]) Статс-секретарь по ин. делам САСШ.
[3]) См. стр. 49, прим. 1.
[4]) Хаяси.

Китаем и Японией Япония должна была бы изменить свои первоначальные предложения Китаю и добиваться: 1) чтобы были назначены китайские и японские делегаты для согласования вопроса о реформах, подлежащих введению в Корее; 2) чтобы их работа была утверждена корейским королем; 3) чтобы реформы проводились в жизнь под контролем упомянутых делегатов. Английский поверенный в делах и итальянский посланник не сочли нужным посвятить меня в это дело. Итальянский посланник, как я телеграфировал [1]), ограничился тем, что сообщил мне о получении им предписания поддерживать английские предложения, и с этого момента подвизается с характерным для итальянской дипломатии рвением. По словам г. Хаяси, японцы будто бы ответили де Мартино [2]) и Пажету, не высказываясь по существу их предложений, что они желают, чтобы предложения эти предварительно были сообщены Китаю, и что они согласятся обсуждать их лишь после того, как они будут приняты Китаем.

Хитрово.

88. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

31 (19) июля 1894 г.

Посетивший меня китайский посланник [3]) сообщил, что получил сегодня утром приказание своего правительства, так как японцы открыли военные действия, выехать. Он уже послал в этом смысле ноту японскому министру и с первым пароходом выезжает.

Хитрово.

89. Телеграмма министра ин. дел поверенному в делах в Италии Мейендорфу.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Из парламентской декларации Грея мы осведомились, что Англия просила содействия Италии в корейском деле. Благоволите поставить итальянское правительство в известность о том, что мы предписали нашим представителям в Пекине и Токио привлечь к участию в их выступлениях по корейскому делу итальянских представителей в том случае, если последние получат инструкции, соответствующие инструкциям английских, французских и германских представителей [4])

Гирс.

---

[1]) См. выше № 82.

[2]) Итальянский посланник.

[3]) Ванг-сенг-цао.

[4]) В ответной телеграмме от 2 августа (21 июня) Мейендорф сообщил, что итальянские представители в Токио и Пекине получили распоряжение действовать совместно с представителями Англии и других держав.

90. Сообщение японского посланника [1]).

31 [19] июля все иностранные представители в Токио получили от министра иностранных дел следующее извещение: японское правительство истощило все возможные с своей стороны справедливые старания, чтобы добиться правильного и продолжительного урегулирования недоразумений [2]), существующих между Японией и Китаем, но так как эти старания оказались совершенно ни к чему не ведущими, то, во исполнение возложенной на него обязанности, он, министр, имеет честь объявить, что военное положение существует между Японией и Китаем.

91. Телеграмма посла в Лондоне министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Кимберлей только что получил от английского поверенного в делах в Токио телеграмму, сообщающую об официальном уведомлении японским правительством иностранных представителей о том, что Япония и Китай находятся в состоянии войны. Кимберлей высказал пожелание, чтобы установившееся между нашими правительствами согласие продолжалось и при изменившихся обстоятельствах. Он считает своевременным осведомиться о вашей точке зрения на сложившуюся в данный момент ситуацию и собирается в этом смысле телеграфировать Лассселю. Он думает, что мы могли бы совместно предпринять некоторые шаги с тем, чтобы попытаться достигнуть скорейшего окончания войны, и полагает, что обмен мнениями между двумя правительствами не может не быть полезным.

Стааль.

. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Réponse télégramme 17 Juillet [3]).

Присутствие «Корейца» в Чемульпо необходимо. Население в Тяньцзине сильно возбуждено, необходимо прислать судно в Таку.

---

[1]) На подлиннике ниже заголовка имеется подзаголовок: «Перевод телеграммы из Токио от 1 августа (20 июля) 1894 г.»; на полях слева рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Начиная со слов: «японское правительство» до слова: «недоразумений» отчеркнуто красным карандашом, которым поставлен и знак царского рассмотрения. Против отчеркнутого — вопросительный и восклицательный знаки.

[3]) Телеграммой от 29 (17) июля за № 106 Капнист, сообщая о нахождении канонерки «Корейца» в Чемульпо, запрашивал Кассини, нужно ли ее присутствие в Ханькоу.

Прошу телеграфировать адмиралу, так как сообщение между Тяньцзинем и Владивостоком прервано. Касательно Ханькоу крайней необходимости посылки пока нет.

Кассини.

93. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Suite télégramme d'hier [1]).

Известие о морском сражении вполне подтвердилось [2]). По японской версии, 25 июля близ острова Хото китайские суда, не отвечая на салют японских, открыли огонь. Японцы потопили транспорт с тысячью пятьюстами солдат и захватили канонерскую лодку «Цаоцзян», три тысячи ружей и двадцать орудий, 82 человека экипажа, в том числе трех иностранцев. Два другие китайские конвоира бежали.

Хитрово.

94. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [3]).

1 августа (20 июля) 1894 г.

Сегодня ночью получил циркулярную ноту министра иностранных дел, извещающую, что война с Китаем началась.

Хитрово.

95. Записка директора азиатского департамента.

2 августа (21 июля) 1894 г.

Согласно вашему распоряжению я посетил сегодня утром английского посла, чтобы обратить его внимание на непосредственные переговоры, которые, по слухам, имели место между Китаем и Японией без ведома наших представителей и при поддержке английских представителей в Пекине и Токио. Я не преминул подчеркнуть активную роль, которую в этом случае, как будто, играл итальянский посланник в Японии.

Сэр Франк Лассель признал без обиняков, что мы имели основание быть удивленными упомянутым обстоятельством. Он обещал это выяснить.

Мне однако кажется, что этот инцидент уже потерял свое значение вследствие окончательного разрыва между китайцами и японцами.

---

[1]) См. выше № 88.

[2]) Слух о морском сражении между китайцами и японцами Хитрово передавал телеграммой от 28 (16) июля.

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

Одновременно с этим посол сделал мне три важных сообщения:

1) Английское правительство предполагает опубликовать декларацию о нейтралитете. Это — не более, чем обычная формальность.

2) Командующий английской эскадрой получил приказание направиться с находящимися в его распоряжении судами в Чемульпо для охраны торговли и британских подданных. Англичане надеются, что мы дадим начальнику нашей морской станции в Чемульпо распоряжение поддерживать наилучшие отношения с британским адмиралом.

3) Лорд Кимберлей запрашивает, какого вы мнения о совместном выступлении держав на предмет объявления в Пекине и Токио об их неодобрении войны, которую можно было избежать.

Сэр Франк считает, что последнее предложение слишком запоздало и, вследствие этого, ни к чему не приведет. Я не скрыл от него, что лично я разделяю это мнение.

Капнист.

96. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел.

3 августа (22 июля) 1894 г.

Dernier télégramme du 7 Juillet [1]).

Корейцы отказались выслать китайские войска и уничтожить китайские конвенции. Японцы заняли город и, после стычки, дворец, где король под стражей. Вчера аудиенция. Король убедительно просил представителей оказать помощь.

Télégraphe interrompu. Canonnière française attend réponse Chefoa [2].

Вебер.

97. Записка директора азиатского департамента [3]).

4 августа (23 июля) 1894 г.

Японский посланник сообщил мне следующее:

Морское сражение, в котором погиб китайский транспорт, было начато китайцами, неудачно пустившими мину. Начальник транспорта хотел сдаться, но китайские войска принудили его вступить в бой.

29 (17) произошло столкновение между китайцами и японцами у Ассана, несколько южнее Чемульпо, и китайцы принуждены были удалиться в свои укрепления. 30 (18) Ассан был взят японцами.

Капнист.

---

[1]) См. стр. 41, прим. 3.

[2]) «Телеграф прерван. Французская канонерка ждет ответа в Чифу».

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

98. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

4 августа (23 июля) 1894 г.

Война объявлена. Враждебные действия начаты. Посредничество держав временно приостановлено. Китайское правительство тем не менее заверяет, что оно готово в любую минуту возобновить мирные переговоры, предложенные державами, как только Япония изъявила бы согласие на эвакуацию Сеула, восстановление короля, расположение японских войск на юге, китайских — на севере Кореи, после чего корейские реформы подлежали бы обсуждению в Пекине или Тяньцзине между Китаем, Японией и представителями русским, английским, французским, германским и итальянским.

Кассини.

99. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

4 августа (23 июля) 1894 г.

Reçu télégramme du 21.

Пока Англией официального заявления не сделано. По получении известия Муцу уведомил английского поверенного в делах, что, если окажется, что виноваты японцы, Япония готова дать должное удовлетворение. Пажет (Paget) телеграфировал лорду Кимберлею, но еще ответа не получил.

Хитрово.

100. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

7 августа (26 июля) 1894 г.

Препровождаем через судно, отправляемое вторым стационером в Чемульпо, следующую инструкцию Веберу, которую можете принять к руководству. Наш посланник в Японии уведомил о возложении управления корейским королевством на Тай-вэнь-куна. Считая этот порядок лишь временным, мы не вмешиваемся однако в войну между японцами и китайцами. Можете высказываться в этом смысле, обращая внимание на необходимость относиться с должным уважением к нам и, в особенности, избегать всего, что могло бы подать повод к недоразумениям в прилегающих к нашей территории округах Кореи.

Гирс.

101. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

7 августа (26 июля) 1894 г., № 118.

По получении вашей телеграммы от 18 июля [1]) я поспешил указать великобританскому послу на всю неправильность и неуместность шага, предпринятого без вашего ведома г. Пажетом и итальянским посланником. Лорд Кимберлей, которому Лассель немедленно передал наш разговор, не колеблясь, безоговорочно осудил поведение Пажета и со всей строгостью предписал ему не предпринимать впредь никаких шагов без предварительного согласования с вами.

Гирс.

102. Письмо министра ин. дел посланнику в Пекине.

8 августа (27 июля) 1894 г., № 192.

Направление политики нашей в корейском вопросе достаточно ясно вытекает из телеграмм императорского министерства, уже полученных вашим сиятельством. Считаю нелишним присовокупить к сим последним несколько общих соображений, не поддающихся сообщению по телеграфу, требующему краткости изложения.

Недоразумения между Китаем и Японией по поводу Кореи были вызваны внутренними волнениями в этой стране. Мы непричастны непосредственно ни к тем, ни к другим. Но корейский вопрос, возникший, так сказать, у нашего порога, в соседстве с нашей Приморской областью, близко касается нас самих. Мы однако преследуем в оном лишь две цели:

1) Умиротворение распри между правительствами Китая и Японии;

2) Охрану наших собственных интересов.

Первая цель может быть достигнута либо нашим прямым дипломатическим воздействием, без участия других заинтересованных держав, либо — в совокупности с сими последними; достижение второй цели стоит в зависимости от нашего собственного усмотрения.

Содержание полученных вами по телеграфу инструкций указывает вам на высочайшую волю государя императора исчерпать все возможные средства в первом направлении. Мы не преминули в этих видах обратиться к китайскому и японскому правительствам с дружеским советом очистить Корею и приступить затем к разрешению корейских затруднений дипломатическим путем. Когда, вследствие

[1]) См. выше № 87.

уклончивого ответа токийского кабинета, выяснилась решимость Японии не выводить свои войска впредь до получения требуемых ею гарантий против возобновления беспорядков в Корее, мы поспешили предписать вам и гофмейстеру Хитрово снестись с представителями Англии и других заинтересованных держав в Китае и Японии для совместных представлений в пользу [мира. Результаты] представлений этих еще не вполне известны нам в настоящее время, хотя мы, к сожалению, осведомились уже из достоверных источников о происшедших между китайцами и японцами столкновениях.

Как бы то ни было, императорское правительство постоянно руководствуется задачей не увлекаться односторонними предложениями той или другой из двух враждующих между собой на крайнем Востоке держав и не втягиваться, вслед за ними, в пристрастную оценку положения вещей. Подобный образ действия являлся бы] не только несогласным с нашим достоинством, но мог бы даже связать наши руки в будущем. Мы вовсе не сожалеем вследствие сего о том, что мы отклонили сделанное нам Ли-хун-чжаном] через вас предложение] вмешаться непосредственно в вопрос о внутренних реформах в Корее и принять на себя, так сказать, авторитетное посредничество в пользу существующего status quo, т. е., как это естественно понимал Ли-хун-чжан, в пользу Китая. Министерство иностранных дел ясно сознавало, что реформы служат только предлогом столкновения между китайцами и японцами и что, вследствие неофициального посредничества нашего, мы легко очутились бы, помимо нашей воли, открытыми противниками Японии под знаменем Китая и хитрого печелийского вице-короля.

Вообще мы не теряем из виду, согласно с высочайшими указаниями его императорского величества, что роль, которая, быть может, выпадет на нашу долю в Корее, будет находиться в зависимости от развития последующих событий, а никак не от более или менее дружелюбных отношений к нам Китая или Японии, как бы впрочем мы ни ценили на дальних окраинах наших добрые отношения наши к обоим из этих двух государств.

Гирс.

103. Депеша поверенного в делах в Берлине министру ин. дел.

8 августа (27 июля) 1894 г., № 49.

Во время вчерашнего дипломатического приема барон Ротенган коснулся корейских дел, сказав, что теперь начинают прибывать по почте донесения германских представителей на крайнем Востоке, относящиеся к первым фазисам нынешних осложнений.

Из донесений этих между прочим видно, что китайское правительство не ожидало, что дело дойдет до войны. Ли-хун-чжан не сделал заблаговременно достаточных военных приготовлений, и война застала китайцев врасплох. Со стороны же Японии война, по мнению и. д. статс-секретаря, была подготовлена «de longue main» и объясняется не только теперешним парламентским положением министерства Ито, но и давнишними завоевательными стремлениями Японии по отношению к Корее.

Японский посланник в Берлине, аккредитованный в то же время в Англии, выехал недели три тому назад в Лондон для переговоров об англо-японском торговом трактате, который и был им там условлен и подписан за несколько дней до начала военных действий. Содержание этого договора точным образом берлинскому кабинету не известно. Виконт Аоки [1]), по мнению барона Ротенгана,—человек выдающихся способностей. Он был, как известно, министром иностранных дел и лишился своего поста вследствие покушения на жизнь его императорского высочества наследника цесаревича. Китайское правительство, за отъездом посланника в С.-Петербург, не имеет в Берлине представителя. Здесь живет только переводчик в качестве поверенного в делах.

На мое замечание, что китайцы, хотя и пользуются услугами европейских офицеров, в том числе и немецких, для организации технической части военного дела, не предоставляют однако иностранцам командования воинскими частями, барон Ротенган сказал: «Тем лучше; это избавляет нас от многих чрезвычайно деликатных вопросов, касающихся нейтралитета. Таких вопросов, — продолжал он, — теперь возникнет множество. Так, например, в деле покупки оружия и снарядов. Между тем единственная выгода, которую европейские страны могут извлечь из войны между восточными народами, заключается в продаже им предметов военного снабжения».

Из дальнейшего разговора я мог заключить, что германское правительство не будет противиться закупке военных припасов в Германии обеими воюющими сторонами. Две миноноски, как известно, заказаны здесь китайцами.

Насколько я мог заметить, состоявшееся со времени моего последнего свидания с бар. Ротенганом официальное объявление войны между Японией и Китаем, обнародованное также в здешней официальной газете, не изменило решимости германского правительства воздерживаться от всякой активной роли в событиях, происходящих ныне на крайнем Востоке. Вместе с тем однако Германия, как мне кажется, более расположена к Китаю, чем к Японии.

[1]) Японский посланник в Берлине.

Общественное мнение здесь относится к корейским делам бесстрастно. На берлинской бирже объявление войны отразилось общим подъемом курсов и усилением преобладающего за последнее время твердого настроения.

Обстоятельство это объясняется в печати следующими соображениями.

Война, начатая Японией против Китая, будет непродолжительной, дабы не подать повода к иноземному вмешательству. Насколько обе стороны опасаются последнего, видно из их решения не распространять военных действий на порты, открытые для европейской торговли.

Благодаря опыту этой войны Китай, несомненно, усвоит себе необходимость распространения западно-европейской культуры и, прежде всего, приступит к усиленному сооружению железных дорог и пароходов и к перевооружению армии. Без сомнения, большая часть подобных заказов перепадет Англии. Но и германская промышленность и торговля приобрели много симпатий в Китае. Поэтому и Германия может рассчитывать на некоторую часть выгод, проистекающих из означенных заказов.

Усиление спроса на серебряную монету в Китае должно послужить к общему поднятию цены серебра. Наконец, финансовое положение обоих противников, с точки зрения исполнения их международных обязательств, не оставляет желать ничего лучшего.

По этому поводу позволяю себе, в заключение, привести следующее замечание бар. Ротенгана: по его мнению, и Китай и Япония должны будут прибегнуть к внешним займам, и деньги будут даны и той и другой стране безразлично европейскими капиталистами.

Чарыков.

104. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

9 августа (28 июля) 1894 г., № 114.

Получил телеграмму от 4 августа (23 июля) [1]).

Искренне сожалеем, что войны не удалось избежать. Мы согласились с Англией продолжать наши усилия, чтобы достигнуть заключения мира [2]). Я сообщаю Хитрово о мирных намерениях китайского правительства.

Гирс.

---

[1]) См. выше № 98.

[2]) Излагая указанную в предыдущем примечании телеграмму Кассини, Гирс в телеграмме от 9 августа (28 июля) на имя поверенного в делах в Лондоне

105. Телеграмма министра ин. дел ген.-губернатору Приамурского края Духовскому.

9 августа (28 июля) 1894 г.

Императорское правительство считает излишним особое заявление о нейтралитете [1]) ввиду войны между китайцами и японцами вследствие корейских замешательств, но не желает вмешиваться в эту войну. Инструкции в сказанном смысле препровождены нашим дипломатическим представителям; министерство ин. дел вместе с тем предписывает сим последним внушать уважение к нашим интересам и, в особенности, обратить внимание на необходимость избегнуть всего, что может подать повод к недоразумениям в соседних с нами округах Кореи.

Гирс.

106. Телеграмма министра ин. дел русскому посланнику в Пекине.

10 августа (29 июля) 1894 г., № 117.

Дополнение к вчерашней телеграмме [2]).

В корейском деле мы, со своей стороны, в соответствии с устным соглашением 1886 г., значение которого, согласно вашей телеграмме от 12 июня [3]), признано Ли, руководствуемся чувством полнейшего бескорыстия.

Благоволите высказаться в доверительной форме в указанном смысле перед китайцами.

Гирс.

107. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

10 августа (29 июля) 1894 г.

Ганото сообщил мне телеграмму Монтебелло, излагающую предложение императорского кабинета относительно начала переговоров между воюющими странами при посредничестве держав. Он телеграфировал в Лондон, что Франция к этому присоединяется. Но сказал мне, что принципиально поддерживает всякое от нас исходящее предложение и в вопросах азиатской политики ни в чем не будет отмеже-

---

Бутенева-Хрептовича, вместе с тем, передавал помещенный в тексте документ. Идентичная телеграмма одновременно была отправлена Хитрово за № 115.

[1]) Такое заявление было сделано Англией, о чем сообщал английский посол в Петербурге в частном письме на имя министра от 8 августа (27 июля) 1894 г.

[2]) См. выше № 104.

[3]) См. выше № 19.

ваться от нас, но при данных условиях он не видит, каким образом, не нарушая нейтралитета, можно было бы требовать от Японии отказа от занятого ею выгодного положения. Это значило бы оказывать предпочтение Китаю, тогда как следует добиваться прекращения военных действий на основе принципа «uti possidetis», требуя от Японии точного формулирования подлежащих совместному обсуждению реформ. Франция весьма удивлена созданным Италией в Азии положением, где у нее нет ни реальных интересов, ни прав. Гаюто получены доказательства того, что статья газеты «Matin» от 8 исходит из английского, и притом официозного источника.

Моренгейм.

108. Записка директора азиатского департамента.

11 августа (30 июля) 1894 г.

Французский посол в Лондоне уведомил лорда Кимберлея о мирных намерениях Китая, готового, несмотря на враждебные действия, начать переговоры на основе эвакуации Сеула, оккупации севера Кореи китайцами, юга — японцами и т. д. Лорд Кимберлей удивлен нашим молчанием по этому вопросу. Я сказал сэру Франку Лasселю в ответ на это сообщение, что наша телеграмма, вероятно, скрестилась с телеграммой первого статс-секретаря. Я счел возможным, по ходу беседы, прибавить, что совместные действия в этом деле наших и английских представителей не могут иметь своим результатом ничего, кроме пользы.

Капнист.

109. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

5 августа 1894 г., № 122.

Одна из наших канонерских лодок отправится на станцию в Таку[1]).

Гирс.

---

[1]) 15 (3) августа главный морской штаб сообщил мин-ву ин. дел о том, что «по усмотрению начальника эскадры в Тихом океане лодка «Сивуч» может быть направлена на станцию в Чемульпо, а в Таку послана лодка «Бобр». «Бобр» назначался в Чемульпо в качестве второго стационера.

К истории первой Гаагской конференции 1899 г.

Публикуемые ниже материалы к истории первой Гаагской так называемой «мирной» конференции 1899 г. представляют особый интерес именно в настоящий момент, когда на открывшейся 2 февраля 1932 г. в Женеве генеральной конференции по ограничению и сокращению вооружений явно обнаружилось все лицемерие империалистических держав, отвергнувших предложение советской делегации о полном всеобщем разоружении и стремящихся под прикрытием пацифистских резолюций свести к нулю самую идею разоружения, ссылаясь на то, что политические условия еще не достигли той ступени, при которой возможно разоружение, а также на «особые условия» отдельных государств, «определяющих необходимый для них уровень вооружений». Те же заявления и аналогичную мотивировку встречаем мы и в печатаемых ниже документах 1898 г., позволяющих вместе с тем с полной очевидностью вскрыть соображения, которыми руководилось царское правительство, явившееся тогда инициатором созыва международной конференции. Далекое от мысли добиться действительного разоружения царское правительство, как показывают эти документы, своим знаменитым обращением к державам от 24 (12) августа 1898 г. преследовал цель, с одной стороны, ослабить своих противников в военном отношении, а с другой стороны, создать для себя наиболее благоприятную международную обстановку, которая позволила бы ему продолжать политику захватов и экспансии на Дальнем Востоке.

До настоящего времени в литературе существовал ряд версий о подготовке первой Гаагской конференции: инициатива ее приписывалась то лично Николаю Романову, находившемуся будто бы под влиянием пресловутой книги Блоха о мире, то отдельным чиновникам министерства иностранных дел — А. Базили и Приклонскому, принимавшим участие в межпарламентской мирной конференции в Будапеште в 1896 г. [1]), то, наконец, влиянию министра финансов Витте [2]). Сам Витте в своих мемуарах сообщает, что идея созыва конференции была внушена им министру иностранных дел Муравьеву

---

[1]) Ср. «Grosse Politik», Bd. XV, S. 349 и сл., где версия эта передается герм. послом в Петербурге Радолиным со слов чиновника министерства ин. дел Комарова, а также статью герм. проф. Веберга в сборнике «Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919—1930», herausg. im Auftrage des D. Reichstages, Bd. V, 2, S, 6, ссылающегося на сообщение, сделанное ему бывш. сотрудниками министерства ин. дел бар. Нольде и Таубе.

[2]) См. «Gr. Pol.», Bd. XV, S. 144, прим.

в противовес представленному ему последним проекту военного министра Куропаткина о заключении русско-австрийской конвенции, запрещающей этим государствам перевооружать втечение определенного срока свои армии.

Посвященный специально Гаагским мирным конференциям 1899 и 1907 г.г. пятый том издания германского рейхстага «Die Vorgeschichte des Weltkrieges», Berlin, 1929, содержит ряд статей представителей германской исторической науки (Веберга, Монжеласа, Тиме, Цорна и Криге) по вопросу о роли Германии на этих конференциях. Все они касаются также вопроса и о происхождении первой конференции и сходятся в основном мнении, что причиной, послужившей для созыва ее царским правительством, было тяжелое финансовое положение России, не позволявшее ей итти на дальнейшие ассигнования на военные нужды, вызывавшиеся введением в армиях других стран нового образца скорострельной пушки. Публикуемые нами документы, подтверждая эту точку зрения, в то же самое время свидетельствуют о том, что как самое обращение царского правительства с предложением созвать конференцию, так и все последующие планы его по этому поводу обусловливались не только тяжелым положением русской казны, но и общей политической обстановкой того времени, создавшейся в результате крайнего обострения англо-русских отношений в связи с продвижением России на Дальнем Востоке и попытками Англии образовать блок держав, враждебный франко-русской группировке, путем сближения с Германией, Соединенными Штатами и Японией.

Все эти документы, за исключением письма Куропаткина от 13 (1) марта 1898 г. (см. № 1), хранятся в специальных делах политического архива б. министерства иностранных дел, посвященных Гаагской конференции 1899 г. [1]). Письмо Куропаткина, наряду с литографированными копиями записки министерства иностранных дел от 5 апреля (24 марта) и запиской в. кн. Алексея Александровича, хранится в секретном архиве министра, и самый факт нахождения этих документов в общем деле подтверждает рассказ Витте. Что касается записки министерства иностранных дел (№ 2), то в архиве она сохранилась только в виде литографии, а черновик ее, действительно, написан рукой Приклонского, бывшего в то время делопроизводителем 1 отд. I департамента, и имеет значительные поправки тов. министра Ламздорфа. Несомненно, эта записка в известном смысле явилась ответом на предложение Куропаткина, о чем свидетельствуют содержащиеся в ней фразы, что «Австрия не решится заключить отдельного помимо Германии соглашения с державой, стоящей вне Тройственного союза, по вопросу о взаимных боевых средствах» и что необходимо добиваться международного соглашения «между всеми великими державами, так как частичное соглашение, если бы оно и было возможно, поставило бы заключившие его державы в военном отношении в крайне невыгодное положение сравнительно с оставшимися вне его, ничем не связанными державами». Тем не менее сама записка особенно подчеркивает тот факт, что момент ее составления, когда Россия «достигла, наконец, веками преследовавшуюся ею цель, приобретя на Дальнем Востоке незамерзающий порт в открытом море», был признан наиболее бла-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики.

гоприятным для созыва международной конференции по сокращению вооружений, так как это облегчило бы для России возможность закрепить ее новые приобретения на Дальнем Востоке. Как известно, за 9 дней до этого было заключено 27 (15) марта 1898 г. соглашение между Россией и Китаем об аренде Ляодунского полуострова, вызвавшее бурю негодования в Англии, которая в конце февраля прервала начатые в начале января переговоры с царским правительством о разделе сфер влияния в Китае и на Ближнем Востоке.

Не высказывая окончательного мнения по вопросу о форме сокращения вооружений, записка отдает предпочтение соглашению о постепенном пропорциональном сокращении количества войск, так как последнее «было бы особенно выгодно для России, ввиду численного превосходства, пропорция которого осталась бы неизменной». Иными словами, автор записки откровенно настаивает на неравных условиях разоружения, как это делают и теперешние женевские миротворцы. Эту же мысль с еще большим цинизмом повторяет дядя Николая Романова генерал-адмирал Алексей Александрович, фактический глава русского флота, которому эта записка была послана царем на заключение: «Если соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении должно нам дать численное превосходство сравнительно с армиями соседей, то, конечно, против этого ничего нельзя возражать». За исключением этого письма Алексея Александровича в архиве не сохранилось никаких документов о дальнейшей судьбе записки министерства иностранных дел, на одной из литографий которой имеется помета «non avenu».

Следующим моментом в этом деле является докладная записка Муравьева от 11 июля (29 июня) 1898 г. с приложением проектаобращения к державам, который повторяет в несколько измененной редакции первую часть записки 5 апреля (24 марта). Проект этот также имеет помету «non avenu». И только 24 (12) августа, т. е. через 5 месяцев, проект созыва международной конференции получает движение. Возможно, что он подвергся длительному обсуждению между главами отдельных ведомств (ср. мемуары Витте, стр. 131). Но невольно возникает вопрос, почему именно в августе месяце было признано своевременным пустить его в ход. К этому моменту политическая обстановка сложилась следующим образом. Начавшаяся в апреле 1898 г. испано-американская, война отвлекла до известной степени внимание великих держав, и в частности Англии от Дальнего Востока. Тем не менее английское правительство, оккупировав в апреле Вей-ха-вей, не переставало подготовлять политическую обстановку на случай возможного столкновения с Россией на почве китайских дел, стремясь заручиться союзниками в лице Германии, с которой в июне начинаются переговоры о разграничении сфер влияния в португальской Африке, и с С. А. Соединенными Штатами, которые английское правительство, по словам Муравьева, пытается «вовлечь в орбиту своих интересов и сделать из них оружие своих политических целей» [1]).

В конце июля по ст. ст. отношения между Россией и Англией достигают резкого обострения по вопросу о Шанхай-Гуанской железной дороге [2]). Об этом свидетельствует.

---

[1]) Письмо послу в Вашингтоне Кассини от 10 августа (29 июля) 1898 г.

[2]) См. статью А. Л. Попова «Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.», «Красный архив», т. XXV, стр. 111.

письмо поверенного в делах в Лондоне Лессара от 17 (5) августа 1898 г., в котором он, указывая, что «положение действительно серьезно», сообщал следующее: «Нет основания придавать большого значения уверениям, что Англия готова решиться на войну и что ей обеспечен союз с Японией и поддержка Соединенных Штатов. Все это очень мало вероятно, но напротив, если нынешнее настроение продолжится, то почти неизбежно правительству, под давлением прессы и шовинистов, придется принять в Китае меры, которые вызовут с нашей стороны соответствующие действия и обострят еще более положение». В качестве выхода из положения Лессар, советовавший не итти на уступки англичанам в китайском вопросе, рекомендовал следующую линию поведения: «щадить самолюбие англичан и дружественными разъяснениями давать лондонскому кабинету материал для защиты от нападков». Одновременно с этим английский посол в Петербурге Скотт в беседе с Муравьевым 18 (6) августа заявил, что упорство России в вопросе о Шанхай-Гуанской железной дороге «может привести к серьезным международным осложнениям» [1]). В своей всеподданнейшей записке Муравьев, указывая, что общественное мнение Англии «может решиться, дабы дать удовлетворение народному чувству на вызывающий уже прямо против России шаг в такой отдаленной области, где трудно было бы дать англичанам надлежащий отпор», ставил перед Николаем прямо вопрос, может ли Россия настаивать на своей точке зрения, «рискуя подорвать занятое ею ныне на Дальнем Востоке положение», или ей следует пойти на соглашение с Англией. В заключение он отмечал, что «если наступит пора остановить свой выбор на том или ином из указанных двух направлений, казалось бы необходимым иметь в виду всю государственную важность предстоящих нам на Дальнем Востоке задач, осуществление коих может быть достигнуто лишь при условии сохранения нормальных отношений со всеми соперничающими в Китае державами до той поры, когда Россия станет вполне твердой ногой на берегах Тихого океана». На этой записке имеется помета Николая: «Мир важнее всего, если честь не затронута» (4 августа 1898 г.).

Таким образом, не только для закрепления достигнутых результатов, но и для дальнейшей политики захватов на Дальнем Востоке, царское правительство во что бы то ни стало должно было избежать в этот момент войны с Англией, и не случайно, что в день, когда Николай утвердил проект циркулярного письма о мирной конференции, т. е. 23 (11) августа, посланнику в Пекине была послана следующая инструкция: «...Но такой гигантский шаг на пути к осуществлению исторической задачи [2]) был сделан нами в такое время, когда предпринятое дело устройства и укрепления наших дальних окраин еще далеко не закончено; когда сооружение великого пути через всю Сибирь, долженствующего связать окраины эти с сердцем империи, еще требует нескольких лет упорного и неустанного труда и, наконец, когда, в виду общего тревожного положения вещей на Крайнем Востоке, следовало всего более опасаться нежелательных осложнений, которые могли бы в корне подорвать достигнутый нами успех. Таковая неподготовленность наша естественно побуждает ныне к крайней осмотрительности и осторожности,

[1]) Пам. записка англ. посольства от 14 (2) сент. 1898 г.
[2]) Имеется в виду занятие Порт-Артура.

тем более, что, добившись заветной цели наших стремлений, мы стоим теперь лицом к лицу с новою трудною задачей — связать только что сделанные приобретения с восточно-сибирскими областями, установить на вполне прочных основах наше политическое влияние в соседней Манчжурии и затем создать из занятых портов такую военно-морскую базу, которая во всех отношениях отвечала бы требованиям жизненных интересов отечества на Крайнем Востоке. Не подлежит затем сомнению, что обеспечить достижение всех этих результатов возможно лишь при непременном условии нормального течения событий вне всяких осложнений, могущих на долгие годы задержать предпринятую Россиею великую созидательную работу, завершение коей даст ей возможность, став вполне твердою ногою на берегах Тихого океана, занять на Дальнем Востоке положение, во всем отвечающее величию нашего отечества, природной его мощи и всесильным заветам истории».

Тревога русского правительства еще более увеличивалась полученными от посла в Берлине Остен-Сакена сведениями, что за англо-германскими переговорами о португальской Африке [1]) скрывается возможность более общего соглашения, направленного против России, что находило себе подтверждение в усилении германских вооружений (см. № 4).

Циркулярная нота от 24 (12) августа 1898 г. была неожиданною для всех держав, но особенную тревогу она вызвала во Франции, где даже заподозрили, что она внушена Николаю Вильгельмом II и что она заставит Францию отказаться от лелеемой ею мечты отвоевать у Германии Эльзас и Лотарингию. Царское правительство не замедлило успокоить своего союзника через посла в Петербурге Монтебелло: ни о каком разоружении нет и речи, никаких политических вопросов конференция касаться не будет.

Но этого показалось недостаточным, и для успокоения французского правительства были посланы со специальной миссией в Париж ген. Куропаткин и Муравьев. Печатаемый нами отчет Куропаткина о беседе его с французским военным министром Шануаном превосходит все остальные документы по своей циничной откровенности. Куропаткин постарался успокоить как Шануана, так и президента Фора, что царское правительство далеко от мысли о разоружении, что конференция не затронет существующую между Россией и Францией военную конвенцию, что она не будет касаться достигнутых во французской армии успехов и, наконец, что на ней не будут обсуждаться политические вопросы. В ответ на это Шануан, по словам Куропаткина, повторял несколько раз: «Теперь я понял, в чем дело, и совершенно успокоился», а Фор в конце беседы заявил: «Относительно целей конференции я успокоен и надеюсь, что великому человечному делу — уменьшению вооружений — будет положено доброе начало. Но мы во Франции имеем свои задачи, и конференция, конечно, не будет иметь одной из своих целей помешать достижению наших сих задач». Одновременно с этим он предложил Куропаткину пересмотреть франко-русскую конвенцию 1892 г. в целях увеличения выставляемых против Германии сил.

---

[1]) Соглашение было подписано 30 (18) августа 1898 г.

В докладе Николаю Романову от 31 (19) октября 1898 г. о поездке за границу Муравьев писал следующее о своей беседе с Фором по поводу мирной конференции: «Почти в тех же выражениях, что и Делькассе, он (т. е. Фор) заявил мне о полной готовности французского правительства способствовать успеху великого дела. При этом г. Ф. Фор выразил некоторое сомнение об искренности согласия по сему делу великобританского правительства. Видимо, увлеченный настоящими затруднениями между Францией и Англией, он в пылу откровения сказал мне, что настоящий враг Франции не Германия, а Англия. Что, как Англия является в Африке повсюду врагом Франции, таким же врагом является она по отношению к нам на Дальнем Востоке, — ни России, ни Франции не следует этого забывать, и мы должны руководиться этим сознанием в нашей политике».

К половине октября ст. ст. были получены ответы всех правительств на ноту 24 (12) августа [1]), причем официальный ответ Англии последовал только 24 (12) октября. Несмотря на это, обращение к державам оставалось без движения до ноября 1898 г. Сентябрь — ноябрь 1898 г. были весьма тревожным периодом в области международных отношений. Русско-английские переговоры по китайскому вопросу, которые в сентябре, казалось, близились к компромиссному разрешению, были все же прерваны. Это совпало с крайним напряжением англо-французских отношений в октябре 1898 г. на почве Фашодского кризиса, который рассматривался русскими дипломатами, как попытка Англии изолировать Россию на Дальнем Востоке [2]). Наибольшего напряжения тревога русского правительства достигла в начале ноября ст. ст., когда, несмотря на мирное разрешение англо-французского конфликта, Англия продолжала свои вооружения. В ответ на запрос Куропаткина по поводу целей английских вооружений Муравьев 17 (5) ноября сообщил, что «нынешнее неопределенное политическое положение указывает на необходимость соблюдать бдительность и крайнюю осторожность, избегая столкновений с Англией во всех пунктах, где обоюдные интересы наши приходят в соприкосновение и, по преимуществу, на Дальнем Востоке». Это указание Муравьева было расценено военным ведомством как предложение принять некоторые подготовительные меры на случай войны с Англией, о чем Куропаткин известил Муравьева письмом от 19 (7) ноября за № 3998, в котором сообщал, что в Туркестане и Закаспийской области им предложено проверить мобилизационные соображения и «принять секретные меры по наблюдению за Афганской границей», и что в Квантуне «предписано составить план временной постановки всех орудий и мортир, прибывших уже в Порт-Артур, для обороны его как с суши, так и с моря». Муравьев на это ответил, что с общеполитической точки зрения эти меры не встречают возражений (письмо от 1 декабря (19 ноября), а Николай Романов на докладе Куропаткина по этому поводу написал 6 декабря (24 ноября) следующее: «Вполне одобряю принятые уже меры и изло-

[1]) Сообщая о впечатлении, произведенном в Австрии циркуляром 24 (12) августа, русский военный агент Воронин передал между прочим следующее заявление начальника австр. ген. штаба Бека: «Все это хорошо, но Россия имеет попрежнему полную возможность продолжать вооружения, а мы от парламента не получим ни гроша».

[2]) Письмо Урусова от 19 (7) января 1899 г.

женные предположения. Я сам намеревался писать вам именно по этому предмету. Некоторые видимые приготовления с нашей стороны, по моему, были бы совсем не бесполезны. Почему Англия одна имеет право так дерзко вооружаться среди всеобщего мира?» [1]). За несколько дней до этого 30 (18) ноября англичане предложили в Петербурге возобновить переговоры по китайским делам, но выставили ряд новых требований, признанных русским правительством совершенно неприемлемыми [2]).

К этому моменту относится печатаемый ниже новый проект обращения к державам (см. № 9), в котором, признавая несвоевременность созыва конференции, русское правительство пытается возложить ответственность за ее неудачу на Англию. В связи с опасением, что Англии удастся добиться соглашения с Германией, и имея сведения о новых германских проектах вооружения, Муравьев 12 декабря (30 ноября) предложил царю обратиться непосредственно к Вильгельму по поводу мирной конференции, рассчитывая, что это «произвело бы сильное впечатление в Англии и, быть может, убедило бы Сен-Джемский кабинет к бесполезности усилий достигнуть содействия Германии в политических планах Великобритании» и «могло бы только облегчить предстоящие нам переговоры с Англией по китайским делам» (см. № 10).

Последний из публикуемых здесь документов относится к тому периоду, когда англо-русские недоразумения уже утратили свою остроту. В не получившем осуществления проекте докладной записки мы прямо находим мысль о ненужности конференции и о желательности заменить ее предварительным совещанием, которое Россия могла бы использовать в своих политических целях, формулированных в записке следующим образом: «Наглядное выяснение антагонизма между интересами, особенно колониальными, средне-европейских держав и англо-американской политикой будет иметь, несомненно, могущественное влияние при новой, ныне все ярче обнаруживающейся группировке мировых политических сил, позволив нам вместе с тем на этой почве оказать наиболее существенную поддержку Франции и привлечь к общему делу Германию, отнюдь не становясь при этом во враждебное отношение к Англии» [3]).

Проект этот не получил осуществления, и министерство иностранных дел сочло все же нужным представить Николаю Романову новый проект обращения к державам, о созыве конференции, который и был вручен представителям их в Петербурге 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г.).

Л. Телешева.

1. Письмо военного министра Куропаткина министру ин. дел. Муравьеву.

13 (1) марта 1898 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич.

Препровождаю при сем сведения по вопросу о принятии в германской, нашей и австрийской армиях скорострельных полевых пушек·

---

[1]) Дело секретного архива министра 1898 г.

[2]) См. «Красный архив», т. XXV.

[3]) Как известно, франко-русско-германский блок был излюбленной идеей Витте.

Из этих сведений видно, что Германия уже остановилась на известном образце (фотография сего образца прилагается), а в Австрии и у нас лишь производятся обширные опыты над разными образцами, но эти опыты до сих пор не привели к вполне удовлетворительным результатам. Необходимо однако иметь в виду, что в Германии хотя образец найден, принят, и уже 5 корпусов перевооружены новыми полевыми скорострельными пушками, но и там далеко не довольны всеми свойствами этой новой пушки.

Трудности, встречаемые в техническом отношении, при проектировании полевых скорострельных пушек, заключаются в поставленных отдельным изобретателям и заводам требованиях относительно начальных скоростей, с коими снаряды должны вылетать из орудий, общего веса системы и, главное, относительно быстроты действий из проектируемых скорострельных пушек. Так, из принятого у нас ныне полевого орудия возможно сделать в минуту один выстрел и лишь при крайне благоприятной обстановке, в ущерб меткости, довести скорость стрельбы до двух выстрелов в минуту. Из вновь введенной в Германии и проектируемой к введению у нас скорострельной полевой пушки возможно будет делать шесть выстрелов в минуту, снарядами около 15 фунтов весом каждый.

Такая скорость стрельбы огромна и тревожна. Ибо, если, с одной стороны, противник будет осыпан массою снарядов, то, с другой стороны, весь комплект снарядов при увлечении этою быстротою действия может быть израсходован в один час времени.

До сих пор положение главных держав относительно средств разрушения, принимаемых одною из держав, было таково, что какие бы расходы принятие того или другого из сих средств не вызывало, великие державы лихорадочно хватались за возможность первыми принять у себя эти новые средства разрушения. Сделанный же в этом направлении какою-либо державою шаг роковым образом вызывал подражание у соседей. За главными державами шли второстепенные, и вся Европа, хотя со стонами под бременем непосильных расходов, вынуждена была усиливаться все новыми средствами разрушения.

В самое короткое время в Европе переменили несколько систем ружей, переменили системы орудий, ввели полевые мортиры, ввели фугасные снаряды, изменили систему постройки крепостей (бетонные своды, металлические башни и пр.), усложнили и несколько раз меняли типы крепостной и береговой артиллерии, установили новые типы пулеметов, видоизменили осадные парки, усложнили минную часть, ввели воздухоплавательные парки и т. д.

Надо прибавить, что все державы, беря пример одна с другой, лихорадочно развивают свои силы, совершенствуют их организацию

и увеличивают путем постройки массы железных дорог и образования еще в мирное время колоссальных запасов разного вида — их боевую готовность. Эта готовность ныне доведена до небывалой и чудовищной степени. Не подлежит сомнению, что в двухнедельный период со дня объявления мобилизации уже могут столкнуться на главных фронтах Европы — западном и восточном — сотни тысяч войск, и в месячный срок Европа может представить невиданное с сотворения мира зрелище кровавой борьбы армий в несколько миллионов людей.

Расходы, кои несет Европа на этот так называемый «вооруженный мир», огромны. Невольно приходит многим на ум опасение, что такой порядок долго продолжаться не может и что из него лишь два исхода: или война или великий почин одной из наиболее сильных держав приостановит дальнейшее расходование тяжелым путем добываемых казною денег на дальнейшее принятие все новых средств разрушения. Глубоко убежден, что ныне настала весьма благоприятная минута сделать этот важный почин именно нам и австрийцам.

Не сомневаюсь, что какие бы технические трудности ни представляло принятие нами и австрийцами нового образца полевой скорострельной пушки, эти трудности будут побеждены, и мы, даже и неудовлетворенные своим новым орудием, вынуждены будем, чтобы не отставать от соседей, принять его.

В наши сметные соображения на пятилетие 1899—1904 г. уже занесена сумма в 90 000 000 руб. на перевооружение нашей артиллерии новыми полевыми скорострельными пушками. Все же расходы по подобному перевооружению должны составить 120 000 000 руб. В таком, как мы, положении находится и Австрия. Ее расходы на перевооружение полевых скорострельных пушек тоже должны исчисляться суммою около 100 000 000 руб.

Руководимый глубоким сознанием важности для России возможно беречь, особенно в ближайшие годы, свои силы и средства для выполнения исторических современных задач, я взял смелость доложить вчера государю императору о желательности сделать попытку заключить с Австрией военную конвенцию, имеющую целью не вводить втечение десяти лет в нашей и в австрийской армиях полевых скорострельных пушек.

Государь император признал эту идею заслуживающею внимания и поручил мне переговорить с вами, что я исполнил вчера же.

В развитие нашего разговора, позволяю себе высказать предварительное мнение, что основными пунктами этой конвенции, казалось, могли бы стать следующие:

1. Военная конвенция между Россией и Австрией заключается на десять лет.

2. Втечение означенного срока ни в русской, ци в австрийской армиях не введятся полевые скорострельные пушки.

3. В крепостях сухопутных и приморских, а также в осадных парках обе державы сохраняют право заводить крепостного и осадного типа скорострельные пушки.

4. Такое же право сохраняется Россиею и Австриею и относительно вооружения своих флотов.

5. Скорострельными полевыми пушками признаются все типы полевых пушек, дающие возможность делать из них более трех выстрелов в минуту.

6. Скорострельные пушки, принятые для крепостей, осадных парков и флота, по своему весу не должны быть пригодны для полевой войны. Определение для сих пушек веса орудия и лафета подлежит совместному решению военных министров: русского и австрийского, через особо назначенных военных представителей.

7. Россия и Австрия сохраняют право продолжать опыт над образцами полевой скорострельной пушки.

8. Австрия сохраняет право на введение в состав полевой артиллерии полевых гаубиц.

Приложение: А) Записка 27 февраля ген.-лейт. Костырко по вопросу о перевооружении германских и австрийских армий скорострельными пушками, с двумя фотографическими снимками, и Б) рапорты военного агента в Вене от 7 и 16 февраля за №№ 16 и 19 [1]).

Два приложенных фотографических снимка прошу по миновании надобности возвратить мне.

А. Куропаткин.

2. Записка министерства ин. дел.

5 апреля (24 марта) 1898 г. [2]).

Скоро минет четверть столетия со времени последней войны в Европе. С тех пор великие державы, во имя мира, с целью, насколько возможно, затруднить его нарушение и оградить вместе с тем свои существенные интересы, сплотились в могущественные союзы и не щадят средств для наибольшего усиления своей военной мощи как опоры мира.

Создавшийся таким образом вооруженный мир, ныне тяготеющий над Европой, может однако повести к совершенно иным последствиям, чем те, которые имелись ввиду при его установлении.

---

[1]) Указанные приложения хранятся в секр. архиве министра при письме Куропаткина и, как представляющие чисто военный интерес, нами не воспроизводятся.

[2]) Печатается с литограф. копии.

Военно-морские расходы всех великих держав, не переставая возрастать, в корень расшатывают народное благосостояние, достигают чудовищных размеров, грозя принять еще большие.

Ибо несомненно, пока государства, между которыми ведется это изнурительное соревнование, будут сознавать себя великими державами, до тех пор они не допустят, чтобы одно из них в средствах государственной обороны опередило другое, как бы ни были тяжелы жертвы, этим вызываемые. Следовательно, каждое новое усиление боевой готовности одного из них послужит лишь сигналом для соответственного увеличения военного бюджета всех других. Трудно вместе с тем предвидеть конец беспрерывного возрастания издержек на изобретения новых средств разрушения. Гигантские успехи практической науки постоянно приносят разные усовершенствования в технике военно-морского вооружения, и предметы такового, сегодня приобретенные путем колоссальных затрат и крайнего напряжения платежных сил населения, на завтра теряют всякую цену и значение.

Вследствие этого военно-морские расходы поглощают все большую и большую долю их общих бюджетов, выражаются в сотнях миллионов рублей. Парализуя этим производительность и развитие народного труда, лишая его необходимых ему средств, заставляя народы приносить непосильные жертвы, нецелесообразность которых уже проникает в общественное сознание, новейший милитаризм дает мощное орудие в руки растлевающей пропаганде социализма, охватившей весь Запад.

Таким образом для всех цивилизованных государств дело идет не о торжестве над другими одного из них, хотя бы сильнейшего, но об ослаблении всех как в экономическом, так даже и в политическом отношении.

Поэтому их общие важнейшие интересы повелительно требуют, пока еще есть время, прекратить такое положение, тяжкое в настоящем и еще более гибельное в будущем.

Нынешнее перевооружение германской артиллерии служит новым доказательством неотложности положить предел этой разорительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введенной той же Германией, и которая, в конце концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим ужасающим последствиям всеобщей войне.

Необходимо заблаговременно прибегнуть к средствам, могущим предотвратить это бедствие. Необходимо избрать новый лучший путь для прочного и благотворного утверждения вселенского мира. По видимому, России, миролюбие, а равно и военно-финансовое могущество которой всеми признается, надлежало бы взять на себя почин

в этом святом деле и тем вновь запечатлеть свою историческую миссию, как носительницы идеи правды и мира, — идеи, нашедшей себе столь совершенное выражение в лице великого царя-миротворца и ныне последовательно с такой славой осуществляемой.

Высокая идея всеобщего мира уже давно служит предметом исследования лучших представителей европейской интеллигенции, приобретая все более и более последователей. Конгрессы мира и междупарламентские мирные конференции [1]) являются следствием этого благотворного течения и вместе с тем его влиятельными двигателями. Деятельность их при всем своем интересе и значении не имела однако до сих пор практических результатов, для достижения которых необходимо, чтобы вопрос этот, выйдя из области академических прений, стал предметом суждения между самими правительствами.

Руководствуясь, повидимому, такими соображениями, английское правительство уже сделало в 1894 г. самым секретным образом попытку предложения России о созыве конференции представителей великих держав с целью выяснения мер, необходимых для обеспечения и уменьшения расходов на вооружения. При этом лорд Розбери, вполне признавая значение России, как самой могущественной поборницы европейского мира, находил возможным приступить к созыву конференции лишь в том случае, если Россия возьмет на себя в этом почин [2]).

Однако предложение Англии оказалось тогда несвоевременным. Настоящая минута представляется, повидимому, для сего как нельзя более благоприятной. Новые вооружения Германии, которых неизбежным последствием должно быть принятие соответственных мер не только Россией, Францией и Англией, но и теми державами, которые

---

[1]) Имеются в виду «мирные» конференции парламентских деятелей, первая из которых заседала в Париже в 1889 г. Последняя перед этим межпарламентская конференция заседала в Будапеште в сентябре 1896 г.

[2]) Переписка российского посла в Лондоне Стааля с министром иностранных дел Гирсом по поводу этого обращения английского министра иностранных дел Розбери опубликована в выдержках в «Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884—1900)», Paris, 1929, pp. 241, 242, 243, 246, 249. На подлинниках этих документов, хранящихся в Архиве Вн. Пол. (дело П. А. 4679) имеются следующие пометы Александра III: 1) «Мы не раз говорили с вами об этом, но практического результата я положительно не вижу. Конечно, это было бы великим благом человечества, и я бы радовался более всех, но думаю, что пока это утопия» (письмо Стааля от 2 мая (20 апр.) 1894 г.); 2) «Это все весьма симпатично, но до сих пор очень рискованно и, по-моему, время не наступило еще сделать подобное предложение» (письмо Стааля от 12 июня (31 мая) 1894 г.) и 3) «Выгадает от этого только одна Англия, у которой армия самая незначительная, а флот громадный, который, конечно, никогда Англия не согласится уменьшить» (письмо Стааля 3 авг. (22 июля) 1894 г.).

входят в состав предводимого ею же самой союза [1]). Между тем одна из них — Италия — страшно разорена экономически и едва выносит бремя своего настоящего военно-морского бюджета. Другая — Австро-Венгрия — переживает смутное время с точки зрения внутренней политики и столь же мало расположена к дальнейшему отягощению своих и без того в высшей степени обложенных плательщиков новыми налогами на военные нужды. Нет сомнения, что несмотря на столь неблагоприятное положение ни одна из них, особенно Австрия, не решится заключить отдельного помимо Германии соглашения с державой, стоящей вне Тройственного союза, по вопросу о взаимных боевых средствах. Но можно смело рассчитывать, что мысль о всеобщем соглашении для уменьшения военно-морских расходов найдет в них обеих самую горячую поддержку. Столь же сочувственно, можно думать, отнесутся к мысли о созыве для сего международной конференции и Англия, и Франция. Россия же может считать для себя, помимо прочих соображений, особенно удобным настоящее время, когда она достигла, наконец, веками преследовавшуюся ею цель, приобретя на Дальнем Востоке незамерзающий порт в открытом море [2]), и достигла этого, не нарушив ничьего права.

Таким образом, следует полагать, что теперь настало самое удобное время для установления международного соглашения, направленного к уменьшению военно-морских расходов, но, конечно, между всеми великими державами, так как частичное соглашение, если бы оно и было возможно, поставило бы заключившие его державы в военном отношении в крайне невыгодное положение сравнительно с оставшимися вне его, ничем не связанными, державами.

Что касается до самой сущности такого соглашения, то на первый взгляд наиболее естественным представлялось бы остановиться на настоящем вооружении, признать его за нормальное, с обязательством не заменять его другим, более совершенным. Однако помимо того, что подобное соглашение было бы крайне невыгодным и несправедливо по отношению к тем государствам, которые ныне оказались бы наименее подготовленными, оно было бы прямо неисполнимо, ибо история указует на чрезвычайную затруднительность, почти невозможность, задержать научный прогресс, даже если он вредоносен. Если бы такое соглашение было принято, то самая сила вещей была бы причиной постоянных его тайных нарушений и было бы вряд ли возможным

---

[1]) Так в подлиннике. В черновике это место читается так: «Шаг, сделанный Германией, должен иметь неизбежным последствием принятие соответственных мер не только Россией...»

[2]) Имеется в виду соглашение между Россией и Китаем от 27 (15) марта 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова.

уследить за таковыми. Пример подобного явления может доставить нынешнее англо-индийское столкновение [1]). Факты удостоверили, что в употреблении у английской армии имеются разрывные пули, а с другой стороны, кто мог бы поручиться, что в европейский войне не станут пользоваться какими-либо новыми, столь же разрушительными орудиями, в самую последнюю минуту открытыми.

Ввиду этого было бы, может быть, осторожнее поставить во главе соглашения вопрос не о качестве вооружения, а о количестве войск, т. е. согласиться не увеличивать и даже прогрессивно сокращать или количество теперь имеющихся у различных государств войск или сумм, ежегодно на содержание и вооружение их ассигнуемых.

В этом последнем случае само собою вызывалось бы и сокращение численности войск и особая бережливость, особая осторожность при их перевооружении. Кроме того, такое соглашение, при строгой отчетности, особенно конституционных стран, легче всего можно было бы контролировать.

Следует также заметить, что соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении количества войск было бы особенно выгодно для нас ввиду численного превосходства, пропорция которого осталась бы неизменной.

Но остановить рост вооруженных сил еще недостаточно. Необходимо предотвратить по возможности опасность их столкновения. С этой точки зрения особенно удобным являлось бы установление соглашения между государствами: предоставлять решение взаимных недоразумений не силе оружия, а постановлению ими же выбранных третейских судей. Очевидно, к такому способу государства обязались бы прибегать лишь в случаях, где не затронуты их жизненные интересы, причем выяснение этого вопроса, т. е. о степени важности того или другого международного спора, принадлежало бы решению самих заинтересованных стран.

Таковы соображения, говорящие в пользу своевременности и благотворности для всего мира постепенного разоружения и установления международного третейского суда на вышеизложенных началах.

Если бы соображения эти удостоились всемилостивейшего одобрения его императорского величества, представлялось бы целесообразным запросить представителей наших при великих державах и при президенте Соединенных Штатов Северной Америки о мнениях по настоящему вопросу правительств, при коих они аккредитованы.

---

[1]) Имеется в виду восстание индийских племен на персидской границе в январе 1898 г. и мятеж в Бомбее в марте 1898 г.

3. Письмо вел. кн. Алексея Александровича Николаю II [1]).

Предложение министра иностранных дел, которое угодно было мне передать и приказать выразить мое мнение по этому поводу, приводит меня к следующим заключениям. Ничего не может быть более радостно и более достойно России как подобный благородный почин, но только при полной уверенности на благополучный результат. Россия не может и не должна рисковать неудачей, в особенности в подобных, позволю себе выразиться, мировых политических переворотах. К сожалению, я весьма сомневаюсь в таковом результате. На моем веку я помню столько благородных порывов у разных государственных людей, которые, увы! всегда оказывались, что называется, несвоевременными. Думаю, что современность [2]) настанет не скоро, ибо государства похожи на людей, в которых эгоизм берет большею частью верх над другими чувствами, хотя и под другой личиной. Переходя к подробностям записки, я, конечно, присоединяюсь к мысли, что ничего не может быть серьезнее, как те, часто непосильные, жертвы, которые государства несут на военные и морские потребности, но позволяю себе думать, что, с другой стороны, военно-морская сила есть гарантия мира, что доказывают нам те продолжительные промежутки между серьезными войнами конца 19 столетия. Не усовершенствованное оружие дает победу, но люди, им управляющие, и только недостаток финансовых средств заставляет заключать невыгодный мир. Мне кажется потому: русские армия и флот, не бросаясь на всякие усовершенствования потому только, что другие их приняли, могут, не торопясь и не жертвуя всеми ресурсами государства, постепенно заменять вооружение настоящее более современным. Я не вполне ясно себе уясняю, что надо понимать в этой записке под соглашением о прогрессивном и пропорциональном сокращении количества войск. Если суммы на содержание войск сокращать ежегодно, то, конечно, настанет время, когда оно не будет больше существовать, и это, разумеется послужит к всеобщему миру. Если же соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении должно нам дать численное превосходство сравнительно с армиями соседей, то, конечно, против этого ничего нельзя возразить. Что касается соглашения между государствами предоставлять решение взаимных недоразумений третейскому суду, я полагаю, что это может быть применимо или во всех случаях или ни в каких.

Позволяю себе повергнуть на твое благоусмотрение эти мысли насчет бумаги министерства иностранных дел.

---

[1]) Печатается с литографии. Дата отсутствует.

[2]) Так в подлиннике. Следует, очевидно, «своевременность».

4. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева[1]).

21 (9) августа 1898 г.

Военным министром получено известие, что германский император намеревается потребовать от парламента нового весьма значительного усиления личного состава имперской армии. Примеры прошлых лет указывают вместе с тем на то, что если предположение это осуществится в Германии, от союзников последней тотчас же потребуется соразмерное увеличение их военных сил, что, в свою очередь, должно будет вынудить и нас на дальнейшее развитие наших боевых средств и на новое обременение государственного бюджета на этот предмет.

Нет сомнения, что принимаемые по инициативе Вильгельма II мероприятия вызовут большое неудовольствие в Австро-Венгрии и в особенности в Италии, уже изнемогающих от гнета военных расходов. Можно думать, что и в самой Германии они не встретят общего сочувствия.

Настоящая минута является, — казалось бы, — наиболее благоприятной, чтобы заявить свету о великодушном намерении вашего императорского величества упрочить мир иными средствами и облегчить народам бремя бесконечных вооружений, к коим вынуждает их политика Германии. Такой шаг будет, конечно, противоречить видам императора Вильгельма, но, по общему политическому положению, смею полагать, что он будет тем более своевременным.

Повергая посему ныне на высочайшее воззрение проект уже изготовленного по ранее данным мне указаниям вашего императорского величества сообщения державам с предложением созыва конференции и испрашивая всемилостивейшего разрешения передать сообщение это пребывающим в С.-Петербурге иностранным представителям, дерзаю думать, государь, что, каков бы ни был исход предполагаемой меры, уже одно то, что Россия во всеоружии своей необоримой боевой мощи выступила первая на защиту вселенского мира, послужит лучшим залогом успокоения народов, осязаемо укажет им на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие политики вашего имперского величества и на рубеже истекающего железного века запечатлеет августейшим именем вашим начало грядущего столетия, которое с помощью божией да окружит Россию блеском новой мирной славы.

[1]) На подлиннике помета Николая II: «С[огласен]» и далее другой рукой: «Петергоф, (23) 11 августа 1898 г.». При этой записке был представлен Николаю Романову проект циркулярного обращения к державам, который был утвержден им 23 (11) августа и вручен представителям иностранных держав в Петербурге 24 (12) августа 1898 г. В тот же день циркуляр был препровожден при депеше российскому представителю при Ватикане Чарыкову для вручения его папе. Циркулярное сообщение было опубликовано в «Правительственном вестнике» 28 (16) августа 1898 г. (Ср. «Grosse Politik», Bd. XV, S. 142.)

5. Письмо посла в Париже Урусова министру ин. дел Муравьеву [1]).

8 сентября (27 августа) 1898 г.

Сегодня утром меня посетил г. Делькассе, прочитавший мне депешу, полученную от графа де Монтебелло, в которой посол давал ему отчет о беседе с вашим сиятельством.

Граф де Монтебелло пишет, что он получил от вас самые сердечные заверения о намерениях его императорского величества по отношению к Франции. Вы ему, якобы, сказали, что, по мнению нашего августейшего монарха, предложение о разоружении не могло ни в коем случае и ни в малейшей степени нанести ущерб интересам и еще менее встревожить дружественную и союзную нам нацию; что мыслью, продиктовавшей императору его великодушный шаг, было поставить не столько вопрос о разоружении, сколько вопрос о приостановке вооружений; что ни в какой форме, наконец, политические вопросы не должны быть подняты на конференции, созыв которой предлагает его императорское величество.

Министр иностранных дел был глубоко удовлетворен сведениями, полученными от графа де Монтебелло, и он пришел сообщить мне об этом ввиду того, что последние имели непосредственное отношение к разговору, который у нас был с ним по тому же самому вопросу [2]). Мне удалось, говоря лишь от своего имени и частным образом, сказать ему то же самое, что ему официально сообщено из С.-Петербурга.

Министр иностранных дел сказал мне, что при этих условиях вся Франция будет счастлива принять участие в таком прекрасном деле и что правительство внесет в это дело самый искренний пыл.

Успех, — прибавил г. Делькассе, — будет зависеть в значительной степени от ясности предварительной программы, и именно к этому надо приложить все усилия. В Германии уже надеются, что этот во-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Свою предшествующую беседу с Делькассе Урусов изложил в депеше от 1 сент. (20 авг.) за № 33. Делькассе, заявив Урусову, что французское правительство «вполне готово последовать за его императорским величеством по указанному им пути, как только будет определена программа будущего международного совещания», указал ему в то же время, что Франция, «какое бы чувство ни питала к Франкфуртскому трактату, тщательно его соблюдала и доказала тем бесспорно и явно свое миролюбие. Но более того требовать от нее было бы несправедливо. Она не может вновь подтвердить и одобрить похищение части ее территории, от которого она не переставала страдать. Все нации, и сами немцы, вынуждены уважать ее за ее образ действия и за выказанное ею достоинство. Это уважение уменьшилось бы, если бы она добровольно подчинилась возобновлению и напоминанию перенесенных ею оскорблений и унижения». В ответ на это Урусов заявил, что «самый здравый рассудок не допускает, чтобы какие-либо затруднения для нее (т. е. Франции) могли быть возбуждены Россией».

прос приведет к охлаждению отношений между Россией и Францией, и не преминут употребить все усилия, чтобы достигнуть этого результата. Г. Делькассе высказал мне также удовлетворение французского правительства тем, что граф де Монтебелло был поставлен в известность [1]) о намерениях вашего императорского величества несколько ранее своих коллег [2]).

[Урусов.]

6. Всеподданнейшая записка военного министра Куропаткина [3]).

Больe (близ Ниццы), 31 (19) октября 1898 г.

Ваше величество.

22 сентября с.г., во время моего доклада по содержанию правительственного сообщения 12 августа относительно ограничения вооружений, вашему императорскому величеству угодно было разрешить мне в бытность в Париже переговорить с французским военным министром относительно возможных предположений по военной части на предполагаемой к созыву конференции.

При этих переговорах мне надлежало прежде всего совершенно определенно разъяснить, что указанное выше правительственное сообщение отнюдь не имело в виду разоружения, как то толкуется большинством европейской прессы.

Опираясь на текст сообщения 12 августа, представлялось вполне возможным указать французскому военному министру, что задачею конференции должно быть поставлено:

1) положить предел непрерывным вооружениям,

2) изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья (в случае европейской войны).

Наконец, дабы не было места неосновательным надеждам одних и опасениям других на слишком быстрые результаты работ конференции, надлежало напомнить строки правительственного сообщения 12 августа, в коих с осторожностью указано, что конференция может стать «добрым предзнаменованием для грядущего века».

Возможные предложения на обсуждение конференции по военной части, которые я дозволил себе доложить вашему императорскому величеству 22 сентября, заключались в следующем:

---

[1]) Ср. Grosse Politik, Bd. XV, S. 163. — В беседе с германским послом в Вене Муравьев заявил, что Монтебелло был извещен о циркуляре только двумя часами ранее германского посла Радолина.

[2]) Конец письма, посвященный англо-испанским отношениям, нами не печатается.

[3]) Печатается с копии.

1) воспрепятствовать принятию в армиях всех стран нового оружья автоматической системы;

2) ограничить употребление в полевой войне взрывчатых составов (например, воспретить бросание сих составов с воздушных шаров и т. п.);

3) кроме того мне представлялось желательным включить в программу конференции на будущее время определение на известный период численности армий и размера военных бюджетов.

Ваше императорское величество, выразив милостивое предварительное одобрение сим предложениям, вместе с сим приказали мне в переговорах с французским военным министерством отнюдь не затрагивать политических вопросов, а касаться лишь вопросов военных, финансовых и гуманитарных.

В Париже я провел неделю с 24 сентября по 1 октября. За это время я видался почти ежедневно с нашим послом в Париже, посетил французского военного министра генерала Шануана, начальника главного штаба генерала Ренуара, военного губернатора Парижа генерала Цурлиндена, представлялся президенту Французской республики, а на другой день представления был приглашен им к обеду. — С Шануаном, Ренуаром и с генералом Баллу, начальником военной канцелярии президента, я виделся несколько раз. Я выслушал также мнение о впечатлении, произведенном во Франции правительственным сообщением 12 августа, французского военного агента в Петербурге полковника Мулена и нашего военного агента в Париже генерал-адъютанта барона Фредерикса.

Из всех сведений, собранных мною, и из личных наблюдений выяснилось следующее.

Правительственное сообщение 12 августа произвело на французскую армию тягостное впечатление. Как мне говорили, «офицеры французской армии опустили головы». Неожиданность сообщения и некоторая неясность французского перевода истолковывались во французской армии в неблагоприятном для нее смысле. Как мне объясняли, слова французского текста «les armements» (вооружения) смешивались с «désarmement» (разоружение).

Разоружение после затраченных втечение 27 лет огромных усилий и средств отнимало у них надежду на возвращение Эльзаса и Лотарингии, ибо с разоружением тесно связывалось и предположение о возможном закреплении конференциею тяжких для Франции условий Франкфуртского трактата [1]). Расстаться с надеждою на возвращение Эльзаса и Лотарингии французы не могут еще и потому, что эта надежда о б ъ е-

[1]) Имеется в виду Франкфуртский мирный договор от 10 мая 1871 г., завершивший франко-прусскую войну.

д и н я е т лучшие силы Франции независимо от принадлежности к различным политическим партиям.

Неожиданность объявления для французского правительства сообщения 12 августа породила даже подозрение: не сделан ли этот шаг русским государем по предварительному соглашению с Вильгельмом? Отсюда, повидимому, и возникло весьма трудно скрываемое у представителей власти во Франции опасение в прочности ныне военной конвенции, существующей между Россиею и Францией [1]).

Французов затем беспокоила мысль, что мы, не желая по соображениям финансовым нести огромные расходы, связанные с принятием новой полевой пушки, будем стараться, чтобы на конференции отказались от принятия этой пушки в полевых войсках. Между тем французы довольны принимаемым ими ныне образцом и признают значительное превосходство его перед германским.

Угнетенное состояние начальствующих во французской армии лиц увеличивалось печальным делом Дрейфуса. Огромная стачка рабочих, достигшая в дни моего пребывания в Париже наибольшего развития, вызов в Париж войск, ежедневное ожидание вооруженной борьбы с десятками тысяч рабочих, наконец, обидные для самолюбия французов результаты предприятия Маршана у Фашоды — все это способствовало увеличению беспокойства французских властей.

Позволю себе поэтому выразить уверенность, что объяснения, сделанные мною с соизволения вашего императорского величества военному министру, а затем и президенту республики относительно истинного значения правительственного сообщения 12 августа и возможных результатов в ближайшем будущем сего сообщения, были как нельзя более своевременны, ибо послужили к успокоению представителей французской нации и армии.

9 октября (27 сентября) я передал в присутствии нашего военного агента в Париже генерал-адъютанта барона Фредерикса генералу Шануану две записки (копии с коих представляются при сем), заключающие в себе: записка № 1 — разъяснения значения правительственного сообщения 12 августа и записка № 2 — предложения по военной части, кои могли бы быть представлены на обсуждение конференции. Записки эти ранее передачи Шануану были прочитаны мною нашему послу в Париже кн. Урусову и вполне им одобрены [2]).

Дабы сохранить большую свободу действий, я придал предложениям, переданным Шануану, значение личного мнения русского военного министра. В пункте первом предложений относительно препятствования принятию в армиях всех держав нового (автоматического)

[1]) Имеется в виду франко-русская военная конвенция от 18 (6) августа 1892 г.
[2]) Обе записки в архиве б. мин-ва ин. дел не обнаружены.

ружья, дабы облегчить проведение этой меры, предположено в случае возражений ограничить действие этой меры примерно десятью годами.

По второму вопросу представилось возможным указать на воспрещение употребления сильно действующих разрывных составов не только с воздушных шаров, но и в минах в полевой войне. Высказано также пожелание, чтобы в будущем было оставлено принятие новых, более разрушительных сортов пороха.

Генерал Шануан, ознакомившись с сущностью моих предложений, выразил большую радость. По его словам, он ожидал от нас тяжелых требований, которые могли оказаться невыполнимыми для Франции. В особенности его тревожит вопрос о новой полевой пушке, ибо у него, как и у других представителей французской армии, являлась мысль: не захотим ли мы препятствовать принятию новой пушки во французской армии.

Он спрашивал затем меня: имею ли я сделать какие-либо предложения и относительно флота? Я ответил, что не имею полномочий касаться морской части, но что наши заявления по флоту могут быть сделаны впоследствии.

В заключение я просил Шануана дать мне письменный ответ на мои заявления, не стесняясь для сего сроком. Шануан ответил, что он немедленно доложит весь наш разговор президенту республики, посоветуется со своими товарищами по кабинету и тогда ответит.

Во время нашего разговора Шануан несколько раз повторял: «Теперь я понял, в чем дело, и совершенно успокоился».

В тот же день я отправил письмо графу М. Н. Муравьеву с изложением сущности разговора с Шануаном и приложил копии с переданных мною Шануану записок.

Такие же копии, ввиду отсутствия министра иностранных дел из Петербурга, я отправил графу Ламздорфу [1]). По приезде графа Муравьева в Париж он был подробно ознакомлен с веденными мною переговорами и просил кн. Урусова уведомить меня депешею, что он вполне и безусловно им сочувствует. Депеша эта получена мною (20) 8 октября — (25) 13 октября я получил представляемый при сем ответ генерала Шануана (писанный по-французски им лично и переведенный на русский язык генерал-адъютантом бароном Фредериксом [2]).

В ответе этом заслуживает внимания, что генерал Шануан, не касаясь вовсе вопроса о ружье новой системы, высказывает мнение, что удобное для ограничения вооружений время наступит, когда все вели-

[1]) Письма Куропаткина Муравьеву и Ламздорфу в архиве б. мин-ва ин. дел не обнаружены.

[2]) См. ниже.

кие державы будут вооружены приблизительно одинаково в отношении полевой и осадной артиллерии.

Признавая затем большие трудности в изучении вопроса об ограничении употребления сильнодействующих веществ, генерал Шануан, опираясь на благодетельный пример Брюссельской конференции [1]), надеется на возможность достигнуть по этому вопросу некоторых результатов.

Президент Французской республики, выслушав доклад Шануана о веденных мною переговорах, выразил желание выслушать меня лично и назначил день приема на 29 сентября.

Во время продолжительного разговора моего с президентом, выяснилось, что его наиболее тревожили следующие вопросы.

Имеют ли какие основания непрерывные суждения всей прессы о разоружении?

Будут ли на конференции затронуты вопросы об ограничении уже достигнутых во французской армии технических успехов?

Будут ли на конференции касаться вопроса о новой скорострельной пушке, принимаемой во Франции?

Наконец, г. Фор задал мне вопрос: насколько правительственное сообщение 12 августа может касаться существующей между Россией и Францией военной конвенции?

В ответ на вопросы г. президента я изложил ему, что возложенное на меня вашим императорским величеством поручение заключается в предварительном обмене мнений с французским военным министром по вопросу об ограничении вооружений. Как и в разговоре с генералом Шануаном, я особенно определенно указал, что вашим императорским величеством мне воспрещено касаться политической стороны сего важного вопроса.

Я изложил затем г. президенту, что ваше императорское величество были удивлены возникшими разговорами о разоружении; что ни о каком разоружении не могло быть и речи; что задачи конференции отнюдь не будут затрагивать существующей военной конвенции, не будут касаться уже достигнутых во французской армии успехов технических, не будут касаться вопроса о принятии во Франции новой скорострельной пушки.

На заданный мне г. Фором вопрос: почему Франция не была предупреждена о готовящемся важном и в военном отношении шаге, я позволил себе дать следующее объяснение, как личное свое мнение.

Всемилостивейший государь наш, не имея ввиду изменять в чем-либо военную конвенцию или уменьшить достигнутые Францией ре-

---

[1]) Имеется в виду Брюссельская конференция 1874 г.

зультаты в военном отношении, признает поэтому, что вопрос о созыве конференции есть совершенно особый вопрос, независимый от наших отношений к Франции и ни в чем не ослабляющий их. Дабы великое слово, раздавшееся с царского трона, было принято всеми правительствами и народами, как бескорыстное желание общего блага, необходимо было не выделять какую-либо из держав, а сделать предложение об ограничении вооружений одинаково объективно для всех.

Если бы наше правительство вошло по сему вопросу ранее в переговоры с французским, то этим самое предложение неизбежно сделалось бы подозрительным для держав Тройственного союза.

Эти державы, приняв с основанием, что предложение идет от держав Двойственного союза, искали б средств противиться этому новому соглашению. При этом возможность успеха конференции была бы уменьшена.

Наоборот, предложение, сделанное с равною для всех держав неожиданностью, может возбуждать даже неудовольствие, но ни одна из держав не в праве сомневаться в отсутствии партиальности в сем предложении [1]).

Выслушав меня, президент Французской республики в общем ответил следующее.

Он рад был услышать от меня вышеизложенные объяснения. У них во Франции успокоятся, когда узнают, что в числе задач конференции не будет содержаться закрепление постановлений Франкфуртского трактата, что армии оставят принимаемые ныне пушки и не будут касаться вопроса о численности армии.

В частности, по предложениям, сделанным мною генералу Шануану, г. Фор высказал следующее.

Новое автоматическое ружье еще не изобретено, поэтому относительно сохранения армиями существующего образца ружья время еще не упущено, но ограничить употребление взрывчатых веществ будет трудно — все делается в секрете.

Во всяком случае, Франция примет участие в конференции, и г. президент надеется, что совместная с Россией работа во время конференции еще более сблизит Францию с нами. Все ныне знают, что сближение это не формальное, а основано на действительном тяготении русского и французского народов одного к другому. «Надо поэтому, — заключил г. Фор, — надеяться, что и на конференции мы пойдем

---

[1]) Я был приготовлен, что президент, вероятно, задаст мне вопрос: почему Франция не была предупреждена о готовящемся правительственном сообщении 12 августа? Этот вопрос у всех французов невольно вырывается наружу. Приведенное объяснение я сообщил предварительно кн. Урусову и получил полное его одобрение. [Прим. в подлиннике.]

дружно и пройдем с успехом первый этап по пути, указанному великим сердцем русского государя».

Кроме вышеизложенного г. президент в разговорах со мною советовал познакомиться с высшим персоналом французской армии. Указал особенно на начальника французского главного штаба Ренуара и на его работы, говорил о важности совместной с нами подготовки на случай войны. Высказал мнение, что нашим и французским высшим чинам надо чаще сообщаться между собою. Наконец, им высказано желание, чтобы я познакомился с некоторыми их мобилизационными работами. Весь разговор с г. президентом записан мною тотчас по окончании аудиенции.

Некоторые из приведенных выше выражений г. Фор повторял несколько раз.

30 сентября президент Французской республики пригласил меня на обед в Рамбулье. В числе приглашенных были: наш посланник [1]) в Париже, французский посланник [1]) в Петербурге, французский военный министр, начальник французского главного штаба, начальник военной канцелярии при президенте, начальники частей войск, расположенных в Рамбулье.

Перед обедом, уведя меня в отдельную комнату, г. президент передал мне, что генерал Ренуар должен был мне сказать, что они переменили план сосредоточения армии в зависимости от достигнутой у них большей готовности войск. Так как, по мнению г. Фора, мы тоже за последнее время сделали успехи в том же направлении, то, по его мнению, необходимо будет пересмотреть военную конвенцию, заключенную между Россией и Францией, и составить к ней дополнение.

Я высказал мнение, что основания конвенции не следует менять, ибо они удовлетворяют обе стороны. Г. Фор возразил на это, что в конвенции содержатся некоторые цифровые данные и что изменения и должны касаться только этих цифровых данных [2]). С таким мнением я признал возможным согласиться. Повидимому, г. президент, настаивая в разговоре со мною на необходимости пересмотра военной конвенции, желал прежде всего убедиться фактически (после получения согласия нашего на пересмотр этой конвенции), что правительственное сообщение 12 августа действительно ни в чем не изменило наших взаимных с Францией обязательств. В общей зале в разговоре со мною

---

[1]) Так в подлиннике. Следует: «посол».

[2]) Имеется в виду ст. 3 русско-французской военной конвенции от 18 (6) августа 1892 г., начало которой читается: «Все имеющиеся в распоряжении силы, которые должны быть направлены против Германии, составят со стороны Франции 1 300 000, а со стороны России от 7 до 8 000 000 чел.».

г. Фор между прочим с особой энергией говорил о необходимости для России и Франции быть осторожными в китайских делах.

После обеда президент Французской республики, расставаясь со мною, произнес следующие слова: «Передайте государю императору мои уверения, повторяемые еще раз, что пребывание его величества во Франции [1]) оставило глубокие и неизгладимые следы. Передайте мой сердечный привет их императорским величествам и чувства глубокой неизменной благодарности за оказанный мне, представителю Франции, прием в России [2]). Я твердо верю, что ничто не может изменить чувств французского народа к России и ее монарху. Передайте государю императору мою уверенность в прочности существующего ныне соглашения. Повторите государю сказанное мною вам ранее. Я отношусь с полным доверием к начинаниям руского государя. Относительно целей конференции я успокоен и надеюсь, что великому человечному делу — уменьшению вооружений будет положено доброе начало. Но мы во Франции имеем свои задачи, и конференция, конечно, не будет иметь одной из своих целей помешать достижению наших сих задач».

Все вышеприведенные слова были немедленно записаны мною.

А. Куропаткин.

7. Примечания генерала Шануана к записке ген.-лейт. Куропаткина [3]).

Вопросы, подлежащие разрешению:

1. Положить предел постоянным вооружениям.

2. Выискать средства предупредить несчастия, могущие постигнуть человечество.

3. Международная конференция озаботилась бы разрешением этих важных вопросов.

4. Конференция эта была бы с божьей помощью счастливым предзнаменованием для наступающего века.

Желательно действительно ограничить вооружения, выбрав тот момент, в который все великие державы Европы будут вооружены приблизительно одинаково в отношении материальной части полевой и осадной артиллерии. Десятилетний период, и даже менее, повидимому, достаточен для достижения этой цели.

Возможно будет при помощи международной конференции совместно изыскать средства ограничить в будущем применение в полевой войне могущественных современных взрывчатых веществ, а также и

---

[1]) Николай Романов приезжал во Францию в 1896 г.

[2]) Президент Фор посетил Россию в 1897 г.

[3]) Заголовок подлинника.

тех, которые могут быть изобретены впоследствии. Возможно будет также возбранить бросание снарядов с воздушных шаров. Воспретить в случае необходимости принятие новых образцов пороха. Изучение этой части предполагаемой задачи представляет особые затруднения, однако следует заметить, что решение Брюссельской конференции, воспрещающей употребление разрывных пуль, обусловлено было высоко гуманным почином его императорского величества государя императора Александра II и в данное время приобрело значение законов во всех цивилизованных государствах. Необходимо будет, в частности, выяснить, в какой мере изучение означенного вопроса может касаться морских сил.

В данное время, расширив применения решений Женевской конвенции [1]), можно было бы достигнуть нейтрализации судов-госпиталей, плавающих под флагом конвенции и в таком случае являющихся международными морскими госпиталями. Последняя испано-американская война воочию доказала целесообразность таковой меры.

Конференция, которую предполагается собрать, имела бы целью, во-первых, выяснить оба вышеприведенные пункта. Вместе с тем она, вероятно, нашла бы возможным изучить, в какой мере ее решения могли бы быть распространяемы на неевропейские нации, которые в настоящее время так быстро воспринимают изобретения современной науки и организуют армии, вооруженные усовершенствованным оружием, с дисциплиной и общей организацией, тождественной с существующей в Европе.

Было бы легко приблизительно вычислить экономию, вызванную уменьшением контингентов и вооружения, а также преимущества, которыми воспользовались бы земледелие, промышленность и торговля различных народов. Конференция могла бы предпринять статистическую разработку этих важных вопросов.

8. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева.

Петербург, 23 (11) ноября 1898 г. [2]).

Вследствие поступающих от иностранных представителей постоянных запросов о времени и месте собрания конференции, к участию в которой их правительства приглашены циркулярным сообщением от 12 минувшего августа, я полагал бы полезным, ввиду настоящего

---

[1]) Имеется ввиду Женевская конвенция 2 сентября (21 августа) 1864 г.

[2]) На подлиннике помета Николая Романова: «Да» и далее рукой Муравьева: «Ливадия 16 ноября 1898 г.». Эта всеподданнейшая записка и приложенный к ней циркуляр хранятся в обложке с надписью «Проект циркулярной депеши, 16 ноября 1898 г. Не состоялось».

неопределенного политического положения и если того потребуют обстоятельства, обратиться к державам с новым циркуляром, у сего в проекте повергаемым на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Если бы проект этот удостоился всемилостивейшего одобрения, то, смотря по ходу дела, я мог бы предварительно сообщения оного всем державам довести в доверительной форме о содержании циркуляра до сведения как посла нашего в Лондоне, так равно французского и германского представителей при высочайшем дворе.

Граф Муравьев.

9. Проект циркулярного обращения к державам [1]).

Когда в августе с. г. мой августейший повелитель приказал мне вручить всем правительствам, представители которых аккредитованы в С.-Петербурге, циркуляр, предлагавший созыв конференции, которой предстояло изыскать наиболее действительные средства для обеспечения всем народам благ реального и продолжительного мира и прежде всего положить предел дальнейшему развитию современных вооружений, ничто, казалось, не препятствовало осуществлению в более или менее близком будущем этого гуманного проекта.

Горячий прием который встретил этот шаг императорского правительства со стороны почти всех держав, мог только оправдать эти ожидания.

Высоко ценя дружеские выражения, в которых большинство правительств заявили о своем согласии, императорской кабинет имел в то же время возможность ознакомиться с теми заверениями о самом горячем сочувствии, с которыми к нему обращались и не перестают обращаться все классы общества с различных концов земного шара [2]).

Оставалось только договориться о месте и времени конференции и в общих чертах установить программу вопросов, которые должны составить предмет ее обсуждения [3]).

---

[1]) Перев. с франц.

[2]) В Архиве Внешней Политики имеется два специальных дела, содержащих обращения отдельных частных лиц и обществ к Николаю Романову и русскому правительству по поводу предполагавшейся мирной конференции. На одном из проектов письма Стаалю по поводу намерения известного английского журналиста Стида направить в Россию международную делегацию под руководством Англии и Америки, Николай написал: «Вообще я ни от кого не желаю принимать личных проявлений благодарности по поводу циркуляра 12 августа, тем менее от самозванной англо-американской депутации». 26 декабря 1898 г.

[3]) 26 (14) ноября Муравьев запросил Куропаткина, Витте и упр. морским ведомством Тыртова о желательной программе будущей конференции, предста-

К несчастью, политическое положение в Европе за последнее время совершенно изменилось.

Инцидента второстепенного значения [1]) и мирное разрешение которого было заранее вполне обеспечено благодаря исключительной мудрости французского правительства, было достаточно, чтобы мотивировать со стороны Англии чрезвычайные вооружения и воинственные демонстрации, продолжающиеся в момент полного мира и постоянно подчеркиваемые громкими декларациями, имеющими целью провозгласить принцип политического превосходства, который обеспечил бы преобладание британских интересов над интересами всех остальных наций или при помощи применения материальной силы или путем коалиций, ставящих своей целью привлечь на свою сторону державы, которые согласились бы принять те же принципы.

При наличии явления, столь противоречащего желанию обеспечить победу великой идеи всеобщего мира над элементами, вносящими смуту и раздор, и противопоставить всеобщее признание священных принципов справедливости и права исключительному применению силы,— императорское правительство невольно ставит перед

вив на их заключение составленную по этому поводу записку Мартенса, в которой, последний в качестве мер по сокращению вооружений предлагал: 1) не увеличивать втечение 5 лет существующего личного и материального состава вооруженных сил, и 2) установить процентное отношение между численностью населения и численным составом армий, а также между государственным и военным бюджетами. Он считал также желательным «торжественно заявить» об уменьшении в 1899 г. обычного рекрутского набора. Соглашаясь с основными положениями Мартенса, Куропаткин и Тыртов возражали против последней меры (письма от 13 декабря (30 ноября) и от 28 (16) декабря). Что касается Витте, то он считал желательным заменить эту меру предоставлением более широких льгот по образованию; — с другой стороны, он не признавал возможным установить процентное отношение между государственным и военным бюджетом. В том же письме 6 декабря (24 ноября) по поводу ограничения морских вооружений Витте писал следующее: «В настоящее время центр политических стремлений и взаимного соперничества держав находится вне Европы, где активное проявление защиты прав и законных интересов держав должно прежде всего выразиться путем морских военных действий. Континентальные державы, соперничая между собою, довели свои армии до грандиозных размеров и несут на содержание их тяжелые расходы. Между тем Англия и Соединенные Штаты Северной Америки, не нуждаясь благодаря своему географическому положению в содержании значительного контингента сухопутных сил, не участвуют в громадных затратах на организацию и расширение армий. Благодаря этому названные державы развивают свой флот и пользуются значительными преимуществами перед континентальными государствами. Ограничение в усилении флота может закрепить это преимущество и поставить некоторые государства в затруднение охранять свои внеевропейские права и интересы». Ср. Grosse Politik, Bd. XV, S. 165.

[1]) Имеется в виду англо-французский конфликт из-за Фашоды.

собою вопрос, сочтут ли державы благоприятным настоящий момент для созыва предполагаемой конференции.

Сохраняя во всей их неприкосновенности соображения изложенные и пожелания, высказанные в циркуляре 12 августа, императорское правительство ни в коем случае не отказывается от великого дела служения миру, в котором державы высказали намерение принять участие, но оно хотело бы узнать их мнение по вопросу о своевременности, на который в настоящий момент должно быть обращено самое серьезное внимание всех кабинетов.

10. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева.

12 декабря (30 ноября) 1898 г. [1]).

В повергаемой у сего на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретной телеграмме [2]) посол наш в Берлине сообщает о желании императора Вильгельма заявить в своей тронной речи о живейшем сочувствии к человеколюбивым намерениям, побудившим ваше величество обратиться к иностранным государствам с предложением участвовать на мирной конференции, — и высказывает мысль о желательности, чтобы со стороны императорского правительства по сему поводу выражено было полное удовлетворение официальным путем.

Вполне разделяя высказанное графом Остен-Сакеном соображение, смею думать однако, что письма моего к послу в Берлине в желаемом смысле было бы далеко недостаточно, чтобы произвести на императора Вильгельма надлежащее впечатление и достигнуть тех благотворных результатов, которые могут быть желательны для высших интересов России при настоящих, весьма сложных политических обстоятельствах [3]).

По моему глубокому убеждению, в минуту, когда со стороны Сен-Джемского кабинета употребляются все усилия, чтобы склонить Гер-

---

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен». Далее рукой Муравьева: «Ливадия, 30 ноября 1898 г.».

[2]) Имеется в виду телеграмма Остен-Сакена от 6 декабря (24 ноября) 1898 г.

[3]) В депеше от 9 декабря (27 ноября) 1898 г. за № 73 Остен-Сакен сообщил, что «одним из главных вопросов, поставленных на очереди нынешней сессии рейхстага и упоминаемых в тронной речи, является законопроект об увеличении численности войска в мирное время». Далее Остен-Сакен указывал, что германское правительство мотивирует это «географическим положением Германии, внушающим серьезные опасения, особенно в виду вооружений, предпринимаемых ее соседями. Несмотря на великодушный почин государя императора, — добавлял посол, — являющийся залогом к тому, что нападения со стороны России не последует, признаков общего разоружения нигде не замечается и едва ли при нынешнем положении вещей оно вообще может быть применимо на практике».

манию к союзу с Англиею, лишь непосредственное обращение вашего императорского величества к императору Вильгельму могло бы укрепить в его величестве чувство расположения к России и отклонить его от весьма нежелательного участия Германии в англо-американской коалиции. В случае всемилостивейшего одобрения изложенных соображений, быть может, вашему императорскому величеству благоугодно будет оказать императору Вильгельму лестное внимание высочайшею телеграммою, из коей он убедился бы, что ваше императорское величество цените дружбу его и усматриваете в словах, произнесенных германским императором, свидетельство о тех чувствах, которые издавна связуют оба родственные императорские дома неразрывными узами и служили втечение многих лет лучшим обеспечением всеобщего мира и добрых соседственных отношений [1]).

Осмеливаюсь полагать, что столь милостивое внимание вашего императорского величества в ответ на дружественное заявление императора Вильгельма привело бы к желаемым нами политическим результатам. Известие о дружественном обмене мыслей между вашим императорским величеством и императором Вильгельмом, несомненно, произвело бы сильное впечатление в Англии и, быть может, убедило бы Сен-Джемский кабинет в бесполезности усилий достигнуть содействия Германии в политических планах Великобритании, — а это обстоятельство, в свою очередь, могло бы только облегчить предстоящие нам переговоры с Англией по китайским делам, способствуя укреплению нашего положения на Д. Востоке, где германское правительство изъявило готовность действовать в полном единомыслии с императорским правительством.

II. Проект всеподданнейшей записки министра ин. дел Муравьева.

Декабрь 1898 г.

Немедленно по возвращении своем в С.-Петербург я осмелился испросить всемилостивейшего соизволения на отправление российским представителям за границей циркуляра, предлагающего им запросить соответствующие правительства, признают ли они своевременным, ввиду вооружений Англии, созвание в ближайшем будущем конференции, о коей упоминалось в сообщении от 12 августа с. г. [2]).

Между тем со времени изготовления проекта вышеупомянутого циркуляра обнаружилось, что не только Англия, но и другие державы, в особенности Германия, стремятся увеличить свои боевые средства. С своей стороны Англия оставила свой вызывающий тон и снова стала

[1]) Ср. Grosse Politik, Bd. XIII, № 3529.
[2]) См. выше № 8.

выказывать готовность вступить с нами в соглашение по делам Дальнего Востока.

Полагая, что ввиду этих соображений редакция вышеозначенного циркуляра не будет ныне вполне соответствовать обстоятельствам, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний, не надлежит ли внести в оный некоторые изменения, вычеркнув те места его, которые направлены исключительно против Англии, сохранив однако общий смысл его о неблагоприятности настоящей минуты, ввиду вооружений важнейших государств Европы и Америки, для созыва конференции.

Если бы вашему императорскому величеству благоугодно было, отменив совершенно отправление этого циркуляра, повелеть ныне же приступить к обмену мыслей с иностранными правительствами по содержанию сообщения 12 августа 1898 г., то это могло бы быть исполнено следующими двумя способами.

Можно было бы, не ожидая времени более благоприятного, теперь же предложить иностранным представителям, пребывающим в С.-Петербурге, собраться на конференцию, но с тем, чтобы не затрагивая пока принципиальных вопросов о мерах к предупреждению войны, например, международного третейского разбирательства и т. п., заняться на этой конференции обсуждением лишь наиболее насущного вопроса об ограничении современных вооружений в смысле неувеличения настоящего количества войск и невведения нового усовершенствованного вооружения, по крайней мере, на определенный срок.

Осмеливаюсь однако полагать, что независимо от того, какие результаты могла бы иметь подобная конференция, самое созвание ее неминуемо встретило бы немалые затруднения. Одно из таких затруднений состоит в том обстоятельстве, что ни Швейцария, ни папа римский не имеют своих представителей в Петербурге и таким образом не могли бы иметь их и на конференции, что вряд ли бы было желательно, раз в конференции приняли бы участие представители всех держав.

Другое затруднение, притом гораздо более существенное, состояло бы в том, что аккредитованные в С.-Петербурге представители не могли бы принять приглашение на конференцию, не испросив предварительно у своих правительств инструкций и специальных полномочий; в этом же случае весьма неудобно было бы оспаривать право этих правительств назначить на конференцию уполномоченных по их собственному выбору, а не исключительно находящихся в Петербурге их дипломатических представителей.

Если бы даже и удалось собрать конференцию из одних этих представителей, то нельзя упускать из виду и того, что тревожное состояние политического мира, о котором выше было упомянуто, может по-

вести к тому, что конференция не будет иметь практических результатов, а это, ввиду решающего ее характера, может в значительной степени затормозить естественный ход великого дела, поднятого вашим императорским величеством.

Приемлю поэтому смелость упомянуть также о другом способе, посредством коего можно было бы ныне же войти в сношение с иностранными державами по предмету циркулярного сообщения 12 августа 1898 г. Способ этот состоит в том, чтобы пригласить не на конференцию, а на подготовительное частное совещание пребывающих в С.-Петербурге представителей одних лишь великих держав и предложить на их обсуждение вопрос, который предполагалось сделать нашим представителям за границею, о своевременности созыва в настоящее время конференции на основании сообщения 12 августа и равным образом заняться в оном разработкой программы конференции на основании проекта, при сем прилагаемого. Ввиду того, что по первому вопросу участникам совещания предложено было бы лишь осведомиться о мнении по оному их правительств, а по второму — занятия совещания имели бы чисто подготовительный и частный характер, то вопрос о специальных полномочиях и инструкциях устранялся бы совершенно, и результат, к какому пришло бы совещание, каков бы он ни был, не мог бы ни в чем повредить конечному успеху высокой задачи, к разрешению которой, по слову вашего величества, был призван мир в достопамятный день 12 августа 1898 г.

Вместе с тем возможность предвидеть ответы правительств некоторых из держав, коих уполномоченные были бы приглашены на это совещание, представила бы для нас существенные политические выгоды.

Можно именно предполагать, что Англия, отнесясь равнодушно к вопросу о сухопутных войсках, не захочет взять на себя какие-либо обязательства по отношению в своему морскому вооружению. Равным образом, и Америка не преминет, по всей вероятности, сослаться на сравнительную вообще незначительность своих военных сил, с тем, чтобы иметь возможность развивать их в согласии с усвоенными ею после испанской войны новыми взглядами на свою мировую задачу.

Раскрыв таким образом своекорыстную политику Сен-Джемского кабинета, столь мало соответствующую тому взрыву горячих симпатий, с которыми повсюду в самой Англии было встречено великодушное начинание вашего императорского величества; отметив вместе в тем опасные замыслы правительства заокеанской республики, предполагаемое совещание вызовет, быть может, более критическое отношение общественного мнения вообще всего образованного мира и в частности в Англии и Америке, к политике, преследуемой правительствами этих двух стран.

Во всяком случае, обстоятельство это оттенит еще более уже теперь чувствуемую общность интересов континентальных держав в их противодействии морской гегемонии, к которой так настойчиво стали стремиться англо-саксонские нации. Кроме того оно создаст для России особо выгодное положение между этими двумя враждебными лагерями, ни с одним из которых нас не разделяют непримиримые противоречия интересов.

Наглядное выяснение антагонизма между интересами, особенно колониальными, средне-европейских держав и англо-американской политикой будет иметь несомненно могущественное влияние при новой, ныне все ярче обнаруживающейся, группировке мировых политических сил, позволив нам вместе с тем на этой почве оказать наиболее существенную поддержку Франции и привлечь к общему делу Германию, отнюдь не становясь при этом во враждебное отношение к Англии.

Содействуя таким образом восстановлению политического равновесия, нарушаемого в свою пользу Англией и Америкой, предполагаемое совещание расчистит путь для успешного разрешения столь важного для всего мира вопроса об ограничении современных вооружений, согласно предначертаниям вашего императорского величества [1]).

---

[1]) В таком виде эта докладная записка не была представлена Николаю Романову. В окончательную редакцию доклада вошла только первая часть ее, кончая словами: «... готовность вступить с нами в соглашение по делам Дальнего Востока». После этого представленная Николаю записка читается следующим образом: «Полагая, что ввиду этих обстоятельств отправление означенной депеши ныне не вполне соответствовало бы политическому положению, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству всемилостивейше разрешить мне, вместо сего, вручить иностранным представителям в С.-Петербурге циркуляр, проект коего у сего повергается на благовоззрение вашего императорского величества. Изложенные в этом сообщении главные положения, которые могли бы послужить предметом обсуждения конференции на основании циркуляра 24 (12) августа с.г., выработаны по предварительном обмене взглядов с подлежащими ведомствами. Осмеливаюсь думать, что сей первый шаг на пути, предначертанном вашим императорским величеством, был бы удобнейшим в настоящее время и, нисколько не связывая свободы действия России, лучше всего обеспечил бы естественный спокойный ход разрешения великой задачи, указанный миру вашим императорским величеством». На подлиннике имеется помета Николая II: «При докладе во вторник в Петербурге я желал бы лично переговорить с вами». «Царское Село, 20 декабря, 1898 г.» — Приложенный к этой записке циркуляр, опубликованный тогда же в «Правительственном вестнике», был вручен представителям держав в Петербурге 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г.).

Интервенция и северная контрреволюция.

Что без интервенции гражданская война в России не приняла бы того размаха и той напряженности, которую мы имели в 1918—1920 гг., давно стало общепризнанным.

«Все знают, — писал В. И. Ленин, — что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты»...

Сама периодизация гражданской войны в Советской России давно строится по основным этапам интервенции: первый поход Антанты, второй поход Антанты, третий поход Антанты — так характеризовал т. Сталин соответственно колчаковщину, деникинщину и польский поход еще в 1920 г.

Признали это и сами интервенты. Правда, более по нужде: разоблачая друг друга, империалистские политики и генералы опубликовали столько материала, что истинная роль интервенции в гражданской войне уже не представляла тайны. «Я сомневаюсь, — открыто писал недавно генерал Гревс, командовавший американскими войсками в Сибири, — чтобы без поддержки иностранных войск Колчак или его правительство когда-либо обладали достаточной силой для осуществления верховной власти». («Американская авантюра в Сибири», предисловие, стр. XXI.)

Оказывается теперь, что меньше всего тайну составляло это для тех, кто стоял во главе контрреволюции — достаточно просмотреть только публикуемую ниже телеграфную переписку генерала Миллера за короткий период эвакуации англичан.

Первые же известия об уходе англичан вызвали буквально панику в белом лагере. «Перед нами стоит вопрос, — телеграфировал Миллер Колчаку, — об эвакуации области одновременно с уходом английских войск»... Доходили до того, что генерал Марушевский, до Миллера командовавший белыми войсками на севере, предлагал... силой заставить англичан остаться в области.

Просили, уговаривали на месте, сыпали награды — бывали заседания правительства, на которых раздавалось англичанам 50 орденов сразу. Не помогли просьбы на месте, обратились ко всем возможным инстанциям за границу.

«Необходима отсрочка начала отвода английских войск с фронта, назначенного на первое сентября, до половины сентября, по крайней мере», — умоляет генерал Миллер английское высшее командование. Но английское военное министерство, встревоженное нарастанием революционного движения в тылу, ответило отказом.

Миллер снова умоляет:

«Убедительно прошу настоять, чтобы увод военных судов происходил постепенно, растянув его хотя бы до половины октября»...

Через день новая телеграмма:

«Английские войска покидают Архангельск между 27 и 29 сентября... Прошу выхлопотать распоряжение... отсрочить вывод войск из Архангельска хотя бы на одну неделю»...

На какие авантюры шли белые, уверенные, что без англичан не продержатся ни одного дня, можно судить по попытке создать оккупационную армию из иностранцев-добровольцев. Миллер обращался с просьбой о наборе добровольцев в Сербию, Швецию, Данию, Финляндию, в САСШ, в Англию и т. д. Самый набор происходил зачастую по методам «Тридцатилетней войны»: безработную молодежь, демобилизованных солдат спаивали водкой и в пьяном виде заставляли подписывать контракты о найме. Из 30 таким образом завербованных в Дании солдат в Тромсэ (Норвегия) прибыло только 17, из них 1 бросился в море, 3 бежали, а остальные рассыпались в Тромсэ. Факт этот попал в печать, и дело приняло такой скандальный характер, что представитель Колчака в Дании умолял Миллера даже не присылать ему телеграмм с упоминанием о датских добровольцах.

Заменить англичан оказалось некем, и белая армия на севере осталась с глазу на глаз с Красной армией. Чем кончилось это единоборство — известно: Миллер оказался прав — белые пережили англичан только на 4 месяца.

Без интервенции русская контрреволюция была бы разгромлена гораздо быстрее и с несравненно меньшими для нас жертвами, — этот общий вывод гражданской войны подтверждает и сама контрреволюция [1]).

И. Минп.

Ген. Миллер — министру ин. дел «российского правительства» в Омске Сукину.

Телеграмма. 28 июня 1919 г.

Прошу доложить адмиралу Колчаку на № 1218. Сегодня члены временного правительства обсуждали положение Северной области совместно с английским главнокомандующим в связи с отходом сибирских войск за Урал и выяснившимся усилением большевистской [пропаганды] в войсках области.

Первое [2]): английские войска будут отозваны до зимы. Второе [3]): в некоторых наших войсках обнаружены заговоры против офицеров и переход людей к большевикам. Третье: обеспечить оборону изолированной области втечение зимы одними молодыми русскими,

---

[1]) Настоящая публикация представляет собой извлечение из подготовленного Центрархивом РСФСР сборника «Интервенция на севере»; подлинники публикуемых документов хранятся в Центр. Архиве Октябрьской Революции.

[2]) Далее зачеркнуто: «следует ожидать».

[3]) Далее зачеркнуто: «вследствие большевистской пропаганды».

недостаточно прочными, войсками расчитывать нельзя. Перед нами стоит вопрос об эвакуации области одновременно с уходом английских войск, что явится катастрофой не только для населения области, а громкой победой большевиков. Лучшей попыткой оздоровить наши войска и использовать английские — это переход в наступление, что временно, по соответствию сил, возможно. Длительное влияние, решающее значение и благоприятный конечный исход наступление может иметь только, если оно не будет изолированным, иначе с уходом англичан, при возможности сосредоточить против нас превосходные силы и малочисленности наших войск, успехи будут быстро ликвидированы. Единственным выходом из критического положения, создающегося с уходом англичан и изолированностью [области] от прочих противобольшевистских войск — это немедленное выступление Финляндии, за которое нужно заплатить [1]) поставленными ею условиями, без принятия коих Маннергейм не может двинуть финнов. Принципиальной стороной признания независимости и незначительными территориальными уступками, не имеющими жизненного значения для России, нужно пожертвовать ради спасения целого. Маннергейм был уведомлен, что, признавая выступление Финляндии своевременным и в ожидании такового, члены временного правительства Северной области будут всем своим авторитетом поддерживать признанные верховным правителем условия ее выступления при достижении намеченных целей. Иного выхода не вижу, вследствие чего задержал телеграмму вашу Юденичу № 1218. В случае неодобрения прошу сообщить, какой план действий намечен для борьбы с большевиками в связи с Деникиным и какие меры предполагается принять для избежания необходимости эвакуации области с уходом англичан.

Миллер.

Командующий войсками Мурманского района—ген. Миллеру.

Телеграмма 3504/4730. Кемь, 1 августа 1919 г.

1323. При британском авиаотряде на Медвежьей горе организована школа авиации, куда уже собраны русские летчики.

Прошу командировать прибывших из заграницы капитанов Оленникова и Галенковского, ротмистра Белолипского, штабс-капитана Семенова и штабс-ротмистра Фессина для назначения в эту школу.

Ген.-майор Скобельцын.

---

[1]) Так в подлиннике.

Ген. Миллер—послу в Лондоне Набокову и в Париж Маклакову, Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1346 и 1347. 9 августа 1919 г.

Архангельск имеет для нужд Северной области и союзных сил сорок тысяч тонн угля. Прибывающие английские угольные транспорты отсылаются неразгруженными обратно в Англию. Минимальная потребность Северной области исчисляется до начала весенней навигации [1]). Эвакуация английских войск и уход их боевых и транспортных судов поглотит тридцать процентов или сорок процентов наличного угля, тогда Северная область окажется в катастрофическом положении. Это лишь одно из проявлений [2]) лишает область возможности жить и обороняться после ухода английских войск. На-днях с полпути вернули транспорт муки 300 000 пудов, необходимый для обеспечения населения продовольствием до 1 февраля. Убедительно прошу воздействия на английских властей здесь.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову и послу в Париже Маклакову.

Телеграмма № 1363. 11 августа 1919 г.

Приехавший сегодня генерал Роулинсон передал мне о полученном им приказании вывезти из Архангельска все боевые припасы и сообщил, что русские ледоколы, находящиеся ныне в Англии, будут направлены в Ревель вместо Архангельска. Прошу проверить справедливость [сообщения] и срочно телеграфировать, ибо без боевых припасов и ледоколов оборона в Архангельском районе невозможна.

Миллер.

Посол в Лондоне Набоков—ген. Миллеру.

Телеграмма № 531. Лондон, 15 августа 1919 г.

На № 1362. Военный министр сказал Чайковскому, что генералу Роулинсону даны самые широкие полномочия. Чайковский и я полагаем, что вы могли бы попытаться представить ему убедительные доказательства опасности для края увоза боевых припасов и побудить его взять на себя распоряжение этими припасами в соответствии с здравым смыслом и интересами края. Я сделал представление министру иностранных дел, но живое слово на месте более убедительно.

Набоков.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Конец телеграммы, со слов: «это лишь одно...», приписан от руки ген. Миллером.

Сазонов—ген. Миллеру.

Телеграмма № 1978. Париж, 16 августа 1919 г.

Вернувшийся из Лондона Чайковский сообщает, что из личных переговоров с Черчиллем он убедился в окончательности решения англичан покинуть Архангельск, который, по свидетельству вашему, нам одним не удержать. При таких условиях считаем необходимым приступить к перевозу из Архангельска в Мурман ценных грузов, для которых подготовить там помещение, эвакуировать наиболее угрожаемую часть населения, раздать оставшемуся населению запасы для его защиты, перевезти остальные на фронт Юденича вместе с военными грузами, которые удастся. Выполнение должно быть согласовано с Роулинсоном и проведено, по возможности, избегая сеяния паники. Телеграмма эта составлена по соглашению с Чайковским и Щербачевым.

Копия в Омск.

Сазонов.

Посланник в Швеции Гулькевич — ген. Миллеру.

Телеграмма № 465. Стокгольм, 19 августа 1919 г.

..... 14 [1]). 5-го июля дан приказ банку в Христиании держать в вашем распоряжении 5 000 крон. Пожалуйста, держите торговцев.

Шифром. «Генерал Марш, представитель генерала Гофа, 10 августа в Риге пригласил к себе по составленному им списку 12 человек и объявил им, в присутствии военных миссий Америки и Франции, что, ввиду критического положения северо-западной армии, он предлагает, не выходя из комнаты, к 7 часам вечера — через (два слова не расшифрованы)—образовать правительство Северо-западной области России, которое тут же подписало бы соглашение с эстонским правительством о совместных действиях. Если это не будет исполнено, то союзники (слово не расшифровано) прекратят всякую помощь армии. Генералу Маршу было заявлено, что, ввиду сделанного заявления, приглашенные им лица берут на себя ведение русских дел и образование правительства. Приглашенные министры эстонского правительства заявили о невозможности подписать соглашение без обсуждения вопроса в их государственном совете. В тот же день вечером указанная группа лиц на заседании решила просить приехать в Ревель с фронта меня и, с моего разрешения, старших начальников для выяснения создавшегося положения. Прибыв в Ревель, при свидании с ге-

[1]) Пропуск в подлиннике.

нералом Маршем (несколько слов не расшифровано), мне было предъявлено требование признать правительство стоящим выше меня, как главнокомандующего, и войти в него со званием военного министра и оставаясь главнокомандующим. Я, не видя исхода для продолжения русского дела на Северо-западе и получив заверение, что помощь армии будет усилена и будут приняты все срочные меры для завершения операции по обладанию Петербурга, согласился. Правительство Северо-западной области России образовано из местных общественных деятелей и русских, живущих в Финлянции, в составе 12 лиц, и пока можно считать окончательным [избрание следующих лиц:] — премьер, [министр] финансов и временно иностранных дел — Лианозов, военный и главнокомандующий — я, внутренних дел Александров, другие портфели еще окончательно не закреплены. Состоявшее при мне Политическое совещание закончило свою деятельность. Об изложенном доношу. № 702. Юденич».

Копия в Париж.

Гулькевич.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову и послу в Париже Маклакову для Чайковского.

Телеграмма № 1452. 24 августа 1919 г.

Не считая возможным без сопротивления отдать Северную область большевикам, что вызвало бы сильный подъем духа у большевиков и совершенное разложение наших солдат, способных, в лучшем случае, защищать свои очаги, делаю попытку удержаться, независимо от ухода англичан. Дабы принятые меры усиления войск возымели свое действие, необходима отсрочка начала отвода английских войск с фронта, назначенного на первое сентября, до половины сентября, по крайней мере, и активное действие в предстоящих на-днях операциях по улучшению нашего положения. Эвакуация потребует один месяц, порт открыт до конца октября, следовательно — времени достаточно. Убедительно прошу настоять срочно на соответствующих распоряжениях генералу Роулинсону, дабы сроки отхода войск с позиций не были установлены независимо от нашего военного положения и приноравливались к нему, с оказанием нам необходимой помощи, хотя бы и ценой некоторого промедления эвакуации. Среди офицеров и солдат английских и австралийских войск есть желающие остаться. Английские военные власти [им это] запрещают, ссылаясь на приказание военного министра. Прошу содействия благоприятному разрешению вопроса.

Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову для Чайковского.

Телеграмма № 1470. 27 августа 1919 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму 9 августа 1346.

Вопрос об угле все более внушает беспокойство. Имеющихся запасов — к 15 августа значилось 34 000 тонн — по самому экономному рассчету, должно хватить не долее, как до середины ноября. По мнению же англичан, уголь будет израсходован даже ранее, к концу октября. Если до закрытия навигации запасы угля [не] будут пополнены настолько, чтобы его оказалось достаточным до возобновления морского сообщения весной, деятельность железной дороги, Архангельской электрической станции и, самое главное, ледоколов окажется парализованной, не говоря уже о многих частных предприятиях.

Английские власти на делаемые по этому поводу представления заявляют, что подвоза угля в Архангельск производить будто бы не предполагается и что едва ли Англия могла бы уделить теперь нужное нам количество угля.

Ввиду бесполезности каких-либо настояний здесь, необходимо убедить английское правительство в полной возможности доставления потребного количество угля если не в самый Архангельск, то, для выигрыша пространства и времени, в Мурманск, откуда он может быть перевозим исподволь.

Существенно необходимо также заблаговременно разрешить вопрос о ледоколах. Ввиду колебания английского правительства взять на себя возмещение стоимости ремонта находящихся в Англии русских ледоколов, исчисляемой в 200 000 фунтов, ремонт до сих пор не производится и на прибытие их к концу навигации рассчитывать трудно. Желательно окончательно выяснить, могут ли эти ледоколы быть использованы для зимней кампании без ремонта, и если нет, то просить спешно урегулировать финансовую сторону дела.

Во всяком случае, без ледоколов Архангельск, а следовательно, и весь северный фронт будут отрезаны от моря с начала ноября и, будучи лишены возможности получать единственно доступным путем все необходимое, рискуют стать легкой добычей врага, который сам, быть может, находится накануне необходимости капитулировать.

Миллер.

Посол в Лондоне Набоков — ген. Миллеру.

Телеграмма № 556. 29 августа 1919 г.

Английское военное министерство определенно заявило о невозможности задержать эвакуацию ввиду враждебности общественных

кругов и передает необходимость следовать советам Роулинсона, который примет меры сохранить в наших руках Мурман и до конца сентября согласует эвакуацию с вашими оперативными соображениями. Волонтеры не могли нами быть допущены вследствие той же операции. Геруа. № 226. Копия Щербачеву и Юденичу.

Набоков.

Объявление главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на северном фронте.

Предупреждаю всех, имеющих претензии к союзному командованию, о необходимости поспешить с их предъявлением в союзную комиссию по рассмотрению претензий (Банковский переулок, № 4), так как с 10 сентября с. г. прием претензий комиссией прекращается.

С 10 сентября с. г. заявления о претензиях к союзному командованию будут приниматься ликвидационной комиссией Северной области (Соборная ул., д. № 2) для дальнейших сношений по ним с союзными властями.

Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер.

Объявление главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами северного фронта.

6 сентября 1919 г.

5 сентября, за подписью «Эвакуационное бюро», по городу были расклеены синие объявления, которыми население предупреждалось об угрожающих ему бедах и последствиях, могущих произойти после ухода британских войск.

В Архангельске проживает много семейств, случайно сюда попавших, спасаясь от большевиков, и естественно таким лицам воспользоваться возможностью сравнительно легко и дешево доехать до таких городов России, откуда они смогут добраться до своих родных городов и сел. Ныне половина Европейской России, весь юг и запад, уже освобождены от большевиков.

Это предупреждение однако взволновало все мирное население города, которое было вправе предполагать, что от него скрывают тревожные сведения о степени обеспеченности порядка в городе.

Это совершенно неверно.

Несомненно, в Архангельске, как и во всяком большом городе, имеются беспокойные, а частью преступные элементы, ускользающие от наблюдения милиции, особенно [если] они ютятся в пригородах, но население может быть уверено, что мною принимаются и будут приниматься все меры для того, чтобы обезвредить их.

Недавняя неудавшаяся забастовка и спокойный ход этого само по себе преступного в отношении нашей обороноспособности выступления доказал, что и в рабочих средах голос рассудка не затемнен окончательно агитаторами. При этих условиях, опираясь на здоровые элементы населения, готовые спокойно и твердо нести службу по охране внешнего порядка в городе, я не вижу никаких оснований для беспокойства среди населения ни теперь, ни в то время, когда английские войска покинут территорию Северной области.

Генерал-лейтенант Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову.

Телеграмма № 1519. 6 сентября 1919 г.

Прошу убедить английское правительство в необходимости оставить [в Архангельске] хотя бы небольшой отряд в одну — две тысячи человек на октябрь, преимущественно для обеспечения тыла, пока не подойдут отряды добровольцев из других государств, к формированию которых приняты меры.

Миллер.

Ген. Миллер — в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1557. 13 сентября 1919 г.

2178. Благодаря одержанным за последнее время успехам военное положение на северном фронте упрочилось. Удержание занятого положения, а тем более развитие операций находится в прямой зависимости от того, будут ли обеспечены продовольствием армия и гражданское население, будет ли область располагать достаточным запасом угля, без которого поддержание сношений Архангельска с внешним миром невозможно.

Армия в настоящее время обеспечена рационами всего на несколько недель — до ноября-декабря. Для прокормления населения до открытия навигации будущей весной, помимо урожая сего года, ожидающегося из Сибири хлеба и некоторых запасов, все же необходимо еще 8—9 тысяч тонн хлеба. Кроме того, надо иметь ввиду, что при продвижении вперед на нас ложится обязанность оказания помощи изголодавшемуся населению. Было бы поэтому желательно иметь некоторый запас хлеба и на эту надобность. Наличный уголь будет израсходован к октябрю, возобновление его запасов требуется немедленно.

С наступлением зимы в начале ноября Архангельск с тяготеющими [к нему] местностями, чтобы не быть отрезанным от всего мира, должен обслуживаться целой флотилией ледоколов для обеспечения до-

ступа кораблям из открытого моря. Между тем из общего числа имевшихся 12 ледоколов и ледокольных пароходов в нашем распоряжении находится всего один. Один ледокол погиб; два ледокола были взяты французами и один англичанами без всяких условий вскоре после прибытия союзников в Северную область и до сего времени не возвращены, несмотря на то, что, ввиду прекращения военных действий с Германией и предстоящего ухода союзных войск, они, казалось бы, им совсем более не нужны. Что касается остальных семи, то они были сданы в эксплоатацию британскому адмиралтейству по чартеру, срок которого ныне истек. В настоящее время все семь судов находятся в английских портах в ремонте, который может сильно затянуться, так что суда не будут готовы к нужному времени. Возникают также затруднения по вопросу о производстве расчетов за ремонт.

Так как наличие ледоколов имеет первостепенное значение для области, скорейшая передача всех ледоколов в русские руки существенно необходима, о чем прошу ваших настояний перед английским и французским правительствами. Если бы Архангельску не удалось сохранить связь свою с открытым морем, население без подвоза было бы обречено на чрезвычайные лишения, а для фронта создалось бы катастрофическое положение независимо от военных успехов.

В отношении продовольствия армии и населения, а также угля надеемся, что при обещанной вами поддержке удастся получить необходимое от союзников, с отнесением стоимости этих продуктов в счет русского государства обычным порядком.

Ввиду того, что потребного количества угля, исчисляемого примерно в 60 000 тонн, до будущей весенней навигации может не оказаться в Англии, рассчитываем на получение его из Америки, в каковом смысле уже сделаны сношения с посольствами в Вашингтоне и Лондоне и здешним американским представительством.

Без твердой уверенности в том, что все перечисленные нужды будут своевременно удовлетворены, повеление верховного правителя продолжать энергичную борьбу с большевиками может оказаться неосуществимым, а Северной области будут угрожать испытания, выпавшие на долю Советской России.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1559. 13 сентября 1919 г.

569. При настоящих условиях мы не рассчитываем на какие-либо коренные изменения принятых английским правительством решений об эвакуации. Для нас однако весьма важно, чтобы желающим здесь остаться английским военным была дана эта возможность. Кроме того,

отсрочка увода английских войск, хотя бы до начала октября, несомненно, имела бы самые благоприятные результаты в смысле упрочения военного положения Северной области. Это возможно без всякого риска для эвакуации, ибо порт открыт до конца октября. Прошу настоять.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер—послу в Лондоне Набокову и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1582. 17 сентября 1919 г.

По взаимному соглашению союзных правительств, предположено одновременное отплытие с архангельского рейда всех английских и французских военных кораблей с уходом последнего судна, увозящего английских солдат. Такое одновременное очищение рейда и города от посторонней вооруженной силы может иметь самое неблагоприятное влияние на настроение жителей и даже на возможность поддержания порядка в городе.

Рабочие и праздные большевистские элементы могут легко увидеть в этом удобный случай для вооруженного выступления в городе, имеющем лишь слабые ополченские части для поддержания порядка. Убедительно прошу настоять, чтобы увод военных судов происходил постепенно, растянув его хотя бы до половины октября. Этот срок необходим также, чтобы успеть вывезти из Архангельска опасные элементы из числа военнопленных, осужденных и передаваемых нам англичанами полубольшевиков, участников заговора и бунта 8 июля.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Чайковскому.

Телеграмма № 1590. 18 сентября 1919 г.

Английские войска покидают Архангельск между 27 и 29 сентября. Такая поспешность ставит меня в невозможность закончить все мероприятия, необходимые для обеспечения порядка в городе ко времени ухода. Порт свободен до конца октября. Прошу выхлопотать распоряжение генералу Роулинсону отсрочить вывод войск из Архангельска хотя бы на одну неделю.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1592. 18 сентября 1919 г.

Вопреки полученному разрешению оставить здесь все танки, генерал Роулинсон из пяти танков оставил только два. Несмотря

на сведения о готовности сербского батальона из Мурманска прибыть на помощь в Архангельск для поддержания порядка в городе, Роулинсон настаивает на отправке его на родину 2 октября. Вопреки моей настоятельной просьбы, чтобы, по крайней мере, суда союзного флота покинули Архангельск не одновременно, а постепенно, втечение хотя бы 2 недель, весь флот и войска уходят завтра, 27-го, на 2 дня раньше намеченного срока 1 октября. Во всем видно полное нежелание пойти нам навстречу, чтобы хотя чем-нибудь облегчить трудное положение, создаваемое поспешным уходом всех союзных сил из города Архангельска. Если в Архангельске произойдут на этой почве беспорядки, ответственность в большей мере ляжет на генерала Роулинсона.

Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1595. 19 сентября 1919 г.

Просил номером 1490 принципиального согласия английского нравительства на оставление в Архангельске английских офицеров и солдат, подлежащих демобилизации и желающих оставаться в области, с поступлением добровольцами на русскую службу. Для обеспечения спокойствия в области весьма важно присутствие иностранного контингента. Отъезд английских войск назначен на 27 сентября, потому необходимо получить срочно ответ.

Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1603. 20 сентября 1919 г.

Пять танков прибыли в Архангельск. Генерал Роулинсон получил их под непременным условием увезти их одновременно с войсками. Ввиду громадного морального значения для населения и серьезного усиления войска с радостью узнали о прибытии танков. Прошу настоятельно срочно испросить у английского военного министра разрешения оставить танки в моем распоряжении. Увоз их будет истолкован войсками и населением как предательство в трудную минуту, тем более, что генерал Айронсайд обещал их дать. Русские офицеры, умеющие управлять, имеются. Вопрос первостепенной важности и срочности.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1599. 20 сентября 1919 г.

Одновременный уход всех английских сухопутных и морских сил 28—29 сентября создает крайне тревожную обстановку в городе, где преступные и большевистствующие элементы, несомненно, готовятся к вооруженному выступлению в связи с нажимом на фронте. Необходимо иметь в городе прочную войсковую часть, ничем не связанную с местным населением. Сербский батальон предположен к увозу из Мурманска 2 октября. Прошу срочного распоряжения доставить его в Архангельск до ухода английских войск и оставить его здесь до конца октября исключительно для гарнизонной службы.

Миллер.

Ген. Миллер — в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1661. 20 сентября 1919 г.

На № 2348. Сведения об угле совершенно неверны. Угля хватит лишь до конца октября. Генералу Роулинсону это хорошо известно. Ледоколы необходимо предоставить в полное наше распоряжение. Муки нужно не только для Мурманска: Архангельский, Холмогорский Пинежский, Онежский и Шенкурский уезды обеспечены были мукой до 1 октября; на дальнейшее время имеется всего 170 000 пудов и урожай, то-есть, всего около 4 месяцев. Сибирь дает всего 150 000 пудов. Масса военного имущества потоплена и уничтожена зря. Генерал Роулинсон во всех распоряжениях руководствуется одной идеей — оставить возможно меньше, из опасения, что оставленное имущество попадет в руки большевиков, и увезти войска возможно скорее, не считаясь совершенно с нашим военным и внутренне-политическим положением. Содержание сербских войск, в крайнем случае, можно взять на счет русского правительства. Скорейшее их прибытие в Архангельск крайне важно.

Миллер.

Приказ главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на северном фронте № 293 [1].

1. Для пресечения в самом зародыше возможности всяких большевистских выступлений в связи с уходом союзников, объявляю г. Архангельск на осадном положении с 6 часов вечера 26 сентября с сохранением за собою чрезвычайных полномочий коменданта укрепленного района.

[1]) Заголовок подлинника.

2. Лица, имеющие огнестрельное оружие или разрывные снаряды, обязаны их сдать:

а) в г. Архангельске — коменданту города не позже 20 сентября сего года;

б) в Архангельском, Онежском, Холмогорском и Шенкурском уездах — ближайшим участковым начальникам милиции (для последующей передачи уездному коменданту) или непосредственно уездному коменданту; в Архангельском уезде — не позже 2 октября с. г., в других поименованных уездах — до 5 октября с. г.

Примечание: Распоряжение это не относится: к оружию, составляющему вооружение военно-служащих, национального ополчения, милиции; оружия, на хранение какового получены специальные разрешения от начальника губернии или начальников уездов, и к гладкоствольным охотничьим ружьям.

3. За несдачу оружия, вопреки пункта 2 настоящего приказа, в качестве высшей меры наказания устанавливаю смертную казнь. Производство по этим делам возлагаю на особые военные суды по назначению начальника гарнизона (ст. 90 кн. 22 свода военных постановлений по редакции, объявленной в Собрании узакон. и распор. всероссийского правительства от 10 марта 1919 г. № 1).

4. Воспрещаю всем (в том числе и военнослужащим, за исключением чинов союзных войск) хождение по г. Архангельску (с Соломбалой) в ночное время от 9 часов вечера до 5 час. утра без особых удостоверений от коменданта города на право хождения в г. Архангельске в ночное время.

5. Театральные и кинематографические представления и иные всякого рода общественные и народные увеселения должны прекращаться не позднее 8½ час. вечера, за исключением особо уважительных случаев, в которых может быть испрашиваемо специальное разрешение начальника губернии на продление срока до более позднего часа.

6. Рестораны, кафе и кухмистерские должны прекращать торговлю не позже 8½ час. вечера.

7. Пункты 4—6 настоящего приказа вступают в силу с 26 сентября с. г. и заменяют ст. 13—15 обязательного постановления от 11 октября 1918 г. «о ночном времени в г. Архангельске».

8. Виновные в наружении пунктов 4—6 настоящего приказа будут подвергаться в административном порядке штрафу до 3 000 рублей или аресту на срок до трех месяцев или заключению в тюрьме на тот же срок.

Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер.

Саблин — ген. Миллеру.

Телеграмма. Лондон, 27 сентября 1919 г.

Министр иностранных дел уведомил, что предоставление английским офицерам и солдатам права оставаться добровольцами в Северной области противоречило бы [намерению] английского правительства, решившего вывести свои войска полностью. Ввиду вышеизложенного английское правительство, к своему сожалению, не может согласиться на демобилизацию на месте английских военных, изъявляющих желание сражаться в качестве добровольцев.

Саблин.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и военному агенту ген. Ермолову.

Телеграмма № 1657. 28 сентября 1919 г.

Я просил английское командование оставить нам пятнадцать тысяч шинелей. Английское командование обещало при отъезде из Архангельска передать нам 2 500 шинелей. В действительности передано около 500. Наши войска ощущают в шинелях крайне острую нужду; все шинели уже выданы солдатам новых призывов, и потребность в шинелях далеко еще не удовлетворена. Убедительно прошу принять все исчерпывающие меры, чтобы союзники немедленно выслали в Архангельск до закрытия навигации не менее пятнадцати тысяч шинелей, без чего значительная часть нашей армии останется неодетой.

Генерал-лейтенант Миллер.

Саблин — ген. Миллеру.

Телеграмма № 648. Лондон, 30 сентября 1919 г.

Угольный голод, наблюдающийся здесь в результате недоразумений с углекопами, начинает приобретать характер национального бедствия. Пока правительство воспретило вывоз из Кардифа за границу. Между тем Архангельск ощущает сильную нужду в угле. Думаю, что надежды на англичан в этом отношении не оправдаются. Не найдете ли возможным найти в Америке для Архангельска уголь, который, повидимому, обещан Миллеру американской организацией в Северной области?

То же относительно хлеба. Имейте ввиду, что железнодорожная забастовка, если она продолжится даже недолго, дезорганизует страну и вызовет общий кризис. Правительство предпринимает целый ряд драконовских мер в стране. Трудно допустить, что при таких условиях она могла помочь хотя бы предметами продовольствия, в коих она ныне гораздо больше нуждается, чем когда бы то ни было во время войны.

Саблин.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и военному агенту Ермолову.

Телеграмма № 1672. 30 сентября 1919 г.

Английским командованием оставлено в Архангельске недостаточное для армии количество продовольственных припасов. Для обеспечения армии в зимний период необходимо до закрытия навигации получить в Архангельске 100 тысяч пудов муки или галет, 3 миллиона фунтовых банок мясных консервов, 36 тысяч пудов крупы, 12 тысяч пудов масла, 10 тысяч пудов керосина и 500 тысяч пудов овса. Особенно острая нужда в овсе, который уже теперь на исходе, и неполучение его до закрытия навигации грозит нам остаться без конского транспорта; убедительно прошу оказать полное содействие высылке союзниками в Архангельск требуемого количества продуктов, необходимых для жизни армии. Потребность эта известна главнокомандующему союзными войсками Северной области генералу Айронсайд.

Миллер.

Председатель эмиссионной кассы в Мурманске — зам. председателя временного правительства Зубову.

Мурманск, 2 октября 1919 г.

Многоуважаемый г. Зубов.

Ликвидация северной валюты — насколько [это] касается Мурманска — будет закончена через несколько дней. Затем останутся билеты, выкупленные фирмою Барклей и норвежскими банками, и также билеты, принятые государственным банком и казначействами Северной области. Когда эти билеты будут инкассированы, то мы будем иметь возможность выяснить окончательное состояние резерва и обсуждать, как с ним поступить.

Желаю воспользоваться этим случаем, чтобы изложить мои взгляды, которые я представляю на рассмотрение британского правительства. Как вам известно, обеспечение северных рублей состоит, частью, из фунтов стерлингов (почти целиком представленных британским правительством) и, частью, обязательств правительства Северной области. Последние соответствуют «достоянию государства», напечатанному на билетах, совместно с «особым запасом в английском банке», которые служат обеспечением этой валюты.

При настоящем положении дел эти обязательства не могут быть реализованы, и поэтому резерв кассы должен считаться несостоятельным в отношении тех 29 000 000 рублей, которые не покрыты фунтами стерлингов. Однако пока британское правительство, которое держит около 50 000 000 рублей против фунтов стерлингов, согласится оставить 29 000 000 рублей не инкассированными, то касса будет в состоя-

нии удовлетворить все требовани со стороны прочих держателей северных рублей.

Совершенно ясно, что при настоящих условиях обмен северных рублей на фунты стерлингов следовало бы прекратить, так как, если большевики будут продолжать свое продвижение, то они скоро завладеют значительным количеством северных рублей, — если же они будут иметь возможность обменять эти деньги на фунты стерлингов, то это дело дало бы им средства для финансирования своей пропаганды и для других целей за границей.

Британское правительство, если оно сочло бы нужным, могло бы совершенно предотвратить эту возможность путем немедленного представления к обмену всех имеющихся у него северных рублей. В таком случае касса была бы вынуждена выдать все остающиеся в резерве фунты стерлингов, а все остальные рубли не могли бы быть выкуплены.

Однако я предполагаю посоветовать британскому правительству не принимать этой меры, но чтобы резерв продолжал существовать, приостанавливая однако обмен на фунты.

По восстановлении в России устойчивых условий все обязательства временного правительства перед кассой и, следовательно, перед держателями северных рублей, естественно, перейдут к всероссийскому правительству. Если, до утверждения такого правительства, резерв кассы будет использован так, чтобы способствовать быстрому возрождению русской торговли по водворению внутреннего мира, то бремя этих обязательств облегчится, что и подымет кредит всероссийского правительства.

Ю н г.

Посол в Париже Маклаков — ген. Миллеру.

Телеграмма № 2495. Париж, 8 октября 1919 г.

«Для адмирала Иванова. № 674. Ледоколы на-днях кончают ремонты; нам их передают, но англичане, считая положение Архангельска непрочным, протестуют против передачи ледоколов для посылки в Архангельск. Англичане назначили 3 ледокола с английскими командами. Принимаю все меры для снятия запрета англичан. — П о г у л я е в. № 181».

М а к л а к о в.

Председатель эмиссионной кассы в Мурманске — управляющему отделом финансов Зубову.

Телеграмма № 378. 3 октября 1919 г.

Ввиду эвакуации кассы невозможно действовать здесь после четвертого октября. Собранные согласно § 3-б постановления от 30

августа рубли должны быть посланы мне при первом надежном случае по адресу банк Барклей, иностранный отдел, Лондон. Известите меня телеграфно по тому же адресу о размере собранной суммы. Обращаюсь к Ермолову с тем же.

Ю и г.

Долговое соглашение между командующим союзными военными силами в Мурманском районе и начальником Мурманского района Ермоловым [1].

[7] октября 1919 г.

1. Союзные военные власти передали военным и гражданским властям Мурманского края продовольствие, военные склады, лошадей и другое имущество, согласно писем за № 271 /2/0/ от 2 сентября 1919 г., № 271 /2/0/ от 13 сентября 1919 г. и письма № 7955 от г. Ермолова, датированного 10 сентября 1919 г.

Г. Ермолов при сем подтверждает, что временное правительство Северной России принимает ответственность по уплате за ценность вышеуказанного материала, согласно срокам, указанным в вышеприведенном письме.

Таким образом, устанавливается, что согласно прилагаемого счета № 2 [2]) общее количество переданного военного материала исчисляется на войска силою в 7 тысяч человек (что составит приблизительное количество войск Мурманского района), содержание складов, обнимает как продовольствие, так и военное снабжение на период, по крайней мере, 6 месяцев.

2. При передаче всего вышеуказанного г. Ермолов согласен, если того пожелает британское командование, регулировать все претензии, счета и т. д., предъявляемые союзному командованию в Мурманском крае, по нижеследующим срокам и условиям.

а) Частная претензия. Претензии частного характера все, еще не урегулированные, помещенные в счете № 3, прилагаемом к сему. Эти претензии, с согласия союзного командования, будут урегулированы г. Ермоловым в указанном на счете № 3 порядке.

Ввиду того, что союзным командованием было объявлено, что претензии должны быть издаваемы [?] до 22 сентября, оно считает себя не ответственным за несвоевременное предъявление претензии.

Если же, несмотря на это, по отъезде союзников, будут возникать претензии из-за событий, происшедших после 22 сентября, или, если претензии не были предъявлены ранее 22 сентября по уважительным

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Счета в деле отсутствуют.

причинам, Ермолов будет поступать с таковыми претензиями согласно следующему порядку.

Г. Ермолову надо будет на месте устанавливать справедливость претензии, класть свою резолюцию на представленный иск и отсылать все бумаги по почте по адресу T. O. C. Murmansk Force c/o War Office London.

Если союзным командованием будет решено удовлетворить претензию, оно известит г. Ермолова, кто сделает нужную уплату русской валютой.

в) Претензии государственных ведомств (исключая ж. д.), правительственные контракты или официальные иски, указанные под этим параграфом, поименованы в счете № 4, прилагаемом к сему.

Ответственность, принятая союзным командованием, тоже указана в счете. Таким образом, эта ответственность рассматривается, как ответственность перед временным правительством Северной России, и погашается за счет материалов, упомянутых в параграфе 1 настоящих условий.

с) Претензия управления Мурманской ж. д. Хотя многие вопросы еще не получили принципиального решения, но общий характер урегулирования счетов по пользованию союзным командованием ж. д. должен быть следующий:

наличного расчета произойти не может, а все счета будут уплачены при окончательном рассчете с всероссийским правительством.

д) Уплата за поставленное различным ведомствам продовольствие в настоящее время является затруднительной для последних, а потому г. Ермолов, как представитель временного правительства Северной России, берет ответственность по уплате за таковое на себя.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1731. 7 октября 1919 г.

657. Несмотря на мои настоятельные просьбы оставить здесь все три легких танка и один тяжелый, генерал Роулинсон оставил всего один легкий и один тяжелый, мотивируя, что танки погружены в трюм под другими предметами, и разгрузка их может задержать пароход на целые сутки. Вообще с его стороны было проявлено полное безразличие к наилучшему обеспечению населения и войск, выразившееся в уничтожении и потоплении массы ценных грузов вместо передачи их нам. Поспешность ухода войск была такова, что все пулеметы городской охраны были брошены на произвол судьбы, ибо английские войска ушли ночью раньше часа, назначенного для смены их русскими; вообще оружия, патронов оставлено разбросанным по квартирам и

дворам большое количество, с явной опасностью для населения. Попутно увезена и часть русского имущества, как, например, бывшие в таможне 6 тракторов, привезенных в Архангельск еще в 1917 году. Не считая своевременным поднимать эти вопросы теперь, когда не только мы вполне зависим от снабжения англичан, но главным образом армии Деникина и Колчака, сообщаю для вашей ориентировки. В боевом отношении со дня приезда генерала Р[оулинсона] оказывалась минимальная помощь, вопреки мнению других подчиненных английских генералов.

Миллер.

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.

У «Прогрессивного» блока буржуазно-помещичьих фракций и групп Госуд. думы и Госуд. совета 1915—1917 гг. в прошлом были свои предшественники. «В переломные моменты, во время глубоких, потрясающих всю страну кризисов буржуазия создавала объединение, закрепляла либерально-монархический центр с его правым (октябристы) и левым (кадеты) флангом» [1]). В обстановке войны, огромного подъема революционного движения, усиления расстройства хозяйственной жизни и воздействия англо-французского империализма объединение буржуазии получило несколько иной характер и по составу и по программе.

Громадным прибылям буржуазии и помещиков, их горячим надеждам получить новые территории для порабощения и эксплоатации и самому существованию их грозили опасности. Надо было спешно спасать положение. В стране развивался протест против войны и политики самодержавия, росло революционное движение. «Теперь мы снова идем к революции, — писал В. И. Ленин в 1915 г. — Это все видят. Сам Хвостов (мин. внутр. дел) говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 гг.» [2]). Пролетариат и его партия вели упорную борьбу с царизмом. С другой стороны, поражение за поражением на фронте свидетельствовали о неспособности царского правительства справиться с задачами, возложенными на него русской буржуазией и англо-французским империализмом. Необходимо было найти выход. Последний диктовался всей природой русской буржуазии и ее партий. «Буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической сцене» [3]). «Мы, большевики, всегда говорили, особенно с весны 1906 года, что ее (либеральную буржуазию) представляют кадеты и октябристы, как е д и н а я сила. Десятилетие 1905—1915 гг. подтвердило наш взгляд. В решающие моменты борьбы кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и «шли» помогать царю и помещикам. «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией, и международная обстановка русской революции и сила русского пролетариата делали такое поведение либералов неизбежным» [4]).

---

[1]) Ленин, Сочинения, 1 изд., т. XII, ч. 1, стр. 50.
[2]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 212.
[3]) Ленин, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 50.
[4]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 211.

Помимо этого, главного условия, у буржуазии и обуржуазившихся помещиков была и другая причина стремиться к объединению. «Мы подошли к порогу, за которым или лестница или обрыв», говорил Шингарев на заседании президиума блока. Ему вторил Гучков, характеризуя современное положение: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню... Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом» [1]). В царской России, в стране, «наиболее отставшей в экономическом отношении, в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических», империалистическая война произвела особенно большое разрушение. Хозяйство страны с каждым годом, с каждым новым месяцем войны разрушалось. Особенно сильно разрастался продовольственный кризис, который наиболее ярко выражал дезорганизацию всей хозяйственной жизни страны. Он свидетельствовал о неспособности царского правительства, особенно в условиях войны, организовать тыл, обеспечить снабжение фронта, наладить снабжение всей страны. Не могло оно собственными силами разрешить проблему финансирования, а это основной вопрос экономики, тесно связанный, как и везде, с организацией промышленности. Весной 1915 г. оказалось, что армия не имеет достаточного боевого снаряжения — орудий, артиллерийских снарядов, винтовок, патронов. Заказы в Америке сделаны были очень поздно и, кроме того, часто заказывалось не то, что в данный момент нужно было военному командованию. Казенная военная промышленность работала плохо, с громадным дефицитом, а частная промышленность на первых порах не была привлечена к работе по обслуживанию военного ведомства.

Колоссальные военные неудачи весны и лета 1915 г., грозившие потерей Киева, Риги, Пскова и т. д., заставили царизм пойти на ряд уступок буржуазии. Было организовано Особое совещание по обороне, в которое вошли виднейшие представители буржуазии; частной промышленности была предоставлена широчайшая возможность, пользуясь огромными субсидиями, связаться с работой на «оборону». Был организован ряд и других подобных совещаний, задачей которых было приспособление всего хозяйства страны к потребностям военного времени. Но буржуазию это уже не могло удовлетворить целиком, и ее недовольство правительством так однажды выразил Гучков: «То обстоятельство, что мы целый год, буквально год, первый год войны потеряли — это и есть самое тяжелое преступление власти» [2]).

Разумеется, не мог безучастно отнестись к создавшейся обстановке в России и англо-французский империализм, который — в интересах продолжения и усиления войны — принимал меры к устранению старого правительства и изменению всей системы управления и толкал в этом направлении буржуазные группировки.

Правительство не сумело и не хотело сплотить вокруг себя буржуазию, считая достаточным, что его налоговая политика, его мероприятия по субсидированию частной промышленности носили явно покровительственный характер буржуазии и помещикам. Буржуазия выросла и хотела большего. Это был «новый класс, поднявшийся к политической власти в России, класс капиталистических помещиков и буржуазии, который давно

[1]) В. Семенников. «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.», стр. 282.
[2]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 294.

правит нашей страной экономически, и который как за время революции 1905—1907 гг., так и за время контрреволюции 1907—1914 гг., как, наконец, и притом с особенной быстротой за время войны 1914—1917 гг., чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д.» [1]). Этот новый класс, чувствуя свою экономическую силу и возраставшую политическую роль, считал себя способным руководить внутренней и внешней политикой, самому отстаивать и обеспечивать и свои собственные интересы и интересы англо-французского империализма. Когда «поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него в с е классы населения», когда выявилась неспособность царизма справиться с сложнейшими задачами, этот новый класс должен был принять меры к ограждению себя и союзников, должен был заставить правительство пойти на дальнейшие уступки. «Нужна власть, которой бы верили... мы должны найти то, что должны н а в я з а т ь всякому (правительству), даже теперешнему», заявил помещик Оболенский на первом заседании президиума «парламентского» блока.—«Нужна реформа власти».— «Это правительство стало уже невозможным». — «Найти людей, которые не имели бы на себе клейма недоверия». — Такие речи стали все чаще и чаще раздаваться среди буржуазно-помещичьих кругов.

Но буржуазия, как выше указывалось, больше боялась «последовательной демократии, чем так называемой «реакции». Буржуазия не в состоянии была вести активную борьбу. Теснейшим образом связанная с поместным землевладением и бюрократией, буржуазия «стала контрреволюционной после 1905 года и получила «местечко» в третьеиюньской системе» [2]). Буржуазия целиком поддерживала царское правительство. «Русский либерализм выродился в национал-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда охотно вотирует за милитаризм и т. п. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. Точка зрения РСДРП в этом вопросе целиком подтвердилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России» [3]). Буржуазия, несмотря на свое стремление устранить правительство Горемыкина, Штюрмера, Протопопова, устранить влияние Распутина, царицы Александры Федоровны и подчинить себе «черный блок», не могла итти на вовлечение масс в свою борьбу с этими силами. Поэтому у нее был единственный путь — путь взаимных уговоров и советов.

Встретившись в первый раз и нащупывая почву для соглашения, представители всех вошедших в блок партий прежде всего поставили вопрос об отношении к верховной власти и правительству. Оказалось, что язык у всех один и тот же. «Сперва надо договориться, что сделать, чтобы уменьшить число врагов. К сожалению, мы все делаем, когда нам набьют морду» (Олсуфьев). Нужна «не петиция о смене, которую предлагает Ефремов, а обращение к патриотизму теперешней власти» (Васильев). «Надо, чтобы правительство во всем составе могло переговорить с участниками (блока), не надо, чтобы попало

[1]) Ленин, Сочинения, т. XIV, ч. 1, стр. 9—10.
[2]) Ленин, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 54.
[3]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 111.

в печать» (Оболенский). «Мы согласны с Оболенским и Олсуфьевым, что программа не должна носить ультимативного характера. Мы поступаемся многим — переходим к либерализму. Встать на путь парламентской борьбы, когда война, мы не вступим. Надеемся, что этот блок будет настолько силен, что убедит правительство стать на новый путь» (Львов). [1]). Если же правительство не пойдет на это, то станет необходимостью петиция к верховной власти о создании «министерства общественного доверия», не ответственного министерства, а именно «министерства доверия», на чем настаивали и целесообразность чего особенно доказывали кадеты вместе с националистами.

Итак, переговоры с существующей властью, давление на нее с целью заставить изменить свою внутреннюю и внешнюю политику, компромисс в случае удачи и в другом случае смена правительства при содействии верховной власти и замена его «объединенным» правительством из лиц, «пользующихся доверием» страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы [2]). Цель — 1) организовать победу и 2) борьба с революционным движением.

На таких условиях сошлись представители буржуазно-помещичьих партий Госуд. совета и Госуд. думы в июле 1915 г. Так создался «парламентский», «прогрессивный» блок. В блок вошли «прогрессивные» националисты, центр, левые октябристы, прогрессисты и кадеты. В нем не было представителей крайнего правого крыла думы и совета. Не вошли в него буржуазные демократы (трудовики) и соц.-демократы. Но со стороны меньшевиков и трудовиков создание блока было встречено приветствиями и пожеланиями блоку успешной работы (известен, например, отзыв Плеханова о блоке).

Появлению блока предшествовал, начиная с весны, ряд попыток, направленных к организации соглашения отдельных думских фракций. Так, например, 15 июня 1915 г. фракция прогрессистов, во главе с Ефремовым, организует обсуждение проекта об организации военно-промышленного комитета с участием представителей от остальных фракций думы, за исключением правых и с.-д. 23 июня на совместном заседании кадеты и прогрессисты обсуждают вопрос о тактике в заседании представителей фракций. 18 июля происходит совещание из представителей большинства фракций Госуд. думы. Эти попытки, наконец, привели к созданию блока.

Из партий Госуд. совета примкнули к блоку центр, группа беспартийных и группа академическая. Представители всех упомянутых партий и групп смотрели на свое объединение как на временную меру, вызванную грозными событиями в стране и на фронте. Каждая из этих партий и групп представляла интересы определенного крыла буржуазии и капиталистических помещиков и, при общности классовой основы, имела свои оттенки, порой совсем ничтожные, или, как В. И. Ленин по другому случаю такого же почти объединения выразился: «Одни потоньше, другие погрубее, а делают одно и то же дело». Тем не менее эти оттенки давали себя знать при обсуждении всех вопросов, поднимавшихся блоком, за исключением одного основного — задушить революционное движение в стране. И только грозная опасность последнего удерживала объединившиеся партии и группы от разрыва. По мере того, как в отдельные моменты на фронте и в продовольствен-

[1]) См. ниже текст.

[2]) Из декларации блока.

ном снабжении наступало некоторое улучшение, «самостоятельность» поведения той или иной группы становилась более явной и настоящее лицо умеренного либерала или черносотенца-помещика бывало виднее. Характерно было поведение представителей Госуд. совета, которые не скрывали, что определенная часть членов совета, — та, которая находилась в нем по назначению, — не свободна в своих высказываниях и действиях, особенно когда приближалось 1 января — день назначения новых членов и увольнения, если это потребуется верховной власти, неугодных.

Вся история деятельности блока представляет собой яркую картину сговора «прогрессивной» буржуазии с царизмом и реакционерами за счет трудящихся масс путем компромиссных уступок друг другу. Деятельность блока — показательная страничка в истории контрреволюционного поведения буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Эта сущность блока сказывалась не только в период царизма, она ярко сказалась и в 1917 г., когда деятели блока взяли в свои руки руководство государством; сказалась она, наконец, когда государственная власть перешла к пролетариату, и «прогрессивная» буржуазия вместе с помещиками и интервентами вела борьбу с пролетариатом. «Прогрессивный» блок своей деятельностью дал трудящимся Советского Союза яркий образец действительных стремлений буржуазии. С другой стороны, деятельность блока еще раз показывает, насколько права была партия большевиков, все время подчеркивавшая контрреволюционный характер работы буржуазии и буржуазно-помещичьих партий и ее лакеев — меньшевиков, насколько права была партия большевиков, руководившая пролетариатом втечение всего периода до империалистической войны и в годы войны и приведшая рабочий класс к победоносной пролетарской революции.

Велико ли было значение блока? Добился ли он того, для чего был создан его инициаторами (кадеты, прогрессисты)? Результаты деятельности блока были ничтожны. Было много шума, но он не только не смог, даже при помощи меньшевиков, предотвратить пугавшую его революцию, он не смог повернуть и правительственный курс в другое русло. Правительство Распутина, царицы и придворной шайки не пошло навстречу пожеланиям, советам блока. П. Н. Милюков во время своей заграничной поездки в 1916 г. везде в беседах, докладах, под аплодисменты западно-европейских империалистов, рассказывал о значении и силе блока, о его влиянии на внутреннюю и внешнюю политику царизма. На самом деле, влияние блока было чрезвычайно мало. И не потому оно было мало, что были в нем соединены разные группы и партии, а потому, что пролетариат и крестьянство и даже мелкая городская буржуазия шли другой дорогой; царизм, конечно, учитывал это и соответственно с этим поступал.

Публикуемый текст представляет собой записи, сделанные во время заседаний президиума блока и других совещаний одним из лидеров блока П. Н. Милюковым. Последний чрезвычайно тщательно и подробно, как увидит читатель, записывал речи выступавших. Поскольку других материалов в нашем распоряжении не имеется, установить точное число заседаний президиума блока и организованных им совещаний очень трудно; лишь отчасти для этой цели могли служить газетные заметки. Выступления самого блока в Госуд. думе и в Госуд. совете в свое время печатались и известны; о заседаниях президиума блока пресса говорила очень скупо.

Записи сделаны Милюковым карандашом, — только запись беседы с Харитоновым, составленная вероятно, позднее, — сделана чернилами. Текст этих записей публикуется без купюр и изменений. Слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой.

Записи хранятся в фонде П. Н. Милюкова. Этот фонд до 1929 г. был частью в рукописном отделении Академии наук СССР, частью в Ленинградской публичной библиотеке. В настоящее время, в объединенном виде, он хранится в Особом отделе Московского центр. истор. архива.

Н. Лапин.

1 [1])

Крупенский. — Идея собрания: открыть Госуд. думе двери вниз в Госуд. совет. Читает из «Речи», из «Колокола». Из речей Бобринского и Маркова 2-го. Какое правительство? Бюрократическое или общественное? Ответственное или выбор председателя, который сам подбирает министров? Третья: три министра без портфеля. Мешает «черный блок» [2]). Они уже провалились. Мешают неведомые силы: Распутин — субсидированная печать — объединенное дворянство (пошло по ложному пути: правительство в правительстве). Посылает только крайних правых и создает искусственное большинство; закрыть субсидированную печать («Голос Руси»).

Ермолов. — Встреча между нами в высшей степени важна. Вредные элементы — согласен, кроме субсидированной прессы. Гадость, но влияния не имеет. «Новое время» важнее и вреднее.

Стахович. — Основной вопрос: согласны ли мы, что оставить правительство собственным силам — разумно и патриотично? Все согласны, но необходимы какие-нибудь силы: в первую голову — палаты. Возможно ли единение двух большинств? Верховная власть — вне нашего влияния; надо влиять на правительство, надо уговориться, как воздействовать.

Гурко. — Нас объединила мысль о победе. Как изыскать способы победы? Толпа нетерпелива. Если бы был месяц назад назначен Гучков [3]), пала бы и его популярность, как падает популярность законодат. учреждений. Что лежит мертвым бревном на пути к победе? Техническая неподготовленность? Несомненно. Но армия этим уже обладала. Если останется прежний командный состав, останется то же. Нужна колоссальная перетряска. Нужно влить новые принципы. Не за тридевять земель от боя. Корпусные командиры в 50 верстах. Войну ведут прапорщики. Какой способ? От военных властей не достигнем. Гражданская власть вынуждена вмешаться в военное дело. Французская республика

прошлого века. Нам нужна такая власть и настолько сильная. Следовательно, наша общественная власть должна обладать исключительной силой. Она должна принять ответственность. Теперь ответственность перекидывается со ступеньки на ступеньку. Эта сильная власть — власть лиц, а не учреждений и законов. Дело в некоем лице, которое возьмет полную ответственность и выберет себе лиц. Надо остановиться на одном лице, популярном. Затем определить способы проведения этого лица. Беда не в том, что пресса субсидируется, а что она глупа. Объединенное дворянство — микроскопическая величина, раздутая противниками. «Ответственный», «полуответственный» — вопросы теории. Единственно, что нас может объединить — определить пути и способы дойти до цели — поставить у руля правления подходящего человека.

Крупенский. — Это возможно только революцией, а не эволюцией. Это антагонисты.

Гурко. — Законодательные учреждения могут, сговорившись, всякое лицо. Решить, что не можем пройти, значит ставить крест. Наметим второе лицо, и будем его проводить. Власть, которая опустит железный занавес, может верховной властью и его [4]).

Оболенский. — На этом пути не будет разногласия, но не будет способов и найти пути. Надо подумать о непосредственных задачах власти. Нужна власть, которой бы верили. Но нужно, чтобы вера оправдалась. Надо знать, что это правительство должно делать. Если все согласны, что центр тяжести в области управления, мы должны найти то, что должны навязать всякому, даже теперешнему. Разберем, что нужно. Возник вопрос о положении евреев в России. Надо настоять, чтобы было сделано. Вероисповедный вопрос в Западном крае. Мы в силах их остановить личным воздействием, запросами. Мне некогда: надо воздействовать на любую власть. Конечно, когда сидит Горемыкин [5]), — увидит волю палат, не останется. Но когда не говорят, в чем дело, — ему неясно.

Гурко. — Совершенно не согласен от А до Z. Путем суфлера управлять нельзя.

Оболенский. — Дело не в суфлерстве. Еврейский вопрос, есть и вопрос законодательный.

Ковалевский. — Расходится с многим, что слышал. Вопрос гораздо сложнее. Дело не в том, чтобы найти провиденциального человека, а поставить на настоящее место настоящего человека. Диктатура, кроме Наполеона и Кромвеля, никогда не спасала. «Организаторы победы» — Ревьель, торговавший Францией, Карно. Надо отправляться от существующего. Есть ставка. Нас глава правительства на-

правлял туда, пожимая плечами. Ружья и снаряды зависят и от министра финансов. Вопрос еврейский. Надо изменить. Есть три месяца, если не будут приняты все возможные меры, то поражение обеспечено. Надо убедить военное министерство, чтобы считалось с Гучковым. В меньшей степени препятствовать спасению отечества, чем теперь.

Я. — О программе.

Ермолов. — Согласен, что надо говорить о программе, а не о лице. Не проваленные проекты должны стать на первую очередь.

Крупенский. — Надо программу-декларацию, чтобы народ не волновался. Но надо предрешить, насколько дума будет заседать [6]). Я был сторонником перерыва, но теперь понял, что это — сигнал спешки. Мы должны сказать правительству: будьте осторожны. Надо, чтобы этого легкомысленного шага не было сделано. У меня сведения по телефону тревожные. Через три недели Россия скажет, что мы пережили черные дни. Не разделяет пессимизма Ковалевского. Законодательные палаты ответственны за то, что говорят: вредное влияние на массы.

Дмитрюков. — Верно сказал П. Н. [7]), что время не терпит. Затронуты многие вопросы, но ближайший — один. Нужна реформа власти. Коренной вопрос в «железной завесе». Как бы мы ни перестраивали власть, нам не отмахнуться от верховной власти. Министерство общественного доверия сможет ли сделать? Оно может уйти. Но есть ли уверенность, что второе правительство будет собрано по тому же образцу? Нужно наделение правительства особыми полномочиями. Диктатура правительства. Нужна ли петиция? Поездка к Горемыкину? Возвещать с думской кафедры программу, чтобы успокоить народ? Да мы сами неспокойны. Вопрос о путях, как этого достигнуть, как довести до верховной власти. Относительно вопроса, чтобы действовали палаты, можно бы и к Горемыкину съездить. Во втором вопросе— петиция Госуд. думы и совета к верховной власти.

Маклаков. — С этих вопросов не стоит начинать. Надо сговориться о вопросах, которые нас разъединяют.

Гурко. — Это гораздо лучше.

Ефремов. — Это меняет положение. Отказывается.

Олсуфьев. — Присоединяется к более умеренной постановке Оболенского, Милюкова и Ковалевского. Нужно исполнить то, что нам отмежевано. Нужно сговориться о программе. Без этого странно говорить о лице и требовать продления законодательных учреждений. Мы должны заботиться о победе, но как правители внутренние. Надо приготовить страну даже и к поражению, чтобы неудача не повлекла внутреннего потрясения. Надо уменьшить очаги опасности, внутренних врагов, — тех, с которыми можно помириться. Не можем согласиться

с к.-д., чтобы устраивать земство по законам. О т р и ц а т е л ь н о е: уничтожить ограничения; это посильно (ссылка на Столыпина). Л у ч ш е — в р е м е н н ы й р о с п у с к и статья 87. Сделать исподтишка, без шума. Во всяком случае, это второстепенный вопрос: сперва надо сговориться, что сделать, чтобы уменьшить число врагов. К сожалению, мы все делаем, когда нам набьют морду. Я предлагал амнистию. Кривошеин: это мы сделаем после первой победы, Маклаков — молчал. Польская автономия, когда нас погнали [8]). Если расколотят, — еще больше прав получат эти элементы. Вопрос о с в о б о д е с о в е с т и и а м н и с т и я б е з ш у м а.

Оболенский. — Громадное значение, как будет принята в России государственная тайна. Не осуждайте наперед. Внесите [9]) не пессимистическое отношение.

Шингарев. — Мы подошли к порогу, за которым или лестница или обрыв. Если осуществится, это — беда для России. Все рассыплется. Это факт роковой. В армии обаяния нет. Последнего человека убрали [10]) Приведет к катастрофе, так как ждать улучшения нельзя. Мы не переломим. Мы бессильны. Мы не будем окончательно поражены. Мы должны иметь организованную страну. Уничтожить отрицательные явления — это отрицательная программа. Нужна положительная. Надо сохранить здоровую организацию экономическую. Поток беженцев надо расселить по селам, а там ничего нет. Спешное проведение волостной реформы предупредит анархию. Отрицательная программа должна итти сначала, чтобы очистить атмосферу. Помириться с Финляндией.

Крупенский. — Приветствую заявление Оболенского. Если уедет в ставку [11]), роспуск думы будет катастрофой.

Ефремов. — Новое испытание — все меняет. Если отъезд на-днях, трудно говорить о смене правительства. При этом составе правительства нельзя говорить не только о победе, но и длительном спокойствии. Не о программе, а надо вернуться к с м е н е п р а в и т е л ь с т в а. Настроение по письмам — напряженное. Начнутся взрывы. Виновных называют с величайшей определенностью. «Провиденциального человека» надо з а м е н и т ь к о л л е к т и в о м (Гучков). Тут встанет вопрос о программе. Где гарантии? Обещаний мало: после 17 октября им не верят, надо [12]) подписанная бумага. Смена правительства.

Ковалевский. — Катастрофическое обстоятельство. Но, может быть, облегчит исполнение наших желаний. Отъезд в ставку облегчает требование, чтобы была созвана, с роспуском законодательных учреждений — комиссия н а п о м о щ ь г р а ж д а н с к о й в л а с т и. Нужен состав министерства — почти все на языке.

Гримм. — Это меня удручает еще больше. Безответственный фактор нашей конституции — психология власти — традиции министерской власти. Нет элементарного понятия о программе. Петиция — ничто.

Васильев. — Два пути: законодательная и организационная власти. Соглашается со второй. Не петиция о смене, которую предлагает Ефремов, а обращение к патриотизму теперешней власти. Кто скажет: не можем, уйдут. Уже когда переговоры не приведут... [13]).

Гурко. — Цель — сговориться с Гос. советом — бесполезна: все будет принято, если правительство пожелает. Если поражение будет, ничего организовать не сможем. Должно организовать победу. Техническая задача. В лицах — центр тяжести. Можно дать все свободы — и получить поражение. Правительство проведет реформу — это приложится; вопрос о правительстве объясняет вопрос о программе. Я имею в виду отрицательные меры. Сейчас получите глубочайший раскол, если зададитесь положительной программой. Правительство даст местным силам развернуться. Земский союз силен, — и что не регулируется никакими конституциями, никаких формальностей не нужно будет. В каждом месте силы организуются по своему, как им понадобится. Стать на партийную борьбу.

Маклаков. — Петиция о невозможности отъезда. Надо принять отставку. Если Н. Н., не хочет отпустить Янушкевича и Данилова. Петиция о смене правительства — начало революции. Гос. дума не может указать на лицо. Популярность общественных деятелей потухнет сразу в министерстве, и очень сильна в Гос. думе. Но это правительство стало уже невозможным. Найти людей, которые не имели бы на себе клейма недоверия. Сохранить некоторых, которые еще сохранили доверие (Сазонов, Поливанов) [14]).

2.

Первое заседание у Меллера 14 августа 1915 г. [15])

АМНИСТИЯ [16])

Гр. Олсуфьев. — За исключением террористических актов и изуверных сект.

Гурко. — Гос. совет не признает возможным выпуск на свободу бомбистов. Это бросит в страну бродильный элемент. Как пожелание, не возражает, но исключает уголовные преступления с политической целью. Религиозная амнистия — все то, что касается политическо-религиозных преступлений (пропаганда — принадлежность к учениям).

Гримм. — Амнистия: 1) отбывающих, 2) отбывших, но лишившихся политических прав. Надо последние восстановить (и финляндцы, лишенные на 10 лет права занимать должности в крае, выборжцы, преступления печати).

Оболенский. — Надо поставить: «по возможности», чтобы иметь возможность согласиться с правительством. Не подвергать преследованию безвредных и даже полезных. В зависимости от общественного состояния. В начале войны, даже 19 июля — было бы безопасно. Теперь — трудно предсказать последствия, и правительство должно осмотрительно относиться к последствиям. Поэтому надо изложить довольно неопределенно. Могут наступить такие минуты подъема, при которых все можно забыть (даже и уголовных). Мы должны рассмотреть каждый частный случай. Но заколдованный круг: чтобы мы поверили правительству, оно должно дать амнистию. Известный объем амнистии опоздал, а может быть, опять придет момент.

Савенко. — Присоединяется к Гурко. Процесс 5-ти с.-д. — возмутительная глупость, и глупость, что не амнистированы до созыва. Полное восстановление всех выборжцев.

Я. — Обращаю внимание на судьбу террористов, на моральное действие амнистии; не выкидывайте категории.

Гурко. — Мы не можем говорить в темную с правительством и потом его обвинять, что оно сделало не то, что от него требовали. Отдельные террористы превращаются в святых и в редакторов, и в изобретателей, но это — исключения. Я против «по возможности»; это есть предоставление усмотрению власти. Решать будут десятистепенные чиновники.

Шидловский. — Можем подходить к амнистии, как к акту политическому или акту справедливости. «По возможности» — значит ничего не сказать. Правительству надо раскрыть скобки, и надо иметь более определенную формулу. Всякая неполная амнистия будет понята, как нарушение обещания. По существу, я — сторонник амнистии: две категории — административная и по суду. Первая вся, а во второй — ограничения (общеуголовные преступления). Не ставьте в программу, но при переговорах.

Олсуфьев. — Ближе ко мне, чем к Гурко. Это — прерогатива государя, и всякое зыкание — политическая неделикатность. Это точка зрения политической целесообразности, а не справедливости. Несомненно, что честного фанатика надо убрать; но иногда и террорист, пришедший в дряхлость, — молодой бедовый будет опасен [17]). Никаких формальных признаков. Правительство обязано учредить комиссию для пересмотра всех дел. Можно облег-

чить участь — выпустить на поселение. «Возможно широкая» лучше, чем просто «амнистия».

Оболенский. — Мы ставим общее условие, а его исполнение зависит от момента.

Гримм. — Необходимо выделить депутатов — тут время не терпит. Далее, необходимо соблюдать и справедливость. Оставить в неопределенном виде технически нежелательно. Сохранить формулу (в о з м о ж н о ш и р о к о), но прибавить: «в ч а с т н о с т и» и ввести обязательную категорию), «без лишенных прав», «приговоренных к поселению» и т. д.

Ростовцев. — Разделить декларацию (дума, пресса) — детализации не надо — и переговоры с детализацией.

Гурко. — Прекратить прения.

Савенко. — «Выборжцы» не амнистия; нужно специальный указ.

Оболенский. — Если все это будет распространено в прессе, это получит характер ультимативного требования. А это база для переговоров.

Я. — «К о р е н н о е» изменение.

Оболенский и *Олсуфьев*. — Возражают: страшное выражение, ослабление власти в военное время.

Шидловский. — Это ходячее выражение в Госуд. думе.

Я. — Надо балансировать части программы; здесь у п о р, в чем центр программы.

Олсуфьев. — Желал бы либерализма не в русском сентиментальном, а в западно-европейском понимании. Консерваторы – всех хватай, либералы — никого не трогай. Это — обывательский либерализм.

Гурко. — «Коренное» — все знают, все «порядки» известны; присоединяется к термину. Но важно п р и в л е ч ь б о л ь ш е л ю д е й; е с л и термин встретит недовольство в Гос. совете, то п о т о м м о ж н о и у с т р а н и т ь. С Олсуфьевым согласен, но это вопрос другой: строжайшее соблюдение закона и властью и обывателями. Это есть тоже коренное изменение приемов.

Я. — Согласен изменить п о т о м.

Шидловский. — Мысль совершенно правильная и не дает места возражениям Олсуфьева; во имя усиления власти мы требовали коренного изменения приемов.

Гримм. — Вопрос об устранении двоевластия (ставка и гражданские власти). Предлагает: «с ц е л ь ю с о з д а н и я т в е р д о й и з а к о н о м е р н о й в л а с т и».

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

Оставить заголовок, как есть, но отдельный пункт в виде оговорки.

Гурко. — Теперь принять о черте — мера временная и исключительная. По совести не может принять ответственности за допущение в Петрограде (по военным соображениям). Шпионство питается этим элементом. Относительно деревень — безразлично.

Оболенский. — Я хочу, чтобы цель правительства была — уничтожение 8 миллионов париев и возможность управлять государством, население возбуждено. Почему не указана отмена ограничительных законов для евреев? Отмена майского закона должна быть сразу (в пределах черты); вопрос о процентной норме сразу разрешить нельзя. Нужно знать, что правительство идет в определенную сторону. «Отмена, по возможности, неразумных ограничений».

Гурко. — Глубочайшая наша ответственность — мы ставим правительство в невозможное положение. Все засилия — русская слабость. Но сейчас мы — в исключительном положении. Надо весьма подробно обсудить всякую отдельную меру. «Россия» говорит разно. Черта оседлости поневоле улетела к чорту. О Москве согласен, но Петроград — вопрос обороны.

Савенко. — Для моих друзей это — центральный вопрос. В настоящее время «черта» переживает пароксизм антисемитизма, особенно в армии. Революция будет сопровождаться еврейскими погромами. Надо стать на путь уступок в еврейском вопросе, нельзя иметь 8 миллионов врагов, надо искать примирения. Нынешнее правительство понимает это и сделало первый шаг. Опасается распространить на деревенскую Россию, боится сразу.

Олсуфьев. — Мы не должны детализировать. Петербург, Москва, Псков — не только евреи, но все беженцы. Признаю оговорку, но стою за общую формулу: вступление на путь дарования общегражданских прав («постепенное уравнение»).

Гурко. — Против восстановления еврейской печати. Предлагает «дальнейшее» и т. д. Какая непременная надобность бежать в столицы? Против сельских местностей не возражает. О процентной норме — уже циркулярами отменена. «Дальнейшие облегчения поступления в школу». «Жаргон» — вопрос особенный. Никто не понимает —цензора плохо понимают, из худших евреев. Только в области военных действий; о чем же говорим? В порядке обороны присоединиться не могу. Это — мелочь.

Оболенский. — Надо указать вехи, и верить правительству, которое скажет: я вступаю на путь отмены ограничений.

ФИНЛЯНДИЯ.

Оболенский. — Общая формула: примирение с Финляндией. Средства — назначение лица, которое бы благоприятно относилось, выбор сената, избегать при применении.

Шидловский. — Не упоминать имени и не советовать неприменение закона.

УКРАИНА.

Савенко. — Мы спорим с Милюковым об «измене». «Украинского движения» нет в Малороссии со времени войны. Есть кружки, «Союз освобождения Украины». Даже в пределах Галичины многие переменились. Но П. Н. поставил вопрос умеренно: не возражаю против печати... [18]).

Гурко. — Согласен с восстановлением печати, но возражает против освобождения заложников и униатов: это среди мер, принятых неправильно.

Шидловский. — Убрать слово «украинский».

Оболенский. — У нас только малороссы. Почему печать была уничтожена. Восстановление украинского государства — чуть не программа мирного договора.

3.

Второе заседание у Меллера-Закомельского 15 августа 1915 г.

ПОЛЯКИ ЗАПАДНОГО КРАЯ.

Гурко. — Четыре основных ограничения + 5-е римско-католическое: 1) служебные права — не допускаются на должности. Война, военные академии — процентная норма; русские служащие — процентная прибавка до 50% оклада; 2) нет земства в 3 губерниях и нет дворянских учреждений; 3) язык — по циркулярам — публичные надписи, на бланках, преподавание в частных школах, вопреки закону; 4) землевладение (1865—1905 — только по наследованию) — только от поляков, — до 60 десятин для промышленных целей. Покупка и аренда казенных земель, оброчных статей, запрещены заповедные имения, Дворянский банк не распространяется, перечисление в другие губернии из Царства польского затруднено или даже запрещено; 5) римско-католическое исповедание.

Оболенский. — Единственно трудный пункт — землевладение. Можно отменить запрещение Дворянского банка. Лучше не поднимать вопроса о запрещении покупки русских земель. Введение земства,

отмена кур. системы — во время войны нельзя. Дворянские собрания и служебные права дать.

Савенко. — Особенно чувствителен, как представитель Юго-западного края. Господствующее течение: это часть большого польского вопроса. Надо решать одновременно, во всем объеме, не выделяя Западный край. Там даем все, в пределах этнографической черты, но чтобы признали Западный край русским. Между тем есть непримиримые поляки: Украина — провинция Польши. Их большинство: — Польша по Днепр. Не возражает против отмены служебных ограничений, дворянских выборов (желательны), но решительно затрудняется относительно землевладения. Среди поляков большое движение к распространению (60 десятин — фиктивные сделки) [19]). Не возражает против уничтожения религиозных ограничений, языка.

Гурко. — Это тоже — мера для социального мира. Как мы формулируем? Кроме землевладения, все остальное — на неправильном или распространенном толковании закона или на циркулярах. Можно сказать, чтобы соблюдался закон. Служба — безопасно: от правительства зависит. Военные академии — после восстания 1863 года. Упразднять привилегии русских — нельзя. Дворянские учреждения — согласен. Земский вопрос — только в порядке законодательном — перенести туда. Изменение положения несвоевременно. Язык — незаконное правительственное распоряжение. В 1905 г. не существовало. Землевладение — нельзя изменить привилегии русских; нельзя изменить и положение поляков. Польша независима, но польско-литовский край в русских руках. Русское землевладение теперь несколько превышает. Нельзя отказываться от результатов. Даже при автономии поляки русских землевладельцев из Польши выкинут. Надо пропустить совокупно, на принципе do ut des.

Оболенский. — Мы не видим и не знаем автономной Польши. Обязана ли Россия обещать все права по землевладению? Есть основания не отменять, ссылаясь на «крепостной район». Возможна фигура умолчания.

Гримм. — Вопрос о землевладении сложный. (Земство — 87 статья). Обще-политические и военные соображения затрудняют. Нельзя применять do ut des. Насколько целесообразно игнорирование?

Я.— А язык и религия? Автономия?

Гурко. — Согласен со мной: надо вставить автономию. Землевладение дает политическую силу. Прусская колонизационная политика не удалась, а нам и думать нечего. Ограничения языка — бессмысленно; религиозные стеснения — пережиток.

Олсуфьев. — Наши враги в Балтийском крае не терпят тех ограничений, которые мы не хотим устранить для наших друзей. Почему мы не боимся там германизации, а здесь боимся полонизации?

Савенко. — «Классового» момента нет. Наоборот: именно многие представители крупного землевладения (Балашов) за польское землевладение. Религиозные ограничения — мы же живем в европейском государстве. Каждое польское имение — цитадель полонизма. Край русский в Киевской губернии 80 г.? Поляки отвечают: а культура польская — это их имения. Надо списать с империи Габсбургов и списать с Галичины автономию.

Гримм. — Нужно объединяющее резюме.

Я. — Относительно Балтийского края — демократизация населения, а в Западном крае — «помещики».

Олсуфьев. — «Облегчение приобретения земельной собственности».

Гурко. — Русские не в силах были бороться с баронами, хотя и опирались на латышей. Надо неприменение ограничений, введение земства, а о землевладении не упоминать.

Оболенский и *Меллер.* — Вы не определите, что такое поляк.

Соглашаются на предложение Оболенского — «пересмотреть законоположения» о землевладении.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ.

Олсуфьев. — Выразиться сильнее.

Оболенский. — Не вводить при помощи толкований («порядок перехода в католичество»).

Савенко. — Не возражает.

Гурко. — «И упразднение циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года».

МЕРЫ О РАБОЧИХ. — Приняты.

Гурко. — Разделите программу на две части — немедленно осуществимую и начатую рассмотрением, связанную с войной и победой — и независимо от сего тотчас же приступить.

Шидловский. — Несогласен с явочным порядком организации волостных земств. Разделение на две категории не принесет желанных результатов. Важный факт победы — настроение населения. Разделение не будет понято. Занесение в программу есть доказательство, что признана потребность.

Гурко. — Скажите во введении, что хотите организовать тыл как для ведения войны, так и для удовлетворения сознанных потребностей.

Савенко. — Хотя волостное земство имеет отдаленное отношение к победе, но нужно подчеркнуть внутренний мир. Кадеты говорят: дайте нам это, как оружие, чтобы вести за собой массу. Надо сказать окраинам, что ими заняты.

Я. — Согласен ввести в мотивировку аргументы Гурко.

Ростовцев. — Делить — неудобно с тактической точки зрения.

Оболенский. — Гурко сказал, что члены совета все пропустят. Но, если будут проекты, при войне ненужные, — другое дело. Основной вопрос — во время войны — широкая законодательная программа — и скорее об участниках волостного схода.

Гурко. — Порядок: 1) объединенная власть, 2) облегчение деятельности общественных сил, 3) социальный мир (и национальные вопросы и а м н и с т и я), 5) необходимо у н и ч т о ж е н и е д в о е в л а с т и я, 5) законодательство (п о м о щ ь правительственному п р о х о ж д е н и ю).

4.

Программа блока [20])

Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Гос. совета и Гос. думы, исходя из мысли, что 1) только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и 2) что такой может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что только соблюдение нижеследующих (минимальных) условий может дать власти эту силу и обеспечить это сотрудничество.

Оболенский. — Подипломатичнее, для переговоров с властью.

Ковалевский. — Без «соблюдения».

Гурко. — Ничего условного: наша мысль должна быть ясна; за «только», но против «минимальных».

Шебеко. — «Без согласования деятельности правительства с нижеследующей программой».

Шульгин. — Привести к единению власти со страной и...

1) Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы.

2) Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности: а) строгое проведение начал законности в уп-

равлении. б) Устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций. в) Обновление состава местной администрации. г) Разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира, и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры, как в порядке управления, так и в порядке законодательном.

1) В путях высочайшего милосердия освобождение от наказания и восстановление в правах лиц, осужденных за чисто политические и религиозные преступления (не отягченные преступлениями общеуголовного характера), и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления [21]).

Крупенский и *Олсуфьев*. — «Ходатайство перед высочайшей властью о частичной амнистии».

Савенко. — Это не соответствует решению комиссии.

Оболенский. — Мы в думе имели в виду частичную амнистию. Если хотите дела, то скажите: «ходатайство о частичной амнистии», не детализируйте статей уложения. Бомбистам — некоторым — смягчение участи.

Гурко. — С условием, что здесь убийцы и экспроприаторы не включаются. Против слова «частичная» амнистия, которая может иметь значение не категорий, а выбора отдельных лиц и против «ходатайства», лицо монарха вне суждения. Предлагает: «за исключением лиц, осужденных за то-то и то-то».

Гримм. — Поясняет цель формулировки.

Дмитрюков. — Сказать «частичная амнистия» и точка.

Я. — Крайний предел. Точно отвечает решению комиссии (*Оболенский* подтверждает).

Гурко. — «Перечисленные в таких-то главах», а не в скобках и притом осужденные.

Ефремов. — Амнистия — акт примирения; мы не можем пойти дальше формулы А. Ф. Кони. И то сомнительно, достигнет ли эта формула результатов — т. е. впечатления.

Я. — Документ направлен к массе, а не к правительству.

2) Возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера.

3) Полное и решительное прекращение преследований за веру, под какими бы то ни было предлогами, и отмена циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года.

4) Одновременно с разработкой законопроекта об автономии Царства польского и его немедленным внесением в законодательные учреждения устранение ограничений в правах поляков и пересмотр действующих узаконений о польском землевладении.

Мейштович. — Разделить автономию и уравнение в правах. Ограничения введены «до усиления русского землевладения», которое усилилось теперь достаточно, а кроме того поднялось сознание населения. Поляки — граждане II-го разряда. Ограничение конкурентов уменьшает цену русских имений. Русско-польское соглашение делает неизбежным уравнение в правах.

Шебеко. — Отмена всех ограничительных распоряжений и циркулярных постановлений относительно поляков на всем пространстве России.

Шульгин. — Нельзя разъединять. Поляки себя не разделяют, и мы понимали целиком весь польский вопрос. Взаимные уступки у вас и у нас.

Оболенский. — Все стеснения во всей России отменить, а о землевладении — единственный вопрос, к которому относятся сомнения, пересмотреть. Против немедленного внесения, но не дожидаясь конца войны, чтобы не было международного вопроса. «Пересмотр» покрывает разногласия.

Шебеко. — Если ограничить права русских в пределах автономии, то можно отвечать так же, но мы не думали ограничивать.

Мейштович. — Не может быть «примирения» (воззвание главнокомандующего), если не будут отменены исключительные законы.

5) Вступление на путь отмены ограничительных законов для евреев, в частности, дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, процентной нормы в учебных заведениях и стеснений в выборе профессии. Восстановление еврейской печати [22]).

В. Львов. — Надо потихоньку указывать правительству, а не открыто. Принимаем условно, может быть, согласимся.

Крупенский. — Несвоевременно. Фракции не было.

В. Бобринский. — Согласны, но не можем подписать.

Шульгин. — Черта снята, процентная норма допустима, но человек 12 нашей фракции не согласились. Тут не толпа; невозможно, когда люди умирают с чувством антисемитским. Ответим в целом, не связывайте сейчас.

Гурко. — Не подводите правительства, говорите открыто, если верите в то, что говорите.

Оболенский. — В этом $^3/_4$ значения всей программы — это нужно для кредита, для значения России.

Дмитрюков. — Фракция согласна. Замалчивать нельзя. Теперь этот вопрос неопасен. В стране отлично уживаются.

Шидловский. — Фракция принимает весь документ, как minimum.

Я. — После моего заявления: разойдемся.

Бобринский. — Если мы не согласимся, то не все пропало. По этому пункту согласны такие-то фракции, которые составляют большинство. Мы не возражаем, и, если правительство внесет, vi coactus мы стоим нейтрально, может быть, мы еще убедим фракцию.

Гримм. — Это maximum уступок и conditio sine qua non. Мы желаем вступления России на путь правового государства. Неупоминание — есть непризнание этого принципа.

Гурко. — Несогласен на частичное присоединение графа Бобринского. Это сгубит все дело. Молчание — cum tacent clamant. Их откол в этом деле — есть крушение всего.

Ковалевский. — Приехал из русско-американской палаты. Американцы ставят условием свободный приезд американских евреев и ряд других вопросов.

6) Примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемены в составе администрации и сената, прекращение преследования против должностных лиц.

7) Восстановление малороссийской печати, освобождение из тюрем и возвращение из ссылки духовных лиц, сосланных за принадлежность к униатству и пересмотр дел о сосланных жителях Галиции.

8) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализированной партии. Восстановление рабочей печати.

9) Соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения следующей программы законодательных работ, направленных к организации страны для содействия победе и к поддержанию внутреннего мира: изменение Земского положения 1890 года; изменение Городского положения 1892 г., введение волостного земства, введение земских учреждений на окраинах, как-то: в Сибири, Архангельской губернии, Донской области и на Кавказе, Прибалтийском крае и т. д. Закон о кооперативах. Отдых торговых служащих. Улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих. Утверждение трезвости навсегда. О земских и городских союзах. О переходе из одного вероисповедания в другое. Устав о ревизии. Введение местного суда в тех губерниях, где введение его приостановлено по финансовым соображениям. Осуществление законодательных мер, в которых может встретиться необходимость при выполнении намеченной выше программы деятельности.

НАЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТА [23]).

Стахович. — Затвердить, проведя через фракции и группы. Потом передать председателю Совета министров, или ответ на его декларацию, или что-нибудь в этом роде.

Шидловский. — У Горемыкина возник вопрос, и я ответил, что по окончании разработки доставлю. Отклоняю от себя полномочие говорить с Горемыкиным (с кабинетом, весь блок, быстрота).

Оболенский. — В каком качестве Госуд. совет? Важен успех. Надо, чтобы правительство во всем составе могло переговорить с участниками; не надо, чтобы попало в печать.

Крупенский. — Не стоит Горемыкину, а говорить с объединенным кабинетом или с новым главой, или в виде депутации, или ответ на декларацию.

Гурко. — Не осведомлять частным образом Горемыкина. Может быть предпринято давление на некоторых членов Гос. совета, чтобы не обсуждать. Надо обсудить вне внешнего давления.

Оболенский. — Лучше, если бы действовал Гос. совет с Гос. думой. Многие, не входящие в блок, могли бы присоединиться. Лучше ли присоединить большее количество, но с изменениями?

Гурко, Львов, Крупенский. — Это невозможно; никогда не кончим.

Оболенский. — Спорные два пункта: амнистия и... [24])

Ковалевский М. — Мы потеряем время, если через 4—5 дней не решим. В Гос. совете — вавилонское столпотворение.

Шингарев. — Мы должны рассчитывать не на Гос. совет, а на правительство.

Ефремов. — Фракция решила: не к председателю Совета министров, а непосредственно путем депутации к монарху. Мы не подпишем документ для подачи Горемыкину.

Стахович. — Важно большинство Гос. думы и чтобы дошел до правительства. Все остальное приложится. К монарху нельзя итти мимо правительства.

Васильев. — Передать вопрос на решение фракций.

Гурко. — Документ должен быть передан правительству, а не верховной власти. Это не петиция царю, а шаг законодательных учреждений.

Я. — Мы в первой думе смотрели так же.

Львов. — Это основание для блока, и документ есть акт большинства к правительству — не к сведению. Если будет отказано, большинство будет в резкой оппозиции к правительству.

5.

Заседание 22 августа у Меллера-Закомельского.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ФРАКЦИЙ.

Дмитрюков. — (Земцы — октябристы). Снято «ограничительный закон», а — «ограничений». «Лиц»; исключить последний абзац.

Львов. — Все пункты мы считаем нашими, за исключением 1, 5, 7, 8, но не возражаем в силу необходимости (мотив голосования). Под условием, чтобы программа не носила ультимативного характера правительству, а только пожелания. 1 п. только — не предпосылки, а следствие всего исполнения программы. Не для оглашения в печати (чтобы не имело характера декларации). Если будет оглашено, не можем присоединиться. Для предъявления правительству, на предмет соглашения. Чтобы не было официально объявлено от блока в печати (а частным образом может появиться в печати).

Крупенский. — Мы можем и изменить после беседы с объединенным правительством и тогда можно опубликовать от имени блока. Имею полномочие от Горемыкина: просить от объединенного правительства, чтобы вошли в разговоры. Официально: кабинет делает предложение блоку. Окончательное решение (амнистия), мы не можем дать ответа. В субботу государь вернется, кабинет обсудит и будет готов нас слушать. На некоторые пункты скажут: без санкции государя не можем.

Савенко и *Бобринский.* — Мы примыкаем.

Капнист. — «Ограничительных распоряжений».

Я, Гурко, Дмитрюков. — Возражают.

Оболенский. — Меня защищает, понимая, что тут намек на 87 статью.

Гримм. — (В пунктах 3—6.)

Оболенский. — Поставить после пункта 8.

Дмитрюков. — Особый пункт 10.

Решают поставить 9-м пунктом. Октябристы, посоветовавшись: оставить на последнем месте, переставив последние слова: «При выполнении в порядке управления».

Меллер. — На соединенном заседании трех групп (довольно немногочисленном) рассмотрели. Возражают против «нижеподписавшиеся и т. д.». Подписей отдельных лиц много не соберем вследствие определенного характера (двойного) Госуд. совета. Члены по назна-

чению, в громадном большинстве, не считают возможным принимать личное участие в петициях и других выступлениях. Но в безличной форме «программа за подписями многих членов Гос. думы, рассмотренная в таких-то группах, принята».

Все. — Это и сказано.

Оболенский. — (Назначенный). Мы должны действовать от своей коллегии (тожественную бумагу), но не подписывать совместный акт, так как единицы «соединенных учреждений» не существует легально. Мы не должны при этом придерживаться словесного выражения.

Я. — Это тот же самый текст?

Оболенский. — Мы, может быть, изменим ту или другую постановку вопроса. Известная перефразировка не только не роняет значения документа, но поднимает.

Я. — Вы говорите только от назначенных или всех?

Оболенский. — Следовало бы всем.

Гурко. — Я ушел в убеждении, что большинство идейно приняло всю программу. Оказывается, я ошибался. Вопрос 1-й о большинстве, которое поддерживает, 2-й о немедленности присоединения. Гос. совет в периоде переизбрания. Многие, которые входят в правительственный центр, и правые будут заменены более левыми к октябрю. Сейчас большинство не соберете, но это не имеет значения. Правительство должно знать, что имеет группу, которая всецело примыкает. Надлежало бы, чтобы соединенные совещания трех групп, приняв, уполномочили одного председателя совещания подписать. В группе беспартийных председатель по назначению, но там большинство примыкает к программе. «Соединенное совещание, обсудив...., к ней примкнуло значительным большинством» [25]). Следующий шаг: кого-нибудь делегировать для разговора с правительством, отдельно или вместе. Признает ли Оболенский допустимым?

Оболенский. — Не могу различать назначенных от выборных: по закону мы менее сменяемые. Благодаря «1 января» я и независим. Я не связан, меня можно устранить. Если мы желаем то же, что дума, можем заявить; но явиться вместе с Гос. думой — неудобно относительно товарищей, так как действие всетаки антиконституционно. Способ присоединения — за язык не тяните. Для успеха вашего дела... [26]) не нужно. У нас рассматривали en bloc.

Васильев. — Способ присоединения — широкий, но в документе ничего нельзя менять.

Ковалевский М. — Мое общее впечатление согласно. Это было «вавилонское столпотворение», но, по мере ухода, в связи с усталостью, это привело к решению не рассматривать по пунктам. Не приставайте с формальностями: терпеть не могут подписывать фамилии. Для них нет сомнений, что то, что прямо не сказано, — не разрешено. Препятствий не встретите, но тоже и деятельной поддержки. Вместе с вами к Горемыкину не пойдут. Неудобно сказать — уходите. Совместное действие — беззаконие. Но «высокое собрание» на вашей стороне. Скрепа преседателя объединенного собрания хороша, но и ограничьтесь этим.

Меллер. — Не сомневаюсь, что получу полномочия подписать.

Ковалевский. — Нас попросит правительство притти — именно председателя.

Гурко. — Программа не должна быть изменена. Надо решить, кто будет представителем. Нужно нескольких.

Бобринский. — Если Гос. совет изменит, наша подпись недействительна. Значит, договор не совершился.

Меллер. — Не беспокойтесь, но нельзя говорить, чтобы ни одной иоты не изменяли.

Гримм. — Мы согласны подписать, но если будет признано удобным подписать председателю блока, согласны. Но ни один пункт не может быть исключен.

Крупенский. — Есть первые шаги — С. И. Шидловский, — но если и члены Госуд. совета согласны, то мы одновременно соберемся. Совместно будет сильнее. Полномочия получат фракции [27]).

Олсуфьев. — Согласен с характеристикой Ковалевского. Это была «сходка», по выражению Коковцова. С 35 человек упало до 15—20. «Мы нижеподписавшиеся» — будет самозванством. Относительно совместного выступления — против. Дума и Госуд. совет должны выступать отдельно. Совместное выступление не совсем законно. Отпора не встретит. Поддержки деятельной — тоже. Все зависит от соглашения с правительством.

Ефремов. — Что есть этот документ? Надо сперва решить, а потом, что с ним делать. Если это протокол совещаний, я подписываю. К резолюции присоединяюсь. Весь текст обсуждался дважды: не все нравится, не все, от слова и до слова, фракция приняла. Мы считаем обязательным поддерживать, но не можем поддерживать все проекты дословно. Детали подлежат новым обсуждениям. Что с ним делать? Напомню, что еще в мае прогрессисты настаивали на созыве Гос. думы, чтобы обратиться к государю, как мы понимаем; не к правительству, а непосредственно к верховной власти.

И у Контана — я сказал это. Для нас принятие программы есть условие для кабинета, нужна его смена и ответственность перед нижней палатой. Только министерство, пользующееся доверием, но и оно не будет пользоваться в кредит. Нужна заранее вера, что лица обещающие способны осуществить. Мы согласны на величайшую мягкость, имея ввиду обращение к верховной власти, и под этим условием считали возможным отделиться от левых. Но мы считали необходимым пригласить их и от них самих выслушать отказ. Вчера фракция решила: если это документ, направленный к правительству, то фракция своих подписей не даст.

Оболенский. — Это есть основание для соглашения с правительством, а не ультиматум. Гос. совет должен воздействовать на правительство ввиду грозного положения. Безумие — отвергать обеспеченное положение, которое вам дают думцы. Для этого надо действовать отдельно.

Стахович. — Правительство ответственно перед обеими палатами (ссылка на Ковалевского). Монарх дал конституцию; зачем же вы обращаетесь к нему, а не к правительству? Вы изобретаете предлог.

Крупенский. — Мы решили притти к результатам сегодня. Госуд. дума уже решила, а в Гос. совете — не так. Если правительство не сойдется, то Госуд. совет, может быть, не пойдет совсем. Поддержка 10 каких-нибудь членов для нас меняет дело. Я внесу во фракцию, и она, может быть, скажет: нет, мы не идем. От прогрессистов большой удар: у Контана мы говорили. На петицию я не пойду. Если прибавить опубликование, то это полный крах.

Ковалевский. — Я придавал большое значение нашим собраниям, и часто еще в I Думе я проектировал блок, сходящийся в ближайшем, в платформе. Палаты всегда будут выступать отдельно. В Англии ни одного акта совместного. Мы признаем эту программу, и общий дух отвечает нашему направлению. Если хотите достигнуть очень важного результата, то обратитесь с актом соглашения к правительству, причем можем сказать, что соглашение вызывает сочувствие весьма значительной части верхней палаты. Это обращение к правительству, а не к монарху: the king can do no wrong [28]). Не могу придумать менее конституционного акта, чем обращение к монарху. Монарх может отослать к ответственному и солидарному правительству. Вы напишите заголовок: «Соглашение». Лица, входившие в переговоры, по вашему полномочию внесут этот акт правительству. Если правительство пожелает убедиться, мы получим полномочия от значительного большинства наших товарищей.

Ефремов. — Не предлагаю теперь ответственного министерства, а объясняю наш у точку зрения. Сегодня мы были свидетелями передачи записки государю. И под «соглашением» я подписываюсь. Но препроводительную бумагу мне фракция запретила подписывать.

Ковалевский. — На что нужна препроводительная записка?

Шингарев. — Записку передавал я; как будто это в порядке петиции. Это не так. Были заявления комиссии, что надо довести до сведения государя о непорядках, где монарх является вождем армии. Через военного министра я получил разрешение, а не помимо власти обратился.

Львов. — Мы представители политических партий, которые имеют дело с правительством.

Я. — Документ теперь существует, независимо от употребления.

Бобринский. — Ефремов согласен подписать, но не хочет итти. Согласен ли он, чтобы было предъявлено?

Ефремов. — Дальнейшее меня не касается. Подлинник должен храниться у нас.

Бобринский. — Мы должны говорить все солидарно, от имени всех. Мы должны сказать: вот, что мы требуем. Если вы чувствуете силу, попробуйте осуществлять; если нет, то нет.

Шидловский. — Мы против обращения к монарху. У Горемыкина мы говорили, что программа — в работе. Я не возражал против осведомления его. Горемыкин спросил: желаете ли вы пленум Совета министров? Мы отвечали, что не сглазу на глаз. Необходимо подписать документ. И без членов Гос. совета. Должно быть доставлено правительству. От него зависит, какое назначение. Если захотят устных объяснений, то первое объяснение касается их самих. Самый факт написания этих пунктов освобождает нас от деликатного разговора. Мы от них очной ставки не требуем, потому что считаем неподходящими,— но не отказываемся.

Крупенский. — Горемыкин сказал мне сегодня, что соединенный кабинет желал бы говорить. Мы считаем возможными уступки и даем подписи provisoirement для переговоров с правительством. Мы не хотим, чтобы было напечатано, что центр и к.-д. так-то мыслят. «Уходите вон», когда вы приходите с программой,— не реальная политика. Я теперь должен сказать фракции, что гарантировать участие Гос. совета не могу.

Савенко. — Не так понимал документ, как Милюков. «Соглашение» — пусть. Но всякое соглашение налагает обязательства. Мы принимаем массу их на себя. А другие — левее земцев — октябристов? Никаких. П. Н. Милюков не откажет в поддержке Керенскому или

Чхеидзе. На время войны или дольше — оно должно связывать обе стороны. Они принимают обязательства — не поднимать других вопросов. Иначе — соглашения нет. Нам открыто говорят: нет будем поддерживать революционные выступления.

Оболенский. — Соглашение относительно способа управления относится к 3-му. Это не внутренний факт. Это обязательство поддерживать правительство, если оно на этом остановится. Правительство, которое условится действовать так, будет поддержано думой. Или нужно правительство известного калибра? Мы говорили вначале о всяком данном правительстве. Вопрос, годитесь ли вы, — позднейший. Если Горемыкин скажет: это моя программа, мы можем спросить: как совершится этот внезапный переворот? Они могут предложить программу, покрывающую на лучшую. Нельзя ставить ультимативно, хотя бы для того, чтобы говорить. Мы должны убедить правительство ухватиться за это, иначе харакири. Если мы не сплотимся с правительством, немцы нас победят. Достигнуто некоторое среднее понимание Гос. думы, которое будет поддержано Гос. советом.

Ефремов. — Мы предпочитаем обратный путь. Пусть правительство создаст свою программу и обратится к законодательным палатам. Совершенно бесполезны всякие переговоры с теперешним правительством. Горизонты Милюкова заманчивы: я бы согласился пойти и сказать: вон, очистите место для общественных деятелей! Я согласился бы смотреть, как на ультиматум. Но предъявлять ультиматум, а потом—..? Нет, бесцельно и вредно итти. Пусть соглашение скорее получит огласку.

Ковалевский. — Возникли вопросы тактики в думе. В них я не вправе входить. Но так как действуем согласно, то скажу, как мне рисуется выступление, к которому мы можем присоединиться. Нет примера, чтобы притти к правительству и сказать: убирайтесь! Возможно в парламентарных странах. Мы можем сказать: если будете проводить, не встретите противодействия; иначе мы всегда будем вотировать против вас.

Шульгин — расходится с Крупенским. Мы исходим из предположения, что правительство никуда не годится. Мы должны давить на него блоком в 300 человек. Если же Крупенский говорит, что мы только тогда мы, когда сговоримся с правительством—у вас во фракции работает правительственная рука. Мы должны познать себя. 1-й вопрос: что такое мы? Мы не знаем взаимных отношений. Есть ли право veto?

Крупенский. — У нас левое крыло.

Шульгин. — Имеем ли право предпринять важный шаг без предварительного согласия? Если мы — прочное соглашение, тогда идем к правительству.

Савенко. — Мы принимаем независимо от отношения правительства, но как добрый совет, а не ультиматум. Если правительство не внемлет, мы пойдем своей дорогой. Но если не ультиматум, не может быть опубликовано до соглашения с правительством. Нужно расшифровать, что значит не поддерживать черного блока и не поддерживать революцию.

Шингарев. — Если дело стоит, как сказал Крупенский, то не знаю, можем ли мы разговаривать. Боюсь, что и политические партии обречены на опоздание, как правительство. Мы должны сказать правительству, и это должен быть ультиматум. «Добрых советов» — правительство не слушает.

Львов. — Соглашение будет обязательно, раз подпишем. Но другое дело: практический результат. Для внутридумской работы — это хорошо. Но управление не от нас зависит. Мы согласны с Оболенским и Олсуфьевым, что программа не должна носить ультимативного характера. Мы поступаемся многим — переходим к либерализму. Встать на путь парламентской борьбы, когда война, мы не вступим. Надеемся, что этот блок будет настолько силен, что убедит правительство вступить на новый путь. Иначе — перед нами пропасть, в которую мы не пойдем, и блока не будет.

Шидловский. — Вы, следовательно, в минуту опасности выходите из блока?

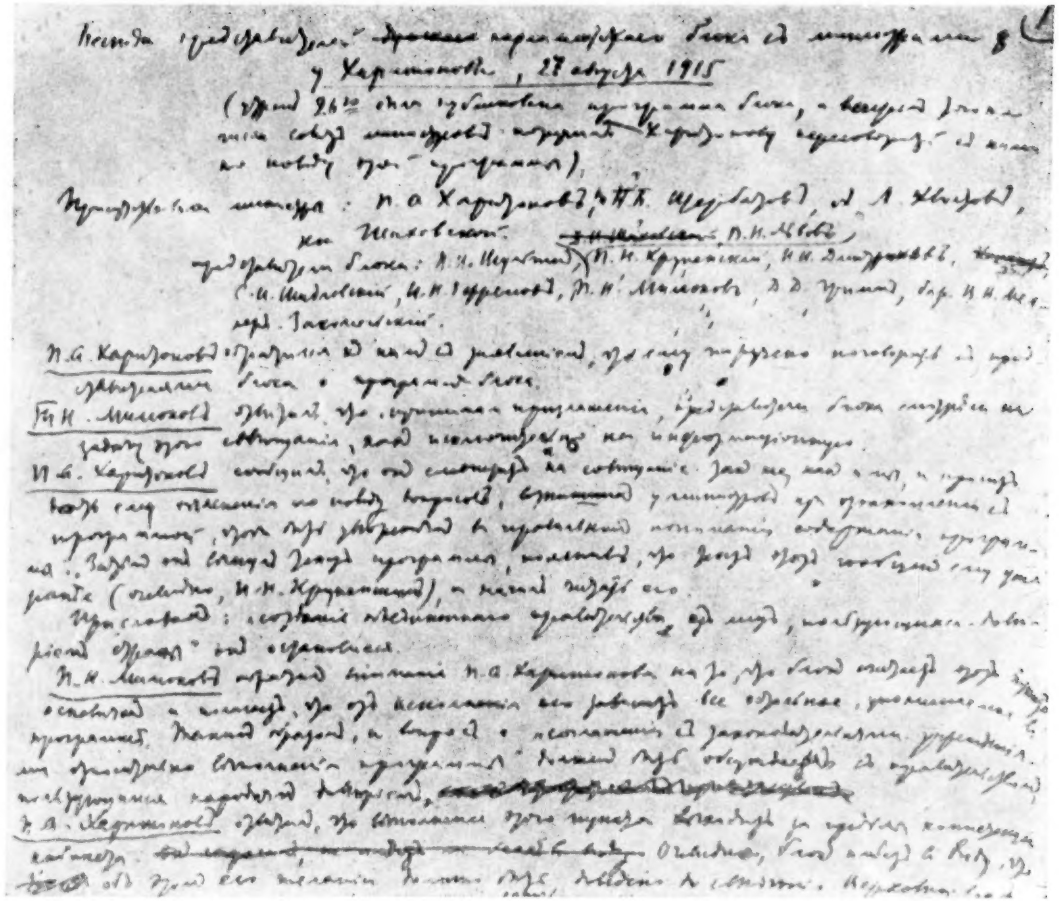
Стахович. — Зачем мы 4 вечера говорим для какой-то petit jeu?

Львов. — Уступки должны быть коллективно обсуждены. С правительством вступает в переговоры блок. Если компромисс будет неприемлем, то... Если чисто общественное министерство, то вся программа; иначе — компромисс.

Олсуфьев. — Мы фактически проводим парламентское министерство. Отсюда секрет. Если правительство не примет, — никаких революционных последствий. Пусть правительство распустит думу. Но 5-я дума будет радикальнее.

Бобринский. — Они обойдутся без думы.

Олсуфьев. — Это уже их дело.



Запись беседы представителей парламентского блока с министрами 27 августа 1915 г.

(См. стр. 145)

6.

Беседа представителей парламентского блока с министрами у Харитонова 27 августа 1915 года [29].

(Утром 26 была опубликована программа блока, и вечером того же числа Совет министров поручил Харитонову переговорить с нами по поводу этой программы).

Присутствовали министры: *П. А. Харитонов, кн. Н. Б. Щербатов, А. А. Хвостов, кн. Шаховской.*

Представители блока: *В. В. Шульгин, В. Н. Львов, П. Н. Крупенский, И. И. Дмитрюков, С. И. Шидловский, И. Н. Ефремов, П. Н. Милюков, Д. Д. Гримм, бар. В. В. Меллер-Закомельский.*

П. А. Харитонов [30]) обратился к нам с заявлением, что ему поручено поговорить с представителями блока о программе блока.

П. Н. Милюков ответил, что, принимая приглашение, представители блока смотрели на задачу этого совещания, как исключительно на информационную.

П. А. Харитонов сообщил, что он смотрит на совещание так же, как и мы, и просит дать ему объяснения по поводу вопросов, возникших у министров при ознакомлении с программой, чтобы быть уверенным в правильном понимании содержания программы. Затем он вынул текст программы, пояснив, что текст этот сообщен ему уже ранее (очевидно, Крупенским), и начал читать его. При словах: «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны», он остановился.

П. Н. Милюков обратил внимание Харитонова на то, что блок считает этот пункт основным и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе. Таким образом и вопрос о «соглашении с законодательными учреждениями относительно выполнения программы» должен быть обсужден с правительством, пользующимся народным доверием.

П. А. Харитонов ответил, что выполнение этого пункта выходит за пределы компетенции кабинета. Очевидно, блок, имеет ввиду, что об этом его желании должно быть доведено до сведения верховной власти.

П. Н. Милюков и *И. Н. Ефремов* подтвердили, что именно так они и смотрят.

П. А. Харитонов заявил, что он доложит Совету министров об этом желании блока, и продолжал читать программу.

Кн. Н. Б. Щербатов [31]) при словах «строгое проведение начала законности в управлении» заметил: русский народ по существу беззаконник. К нему, Щербатову, постоянно обращаются с просьбами об

изъятиях и о нарушении закона. Последние постановления земств и городов также несомненно выходят из рамок закона.

П. Н. Милюков отметил в словах министра отражение славянофильского взгляда, по которому, согласно словам поэта Алмазова, широкая натура русская не признает юридических начал. Во всяком случае, власть ничего не делает для приучения населения к законности. Напротив, коренное зло русской жизни заключается в усмотрении и произволе, которые тем более давят слабого и услуживают, не считаясь с законом, сильному, чем ниже мы спускаемся по лестнице администрации. Такой режим беззакония поддерживает анархическое начало русской жизни, и не население виновато, если для выражения его законных желаний не находится строго законных форм. До резолюций съездов общество доведено теми «приемами управления», на отмене которых настаивает программа блока. Но, в отличие от 1905 года, теперь в русской жизни имеется среда, которая может противопоставить соблюдение законности — как беззаконию справа, так и беззаконию слева. Программа блока впервые в русской жизни объединила все общественные течения, стоящие за законность. Но цели своей парламентский блок не может достигнуть выполнением одной законодательной программы. Суть вопроса о восстановлении внутреннего мира все-таки находится в сфере управления. Говорят, например, много «о свободах». Но что может сделать законодательное проведение «свобод», когда даже существующие «временные правила» о них совершенно не соблюдаются? По поводу «устранения двоевластия» П. Н. Милюков, поддержанный другими депутатами, заявил, что при жалобах думы на злоупотребления она постоянно принуждена выслушивать ответ, что то или другое не зависит от них, а от военных властей. В эту сферу входит ряд вещей, составляющих неотъемлемую принадлежность гражданского управления. «Двоевластие» перепутывает установившиеся отношения и содействует расстройству внутреннего порядка.

Кн. Щербатов по поводу «обновления состава местной администрации» заметил, что правительство уже встало на этот путь, и что десяток министров [?], уволенных втечение месяца, кажется, цифра немалая.

Депутаты отвечали, что они впервые слышат о такой цифре сменных, что некоторые из вновь назначенных не удовлетворяют назначению и что вообще для политического эффекта меры надо бы было отставлять не потихоньку, а демонстративно и не пересаживать в Сенат, а отпускать с внешними знаками немилости. Демонстративная отставка одного губернатора может сделать больше, чем распыленная таким образом мера.

Кн. Щербатов ссылался на трудность выбора кандидатов в губернаторы.

Переходя к списку мер, необходимых для осуществления политики внутреннего мира и устранения розни между национальностями и классами, *П. А. Харитонов* остановился на статье 1-ой. Прежде всего он заметил, что здесь, очевидно, подразумеваются в ы б о р ж ц ы.

Дмитрюков, Шидловский, Гримм ответили, что далеко не одни выборжцы устранены от политических и сословных выборов, потому что «судом не оправданы». В таком же положении находится Колюбакин. Пользование этой статьей является оружием политической борьбы в руках правительства, особенно в предвыборное время. Уголовные преступники исключены из помилования, равно и изуверные секты; исключены и террористы и экспроприаторы.

А. А. Хвостов [32]) заметил, что он каждую неделю по частным ходатайствам представляет к помилованию до 10 осужденных.

Депутаты ответили, что здесь разумеется не частная мера, а общая, не в порядке ходатайства, а в порядке политического акта забвения, каковой обыкновенно сопровождает крупные общественные переломы. Словом, речь идет о б а м н и с т и и.

П. А. Харитонов подчеркнул, что министрам важно знать, что здесь разумеется общая амнистия.

Депутаты поправили: не общая, а частичная, но в качестве коллективной меры.

И. Н. Ефремов заметил, что в программе блока, видимо, по ошибке выпала часть этого отдела, говорившая о помиловании 5 депутатов с.-д. и восстановлении их в правах депутатов. Это надо было сделать еще до созыва думы.

П. Н. Милюков подтвердил, что пункт этот был и оказался выпущенным по ошибке.

А. А. Хвостов сообщил, что у него был А. Ф. Керенский и грозил ему скандалом с кафедры Гос. думы, если в три дня он не решит дела в пользу депутатов. Он рассмотрел, вместе с Керенским, его черновые заметки и подробно ознакомился с подлинным делом. Его впечатление после всего этого, что суд не совершил ошибки. Он основывается на тексте, принятом депутатами, который, по его мнению, уже заключает в себе криминал. Однако он готов был ходатайствовать о помиловании и просил лишь Керенского, чтобы осужденные прислали телеграфное заявление, что в самом деле осуждают «пораженчество». Керенский от этого отказался.

П. Н. Милюков обращает внимание на трудное моральное положение, в которое министр поставил депутатов своим требованием. Купить помилование путем формальной ретрактации хотя бы таких взглядов, которых осужденные не разделяют, — политически невозможно: это равнялось бы для депутатов с.-д. политическим самоубийством, кото-

рого нельзя от них требовать. Притом амнистия по существу не есть пересмотр приговора по каким-нибудь новым обстоятельствам, а прощение вины.

Депутаты поддерживали эти заявления П. Н. Милюкова.

Пункт 2-й о возвращении административно высланных не вызывает возражений. Министры даже говорят, в неопределенной форме, что к этому приступлено.

П. А. Харитонов по пункту 3-му (прекращение преследований за веру) напоминает, что члены Гос. думы и Гос. совета получили записку Скирмунта о католиках.

П. Н. Милюков. — Здесь разумеется еще и преследование штундистов, о которых я говорил в Гос. думе. Преследование это не прекращается, а усиливается. Необходимо этому положить конец.

Кн. Щербатов. – Штундисты последнее время, особенно по близости к западной границе, занялись пропагандой антимилитаристических идей. У нас имеются об этом донесения, которые мы не можем игнорировать. Здесь видно прямое германское влияние.

П. Н. Милюков. – Во-первых, часть сектантов уже давно, т. е. независимо от германских воздействий, держалась антимилитаристских идей. Но это не мешало им занимать военные должности нестроевого характера. Донесения на сектантов пишут обыкновенно миссионеры, и мы знаем, какую цену имеют эти донесения. Штундисты, в частности, служат в войске и проливают кровь за родину.

П. А. Харитонов по поводу 4-го пункта замечает, что об автономии Царства польского уже заявлено Горемыкиным, и отмена ограничений в правах (служба, дворянские организации) возможна. Но что разумеет блок под «пересмотром узаконений о польском землевладении»? Собственно, переход земли уже облегчен.

В. Н. Львов. — Мы хотим в государственных целях не допустить полонизации Западного края путем расширения польского землевладения и постановили — разрешить этот вопрос вместе с вопросом о даровании автономии, чтобы мирно сговориться с поляками и покончить с польским вопросом сразу во всей его совокупности.

П. Н. Милюков. — Так как В. Н. Львов высказал мнение, представляющее отголосок прений, происходивших между нами до заключения блока, то я позволю себе указать, что было и другое мнение, противоположное, и принятый в заключение текст носит на себе следы компромисса. Под «пересмотром» я и В. Н. Львов, конечно, разумеем различные вещи: я разумею снятие ограничений, а он их закрепление и, может быть, усиление. Помимо невозможности в данную минуту говорить о новых ограничениях прав поляков, для нас это — принципиальный вопрос. Мы не можем допустить различия в гражданских правах между

двумя категориями граждан. Точно также мы не можем говорить о каких-нибудь договорах с поляками на тему: мы уступим в одном, вы уступите в другом. И в том и в другом дело решается не сделками, а государственным интересом. Ввиду этого мы разумеем «одновременность» реформ статьи 4-й не в смысле их взаимной обусловленности, как В. Н. Львов и в особенности А. И. Савенко, но в смысле одинаковой «немедленности». Мы настаиваем на немедленном внесении законопроекта об автономии, как я говорил правительству еще в январе, с той целью, чтобы изъять этот вопрос из сферы международных соглашений, разрешив его немедленно внутренним законодательным порядком. По этой же причине мы не считаем обсуждение этого вопроса несвоевременным. Подготовив закон ко времени нашего нового наступления, мы будем распространять его действие по мере занятия территорий, населенных поляками.

Харитонов. — Я так и полагал, что под формулировкой статьи 4-й скрывается внутреннее разногласие. О «пересмотре», конечно, можно говорить только в смысле снятия ограничений по землевладению. К этому уже приступлено допущением перехода польских земель не только полякам, по наследству.

П. Н. Крупенский высказывается по пункту 5-му об «отмене ограничительных законов для евреев». Я – прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь в особенности, когда Барк поехал заграницу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменой политики относительно евреев.Таким образом я сознательно отказался от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступиться.

Кн. Щербатов. — Собственно правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства итти дальше.

Но ведь Гос. дума имеет законную возможность доводить до сведения монарха о своем неудовлетворении деятельностью того или другого министра.

П. Н. Милюков заявил, что, конечно, ст. 60-я учреждения о думе дает право по постановлению 2/3 доводить до сведения монарха о неудовлетворительных ответах отдельного министра на запрос о незакономерности того или другого отдельного его действия. Но Гос. дума систематически избегала пользоваться этим параграфом, находя, что

не следует вмешивать лицо государя в споры думы с правительством. К тому же такой шаг не шел бы дальше осуждения отдельного лица за отдельный акт прямого нарушения закона. Гос. дума избрала другой путь для выражения недоверия всей политикой министерства. Она выносила, иногда именно большинством 2/3, неодобрительную формулу перехода после бюджетных прений. Такую формулу она вынесла, еще до войны, по поводу политики недавно ушедшего министра. Если бы Гос. думу послушали тогда, то мы перенесли бы войну с иным общественным подъемом, чем теперь. К сожалению, на вотумы думы не обращали ровно никакого внимания, и это поставило вопрос о необходимости иметь министерство не бюрократическое, а общественное.

С. И. Шидловский подтвердил, что Гос. дума имеет свой взгляд на статью 60-ю, и требует, чтобы в вотуме думы имелись налицо определенные сакраментальные слова, которые бы вызывали применение статьи 60-й.

И. Н. Ефремов подтвердил, что представители блока имеют ввиду, требуя смены министерства, что об этом будет доведено до сведения верховной власти.

П. А. Харитонов продолжал читать программу.

7.

29 августа у Меллера-Закомельского.

Я. — Делаю доклад о первых шагах блока и ставлю вопросы (опубликование, боевое крещенье, ратификация Гос. совета, поляки и Путткамер, подпись с оговоркой); о внутренней организации; о дисциплине блока (моральные обязательства); о кандидате блока в министерство доверия.

Крупенский. — Организация и дисциплина — думское дело. О кандидате может быть только обмен мнений.

В. Бобринский. — Обсуждение имен попадет в печать и будет использовано против нас. Рано и опасно.

Шидловский. — Общих вопросов два. 1) Подписание с о г о в о р к о й. Решительно против. Это был бы смертельный удар блоку. 2) О л и ц а х — мы н е в е л и политику личную. Необходимость обменяться вызывается тем, что вдруг нас спросят. Мы должны быть готовы ответить. Не вопрос с п и с к а, а л и ц а, которое могло бы составить этот список.

Шингарев настроен пессимистически. Мы встретим жестокое сопротивление со стороны сфер, враждебных общественности. Отговорят государя. Засилие немецких аргументов (поражение). Не возражаю против предусмотрительности, но долго еще будет академической.

Капнист. — Возможность благоприятного исхода не исключена, и обменяться можно, но пускать имена нельзя.

В. Львов. — Прежде чем касаться имен, надо решить о роли председателя Совета министров. Столыпин был действительно главою, ответственною за действия объединенного кабинета. После началось разрушение: идея — что объединение — верховная власть. Идея кабинета расстроена. Коковцову указано — не играть роль Столыпина. Нужно остановиться на указании лица, твердого и сильного. Такое лицо встретит оппозицию у самого. Частое председательство его в Совете министров — нежелательно. Тогда превращается в Совет при верховной власти, безответственный. Таким образом согласен с Милюковым и Ефремовым.

Милюков. — Чем мы останемся удовлетворены? Кривошеин? Поливанов? Общественный деятель во главе (не называя лица)?

Ковалевский. — Я писал, что разумею под министерством народной обороны — не лица — но выдвинул союз земств и городов, военно-промышленные организации, в Думе имена более или менее популярные. Но я не позволял себе говорить об одном лице, которое составит министерство. Это — либо великий визирь, либо английский премьер: первый — без ответственности перед палатами, второй — с ответственностью. Так как я боюсь визиря, то не употреблял мысли о провиденциальном человеке — вышучивал его и в статье. Тогда решайте вопрос не об одном, а о списке. А если не будет поставлен вопрос об ответственности и одно лицо составит список, как хочет, могут последовать неожиданные результаты. Создавать власть безответственного премьера при русской солидарности — дело довольно страшное.

Д. И. Шаховской. — Согласен с Ковалевским. Непрактично называть кого бы то ни было. Это был минус даже для Кривошеина, который ездил полечиться. В правительстве сложился взгляд, что блок нежизненен, а потому — переживем как-нибудь тяжелое время. Создадим объединенный кабинет на борьбу с народными представителями. Назовем лиц, которых не желаем: наверно, не попадут [33]).

Крупенский. — Согласен, что очень опасно, медвежья услуга. Если вы наметите, смерть кандидату.

В. Бобринский. — В газетах пишут (наши враги), что мы — за парламентаризм. Но мы за него не боремся. Он не существует теперь ни во Франции, ни в Англии.

Шидловский. — Страшно смущен тем, что сказал М. М. Это несогласно с подписанным нами документом. Мы не требуем ответственного мини стерства. Мы должны остановиться на визирате.

Опочинин. — Мы не просим ответственное министерство, но известный usus выростет в юридический институт. Сейчас не говорим, но потом, может быть, создастся. Сделаем ошибку, если не станем на путь названия имени. Если не выставим имени, а будет назначено не удовлетворяющее нас лицо, то будет длительный кризис. Надо назвать имена, а не имя, дать возможность выбрать. Указывая ряд имен, мы никого не опорачиваем. Но до этого дело дойдет; мы можем оказаться неподготовленными.

Ковалевский. — Боясь визирата, я и хотел выставить несколько имен для занятия других портфелей. Вы вашим соглашением положили начало ответственного министерства. Кабинет общественного доверия будет встречать поддержку возникшего блока.

Шидловский. — Горемыкин нам говорил о диктатуре. Мы возражали: на кого же будет опираться?

Я. — Какого типа должен быть глава министерства? Вопрос о списке зависит от лица.

Годнев. — Логически вытекает, что надо выполнять все, на чем согласились. Мы можем выжидать: никто из теперешнего состава министерства не может быть премьером. Мы можем решить, кто пользуется доверием. Если откажемся, сделаем соглашение мертвой буквой. Спросят: кто же пользуется доверием? Верховная власть может решить, что ее выбор и соответствует общественному доверию. Я категорически против Кривошеина: это то же, что и было. Надо, чтобы лицо руководило к.-н. из более крупной общественной организации. Указывать одно лицо невозможно. Потом можем указать и сотрудников. Не полагайтесь на вашего избранника: там его могут обойти, и вы получите такую компанию! Может быть, наилучшее лицо вас и погубит ... [34]) нами. Это дело темное. Может быть, власть соблазнит.

Ефремов. — 6 и 8 сентября предполагаются всероссийские съезды Земского и Городского союзов. Надо сговориться раньше и сказать от нашего блока.

Ковалевский. — Мы не занимаемся выбором военного и морского, может быть, и иностранных дел. Но из этих никто не может быть премьером. Желательны главы городской и земской организаций. Кн. Львов (Челноков), Гучков — ввести его в комбинацию. Партийных симпатий между нами нет, но А. И. Гучков настроен более боевым образом (настаивал вместе с Фальборком, чтобы не было изменений в городской резолюции), из среды думы.

Я. — (Из редакции). Горемыкин едет в ставку с отставкой Щербатова, Кривошеина, Харитонова, Игнатьева и назначением Крыжановского [35]).

Меллер-Закомельский — резюмирует. Тактичнее не называть лица. Но интересно осветить вопрос не с точки зрения оптимистической, а и с точки зрения пессимистической. Что делать, если получим Крыжановского и роспуск думы?

Шингарев. — Я имел ввиду информацию, что Горемыкин настаивает на Крыжановском. Вопрос парламентской борьбы отпадает. Мы можем обсуждать способы непарламентских действий.

Годнев. — Не думаю, чтобы распустили без срока. Но как должны поступить члены совещаний? Кто-нибудь уйдет.

Ковалевский. — Сегодня Крыжановский обнаруживал нервность, свойственную людям накануне их назначения. Слух идет и о Воейкове.

Крупенский. — И о Маклакове есть слухи.

Опочинин. — Теперь не до смеха. Я из армии получил сведения, что армия возлагает надежды на Гос. думу. Если слухи вероятны, то в интересах армии и государства мы должны принять меры: депутация к верховной власти. Иначе входим в такой тупик, который перевернет все.

Крупенский. — Если бы верховная власть пожелала, депутация только подольет масла. Вы только портите.

Шингарев. — Идея обращения к власти, когда нет выхода. Но дальше только конфликт с самой верховной властью. Пока мы этого не сделали, конфликта нет. Иначе, мы сами поставим вопрос. Я не вижу возможности предотвратить катастрофу собственными силами.

Меллер. — Крыжановский неукоснительно посещал заседания правых. Стали гнать проект о беженцах (для роспуска); повестку на сегодняшнее заседание получили утром и настояли на провед нии без поправок.

Шидловский. — Едва ли государь согласится по единоличному докладу Горемыкина.

Капнист. — Согласится распустить думу, отставки не примет, удалит Горемыкина.

Ковалевский. — Роспуск без рассмотрения подоходного налога. Нам важно, чтобы осталось впечатление, что дума достигла единения на умеренной программе. Мы выиграем, если в печать проникнет, что блок выразил желание создать министерство народной обороны и намечали представите-

лей общественных организаций (лиц, стоящих во главе общественных организаций).

Шидловский. — Не будем первые петь себе панихиду.

8.

После роспуска у Меллера [36]).

Начало не записано — после речи Ефремова.

Я — рассказываю о нашей уступке блоку — под условием компромисса. Надо быть последовательными — блок обязывает выйти.

Оболенский. — Мы можем сыграть громадную роль, показать зрелость народного представительства для оборудования конкретных задач. Один англичанин сказал, что русские предпочитают прекрасный жест реальному реультату. Это наше свойство — желание быть принципиально правым в момент опасности для родины. Если немцы нами завладеют, и мы будем возлагать ответственность на правительство — скажут: мы дети. До роспуска я колебался, но теперь — мы единственное соединение, которое может обмозговать все положение. Приветствую сообщение П. Н. Милюкова. Нам нужны две конкретные вещи: 1) то, что сделано Горемыкиным, чтобы не разгорелось в пожар, 2) по существу осуществить то, что нужно для блага государства. Последствия меры Ефремова (выход) — пожар разгорится: забастовки, отказы Городского и Земского союзов и т. д. В настоящее время не может быть никакого общения с Горемыкиным, но если другие министры — министр внутренних дел просто нас пригласил, как граждан: давайте обдумывать, как лучше устроить, — это можно. Другой вопрос — осуществление самой программы. Прежде всего надо устранить Горемыкина. Для этого доклад государю, который представит Родзянко. Созыв думы должен быть ускорен.

Шебеко. — (Отвечает *Ефремову*). Одной уверенности, что правительство стремится расколоть блок, для меня достаточно. Но я приведу и другие аргументы. Нужно ускоренное снабжение армии, и нельзя давать повода сказать, что мы пренебрегли. Большие круги, армия, возлагают на нас большие надежды и дорожат нашим присутствием.

Шидловский. — Возможно возразить Ефремову (на случай обсуждения во фракции): вы выставили условия победы, несоблюдение которых дает поражение; вы ставите себя в положение — доказать, что вы правы поражением, ибо условия не соблюдены.

Опочинин. — Во фракции прогрессистов до созыва думы вы стояли на точке зрения совещаний и приветствовали их. Теперь образовался блок с программой, мы стали в лучшие условия для проведения

контроля, а вы находите, что теперь нельзя участвовать. Наша программа вас смущает, потому что мы в лучшем положении.

Ефремов. — Хотелось бы иметь надежду на отклик и признание среди блока. Чтобы говорить с товарищами, я хотел бы услышать доказательства моей неправоты. До сих пор не слыхал. Армия надеется на думу, а не на совещание. Вероятно, не узнает, состоим ли в совещании. Но то, что мы остались работать с теми же министрами, произведет тяжелое впечатление. Я говорил о смене целого министерства, но министров военного, морского, иностранных дел нежелательно менять: их только надо вновь пригласить. Дорожу не доказательством правоты нашей, а победой, — но для нее нужна смена правительства. Если примиримся с роспуском, значит, говорили на ветер. Первым средством борьбы — уход из совещаний всех членов блока. Тогда ушел бы Горемыкин.

Ратьков-Рожнов. — Крестьяне говорили мне, что рады образованию совещаний. Если забастуем в отместку Горемыкину, дискредитируем думу в глазах крестьян.

Меллер. — Нет большей победы для Горемыкина, чем раскол блока. Нет больше поражения, как восстановление блока при созыве Гос. думы.

Маклаков. — Психологическая связь с предложением об уходе — есть. Логической связи не вижу. Участие в совещаниях не равняется акту доверия. Если бы мы верили, тогда бы не надо итти. Роспуск — удар не только по думе, но и по общественности. Мы тогда должны будем настаивать, чтобы прекратилась работа союзов и погибала Россия. Это было бы страшно. Если бы забастовала Россия, власть, может быть, уступили бы, но этой победы я не хотел бы. Лучшее реагирование — в том, что мы промолчали. Горемыкин уже в эту думу не придет. Мы его победили тем, что сказали, что мы служим стране. Если бы мы могли сказать еще стране — будь спокойна, еще больше убили бы: но не понадеялись друг на друга. Шаг наш был бы либо смешон, либо...

Я. — Первый шаг — свалить Горемыкина, а это возможно политикой сдержанности.

Ковалевский. — Не понимаю позиции ухода. С уходом ничего не изменится, но явится возможность нового поклепа на патриотизм: для счетов со стариком готовы жертвовать обороной. Такое предположение могут сделать враги, союзники, нейтральные государства, особенно если это подорвет мобилизацию промышленности. Главная задача — удержать соглашение. Все участники переживают одинаковое недовольство, и соглашение выйдет из испытания более прочным. Нельзя допустить, что

Горемыкин будет связывать свой шаг с какими-нибудь успехами. Напротив, предстоят тяжелые испытания, и если они будут приписываться непатриотическому поведению, — это нехорошо. Вы заняли в совещаниях положение контролеров. Этой позиции нельзя сдавать.

Ефремов. — Убежден, что фракция, выслушав доводы, затруднилась бы немедленно отменить решение. Но, может быть, возможно на некоторое неопределенное время отсрочить. Но другие фракции должны признать, что могут наступить обстоятельства, когда все выйдут.

Крупенский. — Да, если победит Горемыкин, а все министры выйдут.

Бобринский. — Наша фракция постановила оставить вопрос открытым.

Шидловский. — Шидловский подтверждает. Другие — тоже.

Шингарев. — Вернемся к основному предложению блока: всем стать на общую позицию, а не убеждать друг друга в нецелесообразности основной позиции выхода.

Гримм. — У нас было тоже заседание президиума с представителями групп. Голубев предложил заявление и телеграмму государю, что до полной победы не будет мира и все силы страны будут объединенно действовать. Куломзин обратился к Нейдгарту, не полагает ли он сделать такое заявление. Нейдгарт отказался. Икскуль обратился к Кауфману, чтобы редактировать. Пошли за ним. Голубев указал на члена по выборам Меллера. В это время пришел Кауфман — (неловкость). Меллер обещал подумать и после перерыва прочитал проект заявления, между прочим, надежду, что правительство сумеет объединить и направить общественные силы к победе. Куломзин затруднился: здесь даются директивы. Коковцов: как можно надеяться, что это правительство объединит? Тогда Меллер отказался. Никто не пожелал и решено: без заявлений.

Крупенский. — Что предлагала правая группа (программа)?

Меллер. — Я делал некоторые шаги. Третьего дня говорили о пятом сентября, как дне роспуска. Правые решили составить контрпрограмму, которая бы кончалась пожеланием роспуска, чтобы показать, что победило одно из двух течений, а Горемыкин — непричем. Но распустили 3-го, и их рассчеты лопнули. Вопрос о предложении Родзянко — участвовать в составлении доклада. Пусть он нам даст проект доклада.

Олсуфьев. — Как вести себя на московских съездах? Рекомендовать держаться выжидательной точки зрения.

Крупенский поддерживает. Пусть Шингарев, Маклаков...

Я. — Нельзя душить, а направить в канал поддержки Гос. думы.

Ефремов. — Надо дать свободу городским и земским деятелям, пусть будут энергичнее и определеннее наших. Они не призваны непосредственно делать политику.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Подлинник этой записи не имеет даты; поставлена она первой, потому что, судя по содержанию, запись относится к первой встрече тех представителей фракций и групп Госуд. совета и Госуд. думы, которые вошли в блок. Не представляется возможным точно установить и место, где происходил совещание блока. Состав этого совещания почти целиком представлял основное ядро президиума блока до конца его существования, т. е. до Февральской революции. В него входили следующие фракции. а) фракции Госуд. думы—прогр. националисты: Бобринский, Вл. Ал., Савенко, Ан. Ив., Шаховской, Дм. Ив., Шульгин, Вас. Вит.; центр: Крупенский, Пав. Ник., Львов, Вл. Ник.; октябристы (земцы): Варун-Секрет, Сер. Тим., Годнев, Ив. Вас., Дмитрюков, И. И., Капнист, Дм. Пав., Ростовцев, Н. А., Стемпковский, В. И., Шидловский, Сергей Илиод.; прогрессисты: Ефремов, И. Н.; кадеты: Маклаков Вас. Алекс., Милюков, П. Н., Шингарев, А. Ив. Фракции Госуд. совета — правые: Гурко, Вл. И., центр: Ермолов, А. С., Меллер-Закомельский, В. В., Оболенский, А. Д., Олсуфьев, Дм. А. Шебеко, Игн. А.; академическая группа: Гримм, Д. Д., Ковалевский, М. М.; внепартийные — Стахович, М. А.

[2]) Подавляющая часть членов Госуд. совета и значительная часть Госуд. думы, представлявшая помещика-крепостника, крупную финансовую и торговую буржуазию и защищавшая их интересы, теснейшим образом была связана с правительством и придворными кругами. Эта сплоченная группа черносотенцев играла активную и ведущую роль в борьбе с революционным движением за реставрацию политического положения, существовавшего до 1905 г., и проводила во всех областях хозяйственно-политической жизни реакционную политику.

[3]) Гучков, Александр Иванович, виднейшая фигура в буржуазно-помещичьих кругах, глава крупной торговой фирмы; был членом и одно время председателем 3-ей Госуд. думы; председатель Ц. К. партии октябристов. В годы войны был председателем Центр. Военно-промышленного комитета. Во Временном правительстве до 20 апреля был военным и морским министром.

[4]) Так в подлиннике. В «темных силах», т. е. в тех лицах, которые, не занимая каких-либо должностей в правительстве, оказывали на характер правительственных органов большее влияние, чем официальные представители власти (Распутин, кн. Андронников, Вырубова, банкиры, всякие дельцы и шантажисты вроде Манасевича-Мануйлова), буржуазно-помещичьи круги видели основную причину всех «бедствий». Весь строй, вся система были для них незыблемы, и вся их «борьба» направлялась против этих «темных сил». Поэтому-то так высоко ценился в этих кругах Столыпин, сумевший, по их мнению, обеспечить свою самостоятельность и независимость в своих сношениях с царем, опустив «железный занавес» между верховной властью и «темными лицами».

[5]) Горемыкин, Ив. Лог., помещик, ярый крепостник, виднейший царский сановник, два раза бывший председателем Совета министров (1906 г., когда ца-

ризму нужно было разогнать I Госуд. думу, и в 1914—1915 гг.). Летописи революционного движения знают его, как одного из убежденнейших инициаторов и проводников самой жестокой расправы с революционным движением.

[6]) Очередная сессия думы собралась 19 июля и продолжалась до 3 сентября. Слухи о роспуске думы возникли с первого же дня ее занятий; подписанный Николаем II бланк указа о роспуске думы лежал в портфеле Горемыкина и только военные неудачи и давление «союзников» заставили его вставить определенное число — 3 сентября.

[7]) Т. е. Павел Николаевич Милюков.

[8]) В июне — июле 1915 года происходило паническое отступление русских войск из Галиции и Польши, в результате которого немецко-австрийские войска не только освободили все земли, входившие в состав Германии и Австрии, но заняли всю Польшу, часть Литвы, Латвии и Белоруссии.

[9]) Так в подлиннике.

[10]) Имеется ввиду б. вел. кн. Николай Николаевич, отстраненный от верховного командования в августе 1915 г. Николаем Романовым, который заменил его на этом посту.

[11]) Рёчь идет о Николае Романове.

[12]) Так в подлиннике.

[13]) В подлиннике окончание речи не записано.

[14]) На этом заканчивается запись первого совещания президиума блока.

[15]) С этого времени начинаются регулярные заседания блока, происходившие в 1915 г. и отчасти в 1916 г. на квартире Меллера-Закомельского.

[16]) Заседания 14 и 15 августа были посвящены установлению основных положений будущей «программы» блока, разделявших отдельные группы помещиков и буржуазии. Набросок этих положений был первоначально выработан Милюковым; он и лег в основу проекта платформы блока. Среди материалов, относящихся к выработке декларации блока, имеется документ с заголовком: «Программа министерства общественного доверия (минимум условий, необходимых для восстановления доверия страны и власти); средина августа 1915 г.». Вот текст «программы»:

1. Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления, возвращение с.-д. депутатов.

2. Коренное изменение приемов управления:

а) Обновление состава местной администрации.

б) Введение губернаторского произвола в рамки законности.

в) Меры в области национальной политики:

1. В еврейском вопросе: отмена черты оседлости, отмена процентной нормы в учебных заведениях, восстановление еврейской печати.

2. В финляндском вопросе: отставка Зейна, изменение состава сената, фактическое неприменение закона о равноправии.

3. В украинском вопросе: восстановление украинской печати, освобождение «заложников» и униатских духовных лиц, заключенных и сосланных в Сибирь.

4. Меры в области вероисповедной политики: соблюдение законов о веротерпимости.

3. Законодательная программа организации страны для победы:

а) Законопроект III Госуд. думы о волостном земстве.

б) Законопроект о введении земства в Сибири, Архангельской губернии, Донской области и на Кавказе.

в) Пересмотр земского положения по законодательному предположению прогрессистов.

г) Закон о кооперации, внесенный пятью фракциями Госуд. думы.

д) Законопроект об отдыхе торговых служащих, проведенный III Гос. думой.

е) Законопроект об увеличении содержания почтово-телеграфных служащих (внесено правительством).

ж) Пересмотр исключительных положений, временных правил о свободах и полицейского устава.

з) Законопроект о переходе из одного вероисповедания в другое.

4. Меры для поддержания социального мира:

а) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований рабочих представителей в больничных кассах. Восстановление рабочей печати.

Редакция платформы была поручена особой комиссии; на состав ее указывает приписка Милюкова на обороте документа: «Гурко, Гримм, Оболенский, Шидловский, Савенко, Милюков, Олсуфьев, Ростовцев и Меллер — хозяин и председатель».

[17]) Так в подлиннике.

[18]) Так в подлиннике.

[19]) Под словами: «фиктивные сделки» подписано: «пережитки».

[20]) Приводимая ниже программа дается в той редакции,которая была принята президиумом блока. Эта программа, как видно из текста, подверглась дальнейшим изменениям. Первоначальные варианты программы здесь не приводятся. В отношении отдельных мест, вызвавших наибольшие прения, делается ссылка на другие варианты. Выработанный президиумом блока проект был подвергнут дальнейшему обсуждению во фракциях думы и уже после этих исправлений был опубликован в газетах.

[21]) Пункт об амнистии первоначально был изложен в таких выражениях: «Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления (гл. II, III и V угол. ул.). В частности: а) пяти депутатов с.-д. фракции Госуд. думы, б) всех лиц, как отбывших, так и отбывающих» и т. д. Затем в начале было добавлено: «исходатайствование». После прений принята приводимая здесь редакция.

[22]) Пункты по польскому и еврейскому вопросу вызвали со стороны членов Госуд. совета и помещиков из Госуд. думы наибольшие возражения, но, в конце концов, после заявления Милюкова о расколе блока, редакция этих пунктов почти полностью сохранила свой первоначальный характер.

[23]) После принятия проекта программы на президиуме блока был решен вопрос и о том, кому она должна быть представлена; большинством голосов решено подать ее Совету министров в целом.

[24]) Окончание речи не записано.

[25]) Членами Госуд. совета, вошедшими в блок, было составлено и опубликовано следующее постановление (печатается по подлиннику): «Рассмотрев программу ближайших мероприятий по порядку управления и законодательству, объединившую значительное большинство Госуд. думы, и одобряя общие основания, намеченные в этой программе, группа центра Госуд. совета и примыкающие к ней члены кружка внепартийного объединения и группа академическая с примыкающими к ней беспартийными в соединенном заседании 24 августа 1915 года постановили: присоединиться к программе, объединившей Госуд. думу.»

[26]) Одно слово написано неразборчиво.

[27]) Так в подлиннике.

[28]) The king can do no wrong — король не может быть неправ.

[29]) «Беседа» записана Милюковым после 27 августа, поэтому и характер изложения ее иной, чем всех других материалов. Полного изложения беседы не сохранилось: нет одного отрывка в середине и нет окончания. Самое расположение текста, написанного на маленьких и прежде склеенных, а теперь разрозненных листках, не имеет логической последовательности; это особенно относится к пункту о применении ст. 60 учр. о думе; но на этих листках рукой Милюкова поставлена нумерация. Все вместе взятое и заставляет дать материал в определенной автором последовательности.

[30]) Харитонов, П. А. в это время был государственным контролером.

[31]) Щербатов, Н. Б. — с 5 июня по 26 сентября 1915 г. был управляющим министерством внутр. дел и главнонач. отд. корп. жандармов.

[32]) Хвостов, А. А. — министр юстиции.

[33]) Так в подлиннике.

[34]) Неразборчиво.

[35]) Крыжановский С. Е. — ст.-секр., сенатор, в молодости выделялся либеральными взглядами, позднее, особенно с 1906 г., выдвигается, как яркий реакционер и преданный слуга самодержавия.

[36]) Роспуск думы был объявлен с 3 сентября 1915 г. и продолжался до 9 февраля 1916 г.

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг.

I.

Публикуемые ниже письма Николая Романова к матери составляют непосредственное продолжение публикации, помещенной в XXII томе «Красного архива». Обе публикации связывают не только даты составления, но и тематика. И те и эти письма насыщены внутриполитической злободневностью и густым бытом «семейства». То, что отличает эти письма от тех — это внешняя обстановка, в которой они писались, что и наложило на них свою печать. «У нас покамест все довольно тихо». Печать этой «тишины» лежит почти на всей переписке, изредка нарушаемая такими опасными для царизма «революционерами», как этот «идиот Гагарин». Короткая полоса времени, отделяющая даты тех и других писем Николая II, — это время наивысшего революционного шквала в России, когда, по собственному его выражению, «ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова». Тогда «исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все хотят». Тогда Витте помог ему сманеврировать и принять «страшное решение». «Мы находимся в полной революции, при дезорганизации всего управления страною... Мы прожили здесь годы, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы!» Еще полгода тому назад «мы сидели здесь почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом!» Все это уже было позади. То время, когда «стыд и позор», эти невесомые вещи, приходилось отодвинуть в сторону и бежать на яхту, когда «мерзавцы-анархисты приехали в Петергоф охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого князя Орлова», постепенно вытеснялось из убогой головы «самодержца всероссийского», чувствовавшего о себя, по определению матери, только «хоть немного на свободе — на «Штандарте» [1]).

Эти страшные для династии Романовых времена уже миновали. «Дубасов молодец и «бедный Мин» укротили революционную Москву. Вернувшиеся из Манчжурии войска и «хорошие и честные губернаторы» укротили на время всю Россию. Печатью последних событий окрашены письма 1907—1910 гг. Вряд ли эти письма внесут что-либо новое в уже прочно утвердившуюся историческую характеристику Николая Кровавого. Но тем не менее они представляют большой исторический интерес. Мимо них не пройдет ни историк народов СССР, ни историк революции и подготовки империалистической войны. Они также бросают яркий свет на отношения «семейства». Вдумчивый историк заметит,

[1]) «Красный архив», т. XXII, стр. 168, 198, 199.

читая те и другие письма, что между «семейством» и его «собственностью» — Россией последний царь не делал никаких различий. В основе управления тем и другой — «семейством» и Россией — лежала одна и та же идеология «квартального поручика» доброго старого времени, когда еще не было и участковых приставов [1]). За один и тот же проступок нынешнего «императора» Кирилла и Николая Николаевича он лишает первого — великокняжеского звания, а другому помогает сам устроить свои любовные дела. Причина ясна. Отец Кирилла, Владимир Александрович, только перед тем был отставлен от командования гвардией за то, что не сумел в 1905 г. водворить порядок в Петербурге, а «Николаша» успешно его водворил. Тот был, следовательно, тогда не нужен, а этот... «он мне так нужен!» Какая ирония судьбы! Лишенный одно время Николаем Романовым великокняжеского титула, а посему и права на престол, Кирилл ныне сам «императорствует» и возглавляет исчезнувшее «семейство» в зарубежных салонах.

Историю борьбы классов в России Николай II умел воспринимать через свою классовую философию.

Юмористически звучит то, что пишет этот лишенный юмора монарх: «Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина и Коковцова». Портят дело только «подлецы Кутлеры». Можно бы, наконец, на этом и успокоиться. Кадеты в 1907 г. не бог весть какая уже опасность для этого «конституционного» монарха. Беда только в том, что все то, что говорится в Думе, становится достоянием всех. «Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает».

Если бы все книги и газеты начиная с 1 марта до знаменитого переворота 3 июня 1907 г. исчезли, историю бытия и смерти II Думы можно было бы восстановить во всей исторической неприкосновенности по этому письму Николая Романова. Ее судьба была уже решена.

Надо было только подождать удобного момента, договориться с иностранными финансистами и найти удобный предлог. «Но это еще рано, нужно дать ей [Думе] договориться до глупости или до гадости и тогда хлопнуть».

Заставить II Думу договориться «до гадости» было вещью не легкой, во всяком случае, довольно длительной. Ждать не было никакой охоты, а надобности ждать еще меньше. Провокаторы Столыпина могли ускорить развязку. Уже через неделю Николай спешит уведомить мать об «удачных арестах 1 апреля в Петербурге 26 очень серьезных анархистов», которые замышляли не больше и не меньше как «покончить с Николашей, Столыпиным, Дурново, Орловым и со мною». По приказу свыше департамент полиции и прокуратура спешно оформляли «заговор» и готовили по всем правилам свода законов требование о выдаче социал-демократической фракции жандармам. Другой заплечных дел мастер, звезда которого только начинала восходить, сенатор Крыжановский в это время готовил новый закон о выборах в Думу. Как только эти работы были закончены, и существование II Думы также было окончено.

---

[1]) М. Н. Покровский, там же, стр. 153.

Годы проходили, а Николай Романов оставался верен себе и показывал даже признаки роста. Революция 1905 г. все меньше его тревожит. Неприятного Головина — председателя II Думы — сменил во всех отношениях приятный Хомяков. В 1908 г. Николай уже титулует «идиотами» не только тех, которые, подобно старому аристократу Гагарину, возмущались явными провокациями николаевской полиции. «На-днях идиот гр. Олсуфьев в Госуд. совете сказал, что Госуд. дума оказалась п а т р и о т и ч н о й»... Николай Романов в этом видит большую для себя опасность, чем в том, что говорят и пишут революционеры.

Реакция завершала свой порочный круг. Не только классы занимали свои боевые позиции, но и внутриклассовая дифференциация быстро определяла каждому свое место. Вокруг трона сгрудилось густопсовое дворянство и черная сотня. Пришлось даже удалить военного министра Редигера. Его вина состояла в том, что он публично признал, что не все командующие войсками военных округов и генерал-губернаторы стоят на высоте своего призвания.

И чем «спокойнее» становилось в России, тем большее отражение находит в письмах внешняя политика, тем больше Николай Романов уделяет внимания и международной революции. В этом отношении прямо замечательны его суждения о революции в Португалии, о конгрессе II Интернационала в Копенгагене, о событиях в Греции и т. д.

«Какая гадость произошла в Португалии!» Испытав на своей спине удары революции, ненавидя и преследуя ее, он не научился понимать ее. Он воображал, что нанесет революции удар, не признав или признав попозже республику в Португалии. Как раз про «гадость» в Португалии Вл. Ильич немного раньше писал: «Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т. е. бессильного в существе своем, не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция». По оценке Ленина, «до сих пор в Португалии удалось только н а п у г а т ь монархию убийством двух монархов, а не у н и ч т о ж и т ь монархию» [1]).

И революция 1905 г., руководимая нашей партией, как раз так и понимала свои задачи на первом этапе. Для нее было важно потрясти до основания трехсотлетнюю монархию, «ч т о б ы т е м л е г ч е было... перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической» [2]).

Когда испуг у Николая Романова прошел, он и впрямь вообразил, что его монархии уже не грозит опасность. Роль укротителя российской революции ему пришлась по вкусу. Получив свободу передвижения, он начинает наблюдать над рабочим движением заграницей.

Мимо его внимания не проходят и конгрессы II Интернационала. Насколько царизм был анахронизмом в начале XX века, свидетельствует сам его носитель. Он серьезно жаловался матери на то, что ее дядя допустил у себя в столице конгресс II Интернационала.

[1]) В. И. Ленин. Сочинения, т. XII, изд. 3, стр. 151.

[2]) В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, изд. 3, стр. 187.

«В республике это еще понятно, но в королевстве странно», — поучает он через мать своего дядю в Копенгагене. Опытный глаз «квартального поручика» правильно оценивает рабочее движение в Германии и Франции. «Во всем этом пахнет нехорошим духом революции!» Но революцию он понимает по-своему: «Больно за бедного дядю Вилли — какая награда за сорок лет царствования!» И монархическую идею он оценивает с точки зрения оставленных должностей бежавшими заграницу братьями «дяди Вилли». Надо ли после этого удивляться, что греки теперь ему «совершенно опротивели». Хотя в Греции обошлось благополучнее, чем в Португалии,—там было обычное офицерское pronunciamento, тем не менее Николай Романов, как мы знаем из последующей истории, и ей этого никогда не простил. И у этого человека был свой стиль.

Смерть Льва Толстого у него вызывает одно целеустремленное замечание: «К счастью, его похоронили очень скоро», — иначе, труп великого художника и непротивленца злу насилием мог сделаться опасным для живущего ничтожества.

II.

Письма, посвященные внешнеполитическим вопросам, а именно, пресловутому боснийскому кризису, заслуживают исключительно пристального внимания. Они не только говорят о том, какими глазами Николай Романов смотрел на инцидент и как он его воспринимал, они много дают и для понимания последующей, после марта 1909 г., политики царской России (ультиматум Германии от 10 (23) марта о безоговорочном признании Россией аннексии Боснии и Герцеговины).

Мнения и высказывания Николая Романова в данном случае подсказаны ему его советниками. Это легко доказать сравнением этих писем, которые он писал матери, с «личными» его письмами того же времени и по этому же вопросу австрийскому императору Францу-Иосифу, но которые составляли товарищ министра Чарыков и министр иностранных дел Извольский. Печатаемые письма, наконец, представляют большой интерес и для характеристики уровня царской дипломатии и осведомленности Николая Романова в важнейших государственных вопросах и тайнах. Вопросы, связанные с аннексией Боснии и Герцеговины, уже достаточно полно освещены в германской, австрийской и британской публикациях дипломатических документов. Кое-что было также напечатано по этому вопросу в I и X тт. «Красного архива». Когда Комиссия при ЦИК СССР по изданию дипломатических документов в эпоху империализма обработает материал и дойдет до этого периода, ее публикация, несомненно, даст много новых и важных документов, которые внесут существенные коррективы в установившуюся по этому вопросу схему.

Николай Романов утверждает, что Эренталь «подвел Извольского и теперь говорит совсем другое, чем при их свидании. Это ясно видно из писем и телеграмм Извольского». Воздержимся от суждения о телеграммах Извольского до их опубликования. Что же касается писем, то сам Извольский постарался их изъять из дела 29 октября 1908 г., и вряд ли они когда-либо будут найдены [1]).

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, л. 2.

Содержание разговора в Бухлау достаточно известно [1]), и поэтому небезынтересно будет остановиться на другом факте, о котором последний Романов ничего не пишет своей матери, но который ему был хорошо известен.

В начале 1908 г. барон Эренталь объявил в австро-венгерских делегациях о намерении построить в Новобазарском санджаке железную дорогу, которая должна была соединить австро-венгерские дороги с турецкими, что давало Австро-Венгрии выход через Салоники к Эгейскому морю. Русская печать всех направлений приняла этот план «наследственного врага славянства» в штыки, а русская дипломатия выдвинула свой план Дунайско-Адриатической дороги. Несмотря на ожесточенную травлю газетами Австро-Венгрии, русское правительство после длительных переговоров отправило 2 июля (н. ст.) 1908 г. в Вену ноту, в которой предлагало договориться по балканским вопросам на следующих началах: 1) Россия не будет препятствовать постройке Австро-Венгрией дороги Ушац-Митровица для выхода к Эгейскому морю. За это Австро-Венгрия «поможет» России получить концессию у Турции на Дунайско-Адриатическую дорогу, соединяющую Адриатику с русской железнодорожной сетью. 2) Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину и Новобазарский санджак; венское же правительство обязывается поддержать требование России на открытие прохода ее военным судам через Босфор и Дарданеллы.

Австро-венгерское правительство ответило 27 августа, что ему предлагают неравноправные условия, а именно: по вопросу о железных дорогах Россия требует от Австрии взамен пассивного действия (не препятствовать) активной помощи с ее стороны. Оно со своей стороны предложило другой план: Россия получает концессию на Дунайско-Адриатическую дорогу, а Австро-Венгрия на Эгейскую и Далматинскую дорогу через Черногорию на Скутари, причем должна быть обеспечена взаимная поддержка обоих правительств по интересующим их вопросам. «Что касается Боснии и Герцеговины, — говорилось далее в ноте, — мы их рассматриваем, как территории, которыми мы обладаем в течение 30 лет, в которые мы вошли на основании международного мандата и которые мы завоевали нашим оружием» (sic!).

Если Австро-Венгрия будет принуждена аннексировать Боснию и Герцеговину, то она тотчас эвакуирует Новобазарский санджак и надеется на дружелюбное отношение со стороны России. Константинополь и проливы нельзя связывать с аннексией Боснии и Герцеговины, но австро-венгерское правительство «соглашается при удобном случае вступить в дружественный обмен мнений по этому вопросу» [2]).

Этот «удобный случай» был создан через 20 дней. Извольский в то время только что удачно закончил первый этап своей политики. С Японией были урегулированы все вопросы на Дальнем Востоке, и Россия себя обеспечила с этой стороны. С Англией было достигнуто в августе 1907 г. соглашение по всем спорным вопросам в Персии и Афганистане. В начале июня произошло в Ревеле знаменитое свидание Николая Романова с Эдуардом VII, на котором обсуждались в благожелательном для России духе все балканские

---

[1]) Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik, I, № 79 и № 935.

[2]) Там же, №№ 2, 3, 9 и 48.

вопросы. Там же Извольскому пришлось услышать от помощника статс-секретаря по иностранным делам Чарльза Гардинга следующие многозначительные слова:

«...Тем не менее, — сказал мне сэр Ч. Гардинг, — нельзя закрывать глаза на то, что, если Германия будет продолжать тем же напряженным темпом увеличивать свои морские вооружения, чрез семь или восемь лет в Европе может наступить весьма тревожное и натянутое положение; тогда арбитром положения будет, несомненно, Россия; и вот почему в интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным на суше и на море». Мысль эту сэр Ч. Гардинг повторил несколько раз, как бы давая понять, что он выражал не личное свое мнение, а определенное политическое убеждение лондонского кабинета» [1]).

Ждать 7—8 лет, когда Россия сделается «более сильной на суше и на море», Извольскому вовсе не хотелось. Он сгорал жаждой активной политики на Ближнем Востоке. С этой целью он и отправился в европейское турне после лечения в Карлсбаде. Там-то его «перехватил» австро-венгерский посол в Петербурге граф Берхтольд и повез в свой богемский замок Бухлау, куда приехал и барон Эренталь. Однако еще за месяц до этого, 19 августа, австро-венгерский совет министров, не ожидая возражений со стороны России, решил аннексировать Боснию и Герцеговину [2]).

Извольский в Бухлау обязывался от имени России не поднимать возражений против аннексии Боснии и Герцеговины, взамен чего Австро-Венгрия должна была обязаться содействовать открытию проливов для прохода русских военных судов, для чего даже была согласована предложенная Извольским формула. Австро-Венгрия получала право провести Далматинскую дорогу до Скутари. Были выторгованы некоторые поблажки и для «братьев-славян». Было договорено, что Извольский изложит на бумаге результаты соглашения и пришлет их Эренталю. После утверждения этих соглашений они примут обязывающий для обеих сторон характер [3]). Извольский только возражал против даты аннексии. Он предлагал вместо начала средину октября, когда он будет в Петербурге и сможет парализовать кампанию в печати. Обо всем этом Николай II прекрасно знал, так как Извольский ему послал доклад о результатах переговоров 3 (19) сентября, т. е. за 22 дня до отправки Николаем матери письма, из которого мы взяли цитату о том, что Эренталь «подвел» Извольского. И не просто знал, а как мы увидим ниже, даже восторгался достигнутыми в Бухлау результатами. Что заставляло последнего царя лгать своей матери? Мы думаем, что мотивы у него были те же, что и в 1905—1906 гг., и которые отметил в свое время М. Н. Покровский [4]). Это не случайная, а строго обдуманная ложь. Письмо писалось 14 дней спустя после аннексии Боснии. В русской печати поднялся тогда страшный вой. Ругали не столько Австро-Венгрию, сколько русскую дипломатию и в первую очередь Извольского. Нежное сердце коронованного погромщика сжималось от боли за «несчастного Извольского». И недаром. Престиж

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Секр. архив, д. № 757, л. 46.

[2]) Там же, № 74.

[3]) Там же, № 79.

[4]) «Красный архив», т. XXII, М. Покровский, Предисловие к «Переписке Николая и Марии Романовых», стр. 157—158.

Николая Романова был основательно потрепан, особенно за границей. Эренталь грозил разоблачениями о предательстве славян Россией, о неудачной продаже ею Австро-Венгрии сербских земель. Лживая информация Николая Романова через копенгагенские каналы, если принять во внимание родственные связи датского двора, могла как раз попасть куда следует и рассеять тяжелое впечатление от убийственных разоблачений.

Совсем уже курьезом, только другого характера, звучит утверждение Николая Романова, что он никогда не слыхал о том, что Босния и Герцеговина были уже несколько раз проданы той же Австро-Венгрии. В данном случае мы склонны думать, что Николай не лгал. При той системе тайной дипломатии, которая практикуется всеми капиталистическими правительствами и особенно практиковалась предками Николая и им самим была унаследована от них, такие вещи были вполне возможны. Нам из дневника Ламздорфа известно, что на первом докладе министра иностранных дел Гирса 4 (16) ноября 1894 г. Николай заявил ему: «Я ничего не знаю. Покойный государь не предвидел своего конца и не посвятил меня ни во что». Когда Гирс передал ему секретные соглашения с Францией, то оказалось, что он о них и представления не имел. Тут же Николай узнал от Гирса о секретных государственных делах, в которые «посвящены только 1½ человека: Ламздорф, с которым я занимаюсь, и наполовину — Шишкин [товарищ министра. — *Ф. Н.*], которому пришлось сообщить кое-что во время моей болезни» [1]).

Прошло два с лишним месяца. Гирс умер, а секретные дела оставались попрежнему у Ламздорфа, что его даже заставило 15 января 1895 г. записать в своем дневнике: «Странное положение у меня в этот момент. Мои секретные архивы содержат ключ ко всей политике последнего царствования. Ни молодой император, ни честный Шишкин, назначенный временно управляющим, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных исключительно и бесконтрольно мне на хранение на протяжении многих лет. Я работал в самой глубокой тени рядом с моим бедным старым начальником; никто меня не знал, и вот теперь... я оказался один хранителем государственных тайн, которые служат основой наших отношений с другими государствами».

Случилось однако так, что уже через два дня необходимо было познакомить Николая Романова с секретной перепиской, сопровождавшей разрыв переговоров с Германией в 1890 г. по поводу возобновления договора с «двойным дном». Николай Романов на это согласился, будучи к этому вызван излишней откровенностью Вильгельма II во время прощальной аудиенции русского посла в Берлине Павла Шувалова. И вот что записано по этому поводу у Ламздорфа под 21 января: «В 4 часа мы отправляем пакет с секретным досье по поводу переговоров 1890 г. Уже в 9 часов вечера император возвращает это досье с пометой: «Теперь мне многое представляется ясным и в другом для меня свете» [2]).

Вот и все, что мы пока знаем о знакомстве Николая Романова с секретным архивом. Однако в этом досье не могло ничего быть относительно Боснии и Герцеговины. Николай Романов прав, говоря, что Гирс ему ничего не говорил. Он ему и не мог сказать, так как вскоре после смерти Александра III он сам умер. Если принять во внимание отношения между Лобановым-Ростовским, с одной стороны, и «династией» Гирсов и Ламздорфом,

[1]) Дневник В. Н. Ламздорфа. «Красный архив», т. XLVI, стр. 10.

[2]) Там же, стр. 27.

с другой стороны, и те великокняжеские интриги, при помощи которых этот кретин сделался министром, то очень правдоподобно предположение, что и сам Лобанов не ведал про существование этих документов. Гирс, по случаю смерти, а Лобанов по неведению ничего не сказали Николаю Романову.

Из другого источника мы знаем, что все важнейшие секретные документы, а также относившиеся к Боснии, находились у Ламздорфа до его смерти. Николай Романов узнал об этом от Витте только перед уходом Ламздорфа в 1906 г. в отставку [1]). Однако он не проявил к секретным документам никакого интереса. Мы поэтому вполне допускаем, что не только последний царь, но и Извольский и Чарыков не знали о существовании этих секретных соглашений до того момента, как стряслась беда с аннексией. В пользу этого предположения говорят следующие веские данные.

Уже тогда было известно, что занятие Боснии и Герцеговины было обеспечено Австрии соглашениями Рейхштадским и Будапештским, т. е. еще до войны России с Турцией. И только из послевоенных публикаций стало известно, что Россия согласилась на Берлинском конгрессе вторично признать права Австрии над этими провинциями взамен поддержки с ее стороны притязаний России на Бессарабию и территории на Кавказе. Там же Россия обязалась не возражать против аннексии Новобазарского санджака. Договоры 1881 и 1884 гг. опять таки закрепляли уже в третий раз за Австрией эти провинции [2]).

Письмо Франца-Иосифа об аннексии Боснии и Герцеговины Николай Романов получил 22 сентября (5 октября), а Чарыков получил в тот же день копию с него [3]).

И только, повидимому, это письмо, содержащее ссылки на старые соглашения, подало повод заместителю Извольского Чарыкову произвести розыски в архиве. Секретные бумаги, которые Чарыков прислал Романову, это и есть результаты этих розысков. Это — телеграммы Шувалова и Горчакова Гирсу. Телеграммы эти — числом 13 — хранятся в особой пачке. На них имеется знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым, а рукой Чарыкова сделана помета: «Яхта «Штандарт». 3 октября 1908 г.» [4]). На основании этих телеграмм составлена телеграмма-резюме, которая и была послана Чарыковым Извольскому в Мюнхен 29 сентября ст. ст. Эта телеграмма настолько интересна для понимания интересующего нас вопроса, что мы ее приводим целиком:

«Переписка 1878 г. содержит интересные указания следующего рода. Андраши просит 10 июня о том, чтобы «если в дальнейшем будет достигнуто соглашение с турками о полной уступке» области (санджак), мы бы не противились этому». Шувалов телеграфирует 15-го: «Если император разрешит нам войти в соглашение с Андраши, мы будем вынуждены подписать обязательство не противиться в будущем аннексии санджака в случае, если Австрия договорится по этому вопросу с Турцией. Так как это соглашение проблематично, это уменьшает значение обязательства». Австрийское предложение от 16-го гласит также, что «если в дальнейшем будет достигнуто соглашение об аннексии, чему

[1]) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, стр. 305. Изд. «Слово», Берлин, 1922 г.
[2]) «Красный архив», т. I, стр. 133 и 145.
[3]) Oesterr. Aussenpolitik, I. № 144.
[4]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 201.

сочувствует Европа, Россия не должна противиться этому. На этих условиях Австрия не будет оспаривать Бессарабию и Азию». Вот ответ от 17-го: «Что касается предложения, сделанного Андраши Черногории, то его величество принимает его и соглашается не возражать против возможной аннексии санджака, если позиция («будущая») Австрии в отношении нас оправдает эту большую уступку».

Шувалов телеграфирует 20-го: «Обещали Андраши заключить письменный договор» и 23-го: «Европа единодушно согласилась на оккупацию Боснии и Герцеговины и на [ввод] гарнизона в санджак, имея в виду, в конечном счете, аннексию этих территорий. Салисбюри повторил мне сегодня, что, не признавая эту аннексию, Англия считает ее неизбежной и не будет возражать против нее, в конце концов, не будучи непосредственно заинтересована в вопросе. Бисмарк, который всегда был сторонником этой аннексии, не поможет нам предотвратить ее».

Поиски в архивах продолжаются, но уже сейчас ясны три момента: 1) Теперешняя позиция непротивления, в которой упрекает правительство русская пресса, вытекает из обязательства, навязанного ему в 1878 г. 2) Это обязательство было обусловлено предварительным заключением соответствующего соглашения между Австро-Венгрией и Турцией и «будущей» позицией по отношению к нам венского кабинета, т. е. было построено на принципе компенсации. 3) Поскольку Турция опротестовала аннексию перед державами, вопрос должен быть урегулирован путем соглашения между всеми державами, подписавшими Берлинский договор» [1]).

Отсюда вытекает, что Извольский, Чарыков и Николай Романов в момент отправки последним письма Марии Романовой, т. е. 8 (21) октября, еще ничего точно не знали о содержании секретных договоров 1881 и 1884 гг. Николай Романов выражается о них в письме к матери таким же общим языком, почти в тех же выражениях, что и Франц-Иосиф [2]), не называя определенных дат.

И в ответном письме последнему от 22 октября (4 ноября) он также обходит этот щекотливый вопрос молчанием. Ссылка на Гирса и Лобанова — это опять таки повторение слов из письма Франца-Иосифа от 16 (29) сентября.

«Розыски», о которых говорит Чарыков, надо полагать, имели успех, так как в представленном Извольским Николаю Романову материале для письма Вильгельму II, уже 9 (22) января 1909 г. фигурируют не только эти [3]) тайные договоры, но и причины их прекращения. Все эти данные дают нам право говорить, что руководители русской дипломатии не подозревали до самой катастрофы, что их юридическая и моральная позиции были незащитимы. Оттого и ярость на «коварного» Эренталя: «он просто подлец». Правда, было время, когда царь иначе отзывался о нем. И не так давно. Два года назад он писал той же Марии Федоровне: «Эрентали уезжают, — что жалко, — мы им даем обед завтра» [4]). «Подлецом», по терминологии Николая Романова, он сделался после того, как «Фердинанд поступил глупо и невпопад». Еще бы впопад! Он, можно сказать, испортил

[1]) Там же.
[2]) «Красный архив», т. X, стр. 42—43.
[3]) Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 149.
[4]) «Красный архив», т. XXII, стр. 206.

во всех отношениях великолепно налаженную игру. 8 (21) сентября Чарыков в докладывал Николаю Романову о результатах свидания в Бухлау и в тот же день телеграфировал Извольскому в Мюнхен: «Его величеству понравилась мысль о замене доброй памяти Берлинского трактата другим актом о русском почине в предложении о независимости и королевском титуле Болгарии».

Мы знаем теперь не только из тогдашних газет, но и из официальных документов, что Болгарию Петербург долго не хотел простить за провозглашение независимости. А оказывается, что он был против независимости только потому, что Болгария ее получила не из рук Романовых.

Интересна еще одна деталь. У последнего Романова было такое же отвращение к Берлинскому трактату, как у его отца и деда к этому же и Парижскому акту. Сообщение Извольского о разрешении вопроса о проливах прямо-таки привело Николая Романова в восторг. Из того же документа мы узнаем, что он даже разразился такой тирадой: «В таком случае, нам нечего хлопотать о Константинополе». При последнем приеме Турхан-паши в Ливадии он поручил ему передать лично султану его желание «вернуться к отношениям времен Ункиар-Эскелессийского договора». И тут мы сталкиваемся опять с неискоренимой чертой Романовых. Последний их отпрыск лелеял мечту пращура и не мог забыть периода 1833—1841 гг., когда, по названному договору, султан играл роль привратника России у проливов, договору, который закрывал вход в Черное море для иностранных военных судов и открывал широко ворота русскому флоту для выхода в Средиземное море. Что Николай Романов по слабоумию мог мечтать о подобных химерах в 1908 г. — это никого не удивит. Но любопытно, что и дипломаты его считали эту цель достижимой. Николай Последний до того уже уверовал, что он сможет свободно перебрасывать свой флот из Черного в Балтийское море и обратно «до» ликвидации Турции, что воскликнул даже, прощаясь с Чарыковым: «Я буду помнить день 8 сентября» [1] (день доклада Чарыкова о соглашении в Бухлау).

Радость была велика, тем горше было наступившее через несколько дней разочарование.

III.

Приведенные выше факты в достаточной степени опровергают утверждения тогдашней прессы и «историков» о «коварстве» Австро-Венгрии и о неожиданной для России аннексии Боснии и Герцеговины. Истинным инициатором и подстрекателем во всей этой авантюре было само одураченное царское правительство. «Подлец» Эренталь был, таким образом, по отношению к царизму виноват, пожалуй, разве в том, что, будучи втечение нескольких лет persona grata в придворных и реакционных кругах Петербурга, был прекрасно осведомлен о тяжелом положении царской России, потрясенной до основания русско-японской войной и революцией, и об ее неспособности к военному испытанию. Это и вселило в него бодрость и решимость поставить царское правительство перед совершившимся фактом, отказав ему в маклерских, которых оно требовало за свое согласие

[1] Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204.

на аннексию [1]). Министерство иностранных дел и сам Николай Романов тщательно готовились к «аннексии». Был заранее выработан целый план обуздания и подкупа печати как своей, так и заграничной. Первая не должна была поднимать общественных вопросов и не выпячивать австрийско-сербских взаимоотношений, вторая должна была «разумно» обсуждать факт нарушения Берлинского трактата и подсказывать будущей международной конференции решения в духе принятых в Бухлау. Дело было не из легких. Уже 8 (21) сентября Николай Романов обратил внимание Чарыкова «на трудность подготовить нашу печать к надлежащему отношению к этому вопросу». Во время этой аудиенции Чарыков уже мог сообщить своему владыке некоторые утешительные данные, а именно, что «Егоров и Пиленко уже в достаточной степени в наших руках». А. Пиленко, профессор международного права и сотрудник «Нового времени», получил в тот же день на чай. Николай Романов утвердил его кандидатуру на конференцию в Берлине по литературной собственности. Донося об этом Извольскому в Мюнхен, Чарыков, захлебываясь от радости, писал: «Пиленко нам будет там технически очень полезен; он крайне польщен этим назначением; он будет стоить нам простой курьерской дачи в Берлин — и Пиленко будет нас слушаться». Иметь «своего» Пиленко в «Новом времени» в такой ответственный момент для Извольского и, пожалуй, Николая Романова было чрезвычайно важно еще и потому, что П. А. Столыпин имел там постоянно «своего» А. А. Столыпина.

Ведомство Извольского смотрело очень просто и на щепетильность иностранной печати. «Сладить с печатью (я включаю и иностранную через Гирса и здешних корреспондентов «Times», «Associated Press», «New-York Herald», коими мы вполне располагаем) будет в тысячу раз легче на почве пересмотра Берлинского трактата» [2]) и т. д.

После этой предварительной работы кампанию в печати открыл сам Извольский. 11 (24) сентября появилась во всех газетах телеграмма, составленная им самим и присланная 10 сентября из Берлина в Петерб. тел. агентство. В этой телеграмме говорилось, что, по достоверным сведениям, в Бухлау была «установлена общность взглядов по отношению к внутреннему положению Турции», а вопрос о Боснии и Герцеговине «был оставлен покуда открытым». Далее в сообщении говорилось, что боснийский вопрос будет поднят на собирающихся делегациях в Будапеште. 12 (25) сентября «Новое время» уже притворно рычало: «речь идет уже не об изменении status quo, а о нарушении такой основы европейского мира, как Берлинский трактат». Ненавистный немецко-английский Берлинский трактат мог иногда, когда этого требовала высшая политика, служить и «основой мира» для патриотического «Чего изволите?»

Поведением печати министерство в те дни было довольно. Чарыков 12 (25) сентября по этому поводу писал: «После доверительного совещания Гирса с редакторами газет «Новое время», «Слово» и «Речь» этому предприятию положено, повидимому, благоприятное начало, выразившееся в серьезных, но и достаточно умеренных заметках в сегодняшних номерах первых названных газет» [3]).

---

[1]) С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 399—403.

[2]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, лл. 4—5.

[3]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 104, л. 65.

Открывая газетную кампанию, Извольский, повидимому, не очень надеялся на полную послушность подкупленной его заместителем печати. Он все время тормошит Чарыкова и преподает разные советы. Письмо от 11 (24) сентября в этом отношении настолько замечательно и бросает так много света на взаимоотношения между министерством иностранных дел и печатью, в том числе и либерально-демократической, и взаимоотношениями между им же и правительством в целом, что мы не можем устоять перед искушением привести из него довольно длинную цитату. Примечания к нему сделаны рукой Чарыкова:

«...Еще раз с особенной настойчивостью считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать [1]). Необходимо воздействовать не только на «Новое время», но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым [2]), и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове и, судя по донесениям Сементовского, весьма здраво рассуждает о болгарских делах [3]). Советую вам также заранее посвятить в наши предположения Столыпина и главнейших министров: финансов, военного и морского [4]). Все они, конечно, согласятся с нами, что обострять наши отношения к Австрии (а, следовательно, и с Германией) и рисковать войной из-за Боснии и Герцеговины было бы безумием и что мы предполагаем единственный практический выход. Я воспользовался тем, что здесь в Эгерне оказался под рукой Шелькинг, которому я прочел длинную лекцию и который пошлет на-днях длинное письмо в «Новое время» за подписью «Инсаров». Предупредите об этом Гирса, дабы он мог направить немного полемику, которую должно будет возбудить это письмо. Шелькинг ничего не просит за эту услугу, но надо будет дать ему какую-нибудь подачку» [5]).

IV.

Однако Столыпина и «главнейших министров» посвятили во все тайны лишь тогда, когда царизм уже находился в западне и нужно было спасать престиж «покровительницы» в глазах преданных ею балканских славян. И тут сразу выяснилось, что для Столыпина не проливы, а укрощение революции было на первом месте.

Преданный слуга реакции и порядка, Столыпин понимал куда лучше классовые интересы монархии и крепостников, чем их глава Николай Романов. Ущемленный престиж ничего не стоил в глазах этого полицейского гения, и его ради он уже никак не был намерен подвергать укрощенную им страну возможным потрясениям и своими руками открывать настежь с таким трудом закрытые ворота революции. Только 19 сентября (2 октября), по приказанию Николая, Столыпину, министру финансов Коковцову, военному министру Редигеру и морскому — Дикову открыли тайну. Тут же

[1]) «Это дело подвигается, пока, очень успешно».

[2]) «Я это сделаю тотчас по возвращении Гучкова в Петербург».

[3]) «Милюков был при мне профессором в Софийском университете, и я могу возобновить с ним знакомство».

[4]) «О сем я налагаю ходатайство в сегодняшней всеподданнейшей записке».

[5]) «Д. с. с. Гирс предупрежден и для Шелькинга будет сделано что-либо».

«Столыпин и Коковцов высказали прежде всего крайнее огорчение по поводу того, что они и объединенное правительство так поздно узнали о деле столь громадного национально-исторического значения, затрагивающего интересы внутреннего состояния империи и угрожающего возможными затруднениями предстоящему и необходимому заграничному займу» [1]). А это были решающие моменты. Боязнь революции и отсутствие денег, которые этот несносный Коковцов еще и без Думы доставать не хотел для личных дел «семейства», должны были убедить Николая Романова в необходимости покориться неизбежному. Момент был ответственный. И Столыпин тут же показал, на что он способен. Он не пустил Чарыкова одного к царю на доклад, а отправился с ним 21 сентября сам [2]).

Позиция Столыпина в этом вопросе вырисовывается весьма четко. А. М. Зайончковский ошибался, высказывая предположение, что и Столыпин приложил руку к боснийской авантюре. Как раз наоборот. Резолюция Николая на копии письма Франца-Иосифа от 29 сентября — «Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября» — говорит как раз о противоположном. Чарыкову, при составлении ответного письма австрийскому императору, конечно, приходилось вдохновляться не указаниями Николая Романова, а тем, что Столыпин говорил Николаю в тот день и за день до того самому Чарыкову. Невéрно и то, что будто бы эту директиву Николай дал Извольскому [3]). Последний в те дни еще находился заграницей. В связи с скандалом, поднятым действиями «подлеца» Эренталя, он 1 (14) октября меланхолично писал из Лондона Чарыкову: «Но лично для меня обстоятельства, конечно, сложились очень невыгодным образом, и мне приходится серьезно думать о возможности оставления моего поста» [4]). Напрасная трата энергии. Столыпин уже об этом подумал раньше. Не надо было только торопиться. А пока, что ликвидацию боснийского скандала он взял в свои руки. Не будучи сам сведущ в международной политике и не желая расставаться с полицейской нагайкой, он начал подыскивать министра иностранных дел, на которого он мог бы положиться и быть уверенным, что тот не спутает его карт укротителя революции. Через короткое время в министерстве уже сидел в качестве товарища министра зять Столыпина Сазонов. Чарыков был назначен послом в Константинополь. Столыпин гарантировал себя от всяких сюрпризов. Спешить не было нужды. Так тянулось почти два года. Извольскому все-таки пришлось свой пост уступить Сазонову.

Умеренные мысли, высказанные Николаем Романовым в письме к матери от 4 марта 1909 г. по поводу войны, предотвращенной вмешательством Столыпина, с одной стороны, и Вильгельма II, с другой, продиктованы одержавшим верх курсом Столыпина и Коковцова. Этот инцидент, повидимому, и послужил исходным моментом для проявления Столыпиным большого интереса к делам внешней политики. Этот урок не прошел даром и для Коковцова, который во время своего премьерства также не переставал интересоваться ведомством Сазонова. Восстановленная связь между департаментом полиции, кредитной

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, К. 104, л. 36.
[2]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, лл. 93—96.
[3]) «Красный архив», т. X, стр. 44.
[4]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, л. 120.

канцелярией и внешней политикой, как и в дни Витте, крепко держалась до тех пор, пока промышленные интересы капиталистических элементов помещичьего класса, объединенные с интересами банковского и промышленного капитала, не начали постепенно брать верх над интересами чистых крепостников и умеренной буржуазии. Эта эволюция совершалась постепенно. Как известно, перегруппировка — соответственно изменившемуся реальному соотношению сил на верхах — произошла только в 1914 г.

V.

«Раз вопрос поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться» (письмо от 18 марта 1909 г.). Эти строки, написанные под свежим впечатлением ультиматума Германии 10 (23) марта 1909 г., несомненно искренни, если вообще это слово может быть применимо к Николаю II. Но уже через одну строчку он опять лицемерит и лжет, говоря о «жертве» ради спасения Сербии.

Антантофильские историки установили своего рода «периодизацию» истории Антанты: первая попытка Германии «разорвать» Антанту обнимает период Биорке—Алжезирасская конференция; вторая попытка была сделана во время боснийского кризиса; третья — во время нашумевшего Агадирского инцидента и т. д. [1]). И само собой понятно, что злокозненность немцев разбилась, по утверждениям этих историков, только в силу нибелунговой верности защитников «цивилизации и свободы малых наций». И как раз в этой связи чрезвычайно поучительно читать у Николая Романова такие слова: «Я думаю, что этим еще раз хотели нас отделить от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы действий приводят скорее к обратным результатам». Этим лишний раз устанавливается связь между «независимой» исторической наукой в руках известного сорта историков и теми классовыми интересами, которые она обслуживает. Для многих, может быть, покажется довольно неожиданным узнать в лице Николая Романова творца этой «периодизации» истории Антанты.

«Правда, что форма или прием германского правительства — их обращение к нам — был груб, и мы этого не забудем!» Эти два восклицательных знака кольями торчали в мозгу Николая Романова. Крепко помня столыпинскую полицейскую философию, что «в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе», Николай Романов не умел прощать нанесенных ему обид. Он всю жизнь не мог простить С. Ю. Витте, дважды спасшего его трон и монархию, за вырванное им для его же, Николая, спасения «страшное решение» в октябрьские дни 1905 г. «Нет, никогда, п о к а я ж и в, не поручу я этому человеку самого маленького дела», — исповедывался он своей матери 2 (15) ноября 1906 г., после того, когда «с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить»... «жидовскую клику» [2]). Он его всю жизнь за это преследовал и мстил ему по-мелочному, как это может делать только ограниченно-злобная натура.

---

[1]) Е. Тарле. Европа в эпоху империализма, стр. 193.

[2]) «Красный архив», т. XXII, стр. 168 и 208.

...«Мы этого не забудем!!» С этими чувствами он отправлялся в октябре 1909 г. на заранее подготовленный флирт с итальянским королем в Ракониджи, тщательно объезжая «врага» славянства. «Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию», — пишет он матери.

Оглядывавшаяся всегда на Англию и связанная с 1902 г. с Францией Италия соглашением в Ракониджи по балканским и триполитанским делам связалась с третьим членом Антанты — с Россией. Николай и его советники твердо помнили, «что еще раз хотели отделить нас от Англии и Франции». Наука пошла впрок. Россия применила другие средства для отделения Италии от Тройственного союза: она и вся Антанта заплатили ей турецкой провинцией в Африке.

Тем не менее действовать надо было осторожно. Внутриполитическая ситуация еще не совсем определилась, тяжелая рука Столыпина еще давила всей своей увесистостью и «самодержец всея Руси» принужден был через год отправиться к «дорогому Вилли» — и не просто на свидание, как всегда в море, а к нему на дом, в Потсдам. Да и не один, а под наблюдением Сазонова, преданного тогда «династии» Столыпина человека. Ничего нельзя было поделать! Не все еще было готово для того, чтобы показать или дать почувствовать Вилли, что «мы этого не забудем!!» Интересы высшей политики требовали сугубой осторожности, так как «в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе».

Ф. Нотович.

Царское село[1]).

1 марта 1907 г.

Моя милая, дорогая мама,

Мы все были счастливы, когда ты благополучно достигла Лондона. Приятно, что переход через канал был тихий — это редко в теперешнее время года. Теперь очень забавно читать все, что английские газеты пишут про твое пребывание.

Вы удивительно много делаете каждый день. Наверное, ты наслаждаешься ездить с т. Аликс [2]) в motor-car по тамошним чудным дорогам. Мы радуемся за тебя, милая мама, что ты, наконец, можешь отдохнуть и жить в новой обстановке.

Как хорошо, что ты бываешь в театрах!

Вероятно, из семейства никого нет в Лондоне, кроме Georgie [3]) and May [4]), что тоже, думаю, для тебя удобно.

---

[1]) Подлинники публикуемых писем хранятся в Особом отделе Центр. ист. архива. — Тексты писем подготовил к печати А. А. Сергеев.

[2]) Александра, жена англ. короля Эдуарда VII, сестра имп. Марии Федоровны.

[3]) Георг, принц уэллльский, насл. англ. престола.

[4]) Виктория Мария, жена принца уэллльского Георга.

У нас покамест все довольно тихо. Конечно, ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая, не встав, когда кричали «ура» правые!

Я получаю с того дня телеграммы изо всех углов России с выражением глубокого возмущения истинно русских людей — этою непочтительностью Думы. До сих пор члены занимаются внутренними вопросами, а главное — проверкой собственных полномочий, т. е. правильно ли каждый из них выбран. Кажется, завтра или в субботу — Столыпин [1]) будет читать свою речь, и тогда скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время и свой небольшой престиж болтовней и ругательствами [2]).

Поживем — увидим.

Головин — председатель [3]) представился мне на другой день открытия.

Общее впечатление мое, что он — une nullité complète! [4]).

Ты помнишь мерзкую историю с лабораторией бомб и всякого оружия в Политехникуме. Представь себе, что этот идиот Гагарин [5]) осмелился заявить протест на действия полиции и кроме того клевету — будто все найденное в его заведении есть дело рук той же полиции. Тогда я приказал Столыпину уволить его от должности и предать суду с другими профессорами. Надеюсь, что этот пример отрезвит немного остальных ректоров. Пишу тебе нарочно так подробно, потому что уверен, что на тебя посыплются письма и прошения за Гагарина.

Жалко бедной старушки княгини, но что же делать! Не могу выразить, насколько я возмущен этой дерзостью — и кого? Человека с таким именем!

К нам приехали на три дня — Мари и Дмитрий [6]). Завтра в Павловске маленький folle journée для Татьяны Константиновны [7]), на который они тоже приглашены. Кажется, будет человек 150 приглашенных.

Мы все здоровы, много бываем на воздухе. Все дети тебя обнимают, особенно Татьяна [8]).

---

[1]) Столыпин, П. А., министр внутр. дел и председатель Совета министров (1906—1911).

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Головин, Ф. А., председатель II Госуд. думы; член Ц. К. кадетской партии.

[4]) «Полное ничтожество!»

[5]) Гагарин — директор Петерб. политехнического института.

[6]) Мария Павловна, вел. кн., и ее брат вел. кн. Дмитрий Павлович.

[7]) Татьяна Константиновна, дочь вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.).

[8]) Татьяна Николаевна, вел. кн., дочь Николая Романова.

Нежно целую тебя моя дорогая, горячо любимая мама. Очень целую а. Alix. Христос с тобой! Всей душой тебя любящий

Ники.

Царское село.
8 марта 1907 г.

Моя милая, дорогая мама,

Ты меня так обрадовала твоим добрым письмом; я не ожидал получить его так скоро. От всей души благодарю тебя за твои милые строки. Жаль, что в доме а. Alix холодно, тебе надо быть осторожной, чтобы не простудиться или получить lumbago.

За последние дни один за другим умерли — Вердер [1]), гр. Ламздорф [2]) и добрый Густав Иванович Гирш [3]) — старый и верный друг нашей семьи. Для него это — избавление от мучительного состояния, так как втечение нескольких недель он, бедный, не мог дышать без помощи кислорода. Его вдова спокойна и терпелива, а дочери более грустны. Сегодня вечером у них в доме будет панихида, а послезавтра похороны в Петербурге, на Волковом кладбище.

Ты, конечно, прочитала в газетах о речи Столыпина в Думе и об ответе его на разные дерзости в том же заседании.

Все слышавшие, как он говорил, остались довольны; я очень рад за него, что он имел такой успех, это его подбодрит и всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе.

Обвал потолка в Таврическом дворце — громкое дело, в котором, по-моему, виноваты прежде всего архитекторы. Работы там будут окончены через два дня, так что Дума снова переедет к себе.

У маленьких певчих скарлатина и потому у нас поют конвойные казаки. Они знают все службы и отлично справляются с преждеосвященной обедней и с трио «Да исправится». В субботу мы причащаемся все вместе, Миша, Ольга и Петя [4]). Мысленно буду с тобой, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя и а. Alix. Христос с тобой!

Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

---

[1]) Повидимому, ген.-ад. Вердер, б. всенный уполном. Германии в России с 1869 по 1886 г., в 1894 г. — герм. посол в Петербурге.

[2]) Ламздорф, В. Н., гр., министр ин. дел (1900—1906).

[3]) Гирш, Г. И., лейб-хирург.

[4]) Михаил Александрович, вел. кн., брат Николая Романова; Ольга Александровна, сестра Николая Романова, жена принца Петра Александровича Ольденбургского.

Царское село.
15 марта 1907 г.

Моя дорогая мама,

Эти последние дни здесь настала настоящая весна, чудная ясная погода при 8° в тени! Как видишь, недалеко отстали от погоды в Англии!

Надеюсь, ты себя отлично чувствуешь и много бываешь на воздухе. Видела ли ты дом Maud и Carl? [1]).

Я получил телеграмму из Portsmouth от Русина, командующего гардемаринским отрядом, о радушном приеме, оказанном в Англии нашим морякам.

Когда они хотят обворожить, они умеют это сделать.

Вчера праздновали 100-летний юбилей Константиновского артиллерийского училища. Был отличный парад в манеже, затем обед юнкерам в большой зале, как прошлый раз 1-му кадетскому корпусу. Мы завтракали с начальством и бывшими воспитанниками. Твой внук был тоже на параде.

Грустная смерть старика Победоносцева [2]) последовала довольно неожиданно. Крупный государственный человек сошел со сцены! Даже заграницей много заговорили о его кончине, что видно из газет.

Мы не знаем твоих планов вперед, но слышали, что а. Alix едет в апреле к д. Берти [3]) и потом в Италию.

Некоторые думают, что ты заедешь в Биарриц и потом с Ксенией [4]) вернешься сюда. Но это одни догадки.

Теперь начинается весенняя серия полковых праздников — с Драгунского 19-го марта. Это будет происходить, как в прошлом году, на дворе Большого дворца. Завтра я принимаю sir D. Meckenzie Wallace [5]), который в Петербурге со дня открытия Думы. Извини за скучное письмо, моя милая мама. Нежно обнимаю тебя, а. Alix и Toria [6]).

Христос с тобой! Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

---

[1]) Карл, принц датский, в 1905 г. был избран норвежским стортингом на норвежский престол (после отделения Норвегии от Швеции), по вступлении на престол принял имя — Гаакон VII; Maud — его жена.

[2]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода бессменно с 1880 г.; лидер придворной камарильи, один из ближайших закулисных советников Николая Романова.

[3]) Эдуард VII, английский король.

[4]) Ксения Александровна, жена вел. кн. Александра Михайловича; сестра Николая Романова.

[5]) Уоллес, сэр Дональд Мэкензи, английский писатель и путешественник; автор книги о России — «Russia», вышедшей в свет в 1877 г. и переизданной в 1905 г.

[6]) Виктория, принц., дочь англ. короля Эдуарда VII.

Царское село.
22 марта 1907 г.

Моя дорогая мама,

То, что мы предполагали, случилось: вместо Гатчины ты отправилась в Биарриц к Ксении! Это вышло так просто и кстати ко дню ее рождения. Там ты, наверно, найдешь все в полном цвету; как приятно, должно быть, пожить около океана!

С тех пор, что я тебе писал, у нас настает ранняя весна, дни стоят теплые и ясные, почти весь снег стаял, осталось его немного в лесу. Такое наслаждение гулять и ездить верхом!

Дела у меня много, но все-таки больше времени быть на воздухе, чем в прошлом году. 19-го был отличный парад лейб-драгун, сегодня Пажеского корпуса. Завтра праздник Сводно-гвардейского баталиона, а 25-го, как всегда, Конной гвардии.

Недавно у меня был митр. Антоний по некоторым делам. Между прочим я его спросил, что он думает по вопросу возможности Николаше [1]) жениться на Стане? [2]).

Он мне сказал, что он переговорит с прочими членами синода и затем сообщит их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что так как такие браки постоянно разрешаются епископами в разных епархиях, то они ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга.

Признаюсь, такой ответ меня очень обрадовал, и я сообщил его Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и в особенности Станы. Он стал неузнаваем с тех пор, и служба его сделалась для него легкой. \ он м н е так нужен!

Крепко, крепко обнимаю тебя, моя милая мама, и Ксению тоже. Христос с тобой! Горячо тебя любящий твой старый

Ники.

Царское село.
29 марта 1907 г.

Дорогая моя мама,

Вот уже неделя, что ты находишься с Ксенией. Слава богу, что путешествие было удачное. Надеюсь, у вас погода поправилась, досадно жить на юге без солнца.

---

[1]) Николай Николаевич, вел. кн., главноком. войсками гвардии и петерб. военного округа.

[2]) Анастасия Николаевна, дочь черногорского короля Николая, 10 ноября 1906 г. развелась с своим мужем герц. Георгием Макс. Лейхтенбергским, 29 апреля 1907 г. вышла замуж за вел. кн. Николая Николаевича.

Здесь поразительно ранняя и теплая весна, что очень приятно и радостно. 25-го был великолепный парад Конной гвардии перед Большим дворцом.

Опять умерло два хороших знакомых и оба вчера: добрый Олсуфьев в Аббазии и Гри. Гри. Голицын. Он недавно почти совсем поправился и уехал в город на три недели, думая вернуться сюда на дачу Мальцева! Олсуфьев умер скоропостижно от болезни сердца; Юрка был при нем.

Вероятно, ты читаешь в газетах о том, что делается или, скорее, болтается в Думе.

Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова [1]). С ними никто в Думе не может справиться, они говорят так умно и находчиво, а главное — одну правду. Кутлер [2]) — подлец совсем провалился. Но все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает. Во многих местах уже настроение делается менее спокойным, опять заговорили о земле и ждут, что скажет Дума по этому вопросу. Отовсюду мне посылают телеграммы и адресы с просьбою распустить ее. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда—хлопнуть.

До свидания, моя милая мама. Аликс[3]), все дети и я тебя нежно обнимаем. Христос с тобой! Всем сердцем тебя любящий старый твой

Ники.

Царское село.

5 апреля 1907 г.

Дорогая моя мама,

От души благодарю тебя за твое милое доброе письмо, которое я получил в прошлое воскресенье. После двух недель настоящей весны погода испортилась, сделалось холодно, раз выпал снег, а теперь идет дождь, что впрочем хорошо для зелени. Жаль, что у вас погода не поправляется!

Сегодня я в особенно хорошем настроении духа — утром в манеже был смотр Морскому корпусу, которым я остался весьма до-

---

[1]) Коковцов, В. Н., министр финансов (с 26 апр. 1906 г.).

[2]) Кутлер, Н. Н., б. главноупр. землеустройством и земледелием (окт. 1905—март 1906); выйдя в отставку, вступил в кадетскую партию и по ее списку прошел во II Госуд. думу (от Петербурга).

[3]) Александра Федоровна, жена Николая Романова.

волен. Гардемарины и кадеты глядят молодцами, очень подтянуты, веселы и здоровы. Всецело приписываю такое состояние корпуса нашему доброму Воеводскому [1]), которого я поздравил контр-адмиралом. Потом во дворце был стоячий завтрак для кадет и сидячий для начальства. Идя на нашу станцию, я сказал, чтобы кадеты прошли через сад мимо дома, и мы смотрели на них с подъезда.

Корпус громадный — 650 человек.

Завтра первый праздник нового Сводно-казачьего гвардейского полка и день праздника Уральской сотни. Любопытно будет видеть малиновые, голубые, красные и оранжевые мундиры вместе и лошадей всевозможных пород. Ничего нового не имею тебе сообщить, кроме удачных арестов 1-го апреля в Петербурге 26 очень серьезных анархистов: у них нашли много бомб и оружия и предположения покончить с Николашей, Столыпиным, Дурново [2]), Орловым [3]) и со мною. На все воля божия, и все мы под его милостью ходим.

До свидания, милая моя мама. Мы все тебя и Ксению крепко обнимаем. Христос с тобой! Горячо тебя любящий твой старый

Ники.

Петергоф.

13 июля 1907 г.

Милая, дорогая мама,

Не могу выразить, как мне тяжело и досадно, что мы с тобой не виделись столько времени. У Анастасии [4]) все еще появляются палочки через 3 или 4 дня, так что, действительно, рискованно приезжать в Гатчину. Она помещена в отдельной комнате и встречается с сестрами и братом на веранде и в саду — только на воздухе.

Я решился тебе написать по следующему делу. Несколько недель тому назад имп. Вильгельм дал мне знать, что был бы рад, если бы мы могли с ним встретиться на море. Так как очередь отдать визит была за мною — он предложил мне местом свидания Свинемюнде около Штетина с 21-го по 24-ое июля, позже этих чисел ему было неудобно. Я согласился, хотя как раз 22-го мне придется не быть дома. Надеюсь,

---

[1]) Воеводский, С. А., начальник морской академии и директор морского кадетского корпуса, с 1908 г. тов. морского министра, с января 1909 г. до 18 марта 1911 г. морской министр.

[2]) Дурново, П. Н., управляющий мин. внутр. дел в 1905—1906 гг.

[3]) Орлов, А. А., ген.-м. свиты его вел., ком. Уланского им. имп. Александры Федоровны полка, прославившийся зверскими расправами с револ. движением в Лифляндии в 1905 г.

[4]) Анастасия Николаевна, вел. кн., дочь Николая Романова.

милая мама, ты не рассердишься на меня, но не я выбирал эти дни для свидания. Мне нужно уйти в море 19-го июля утром; надеюсь быть назад через неделю. Иду на «Штандарте» с четырьмя минными крейсерами отряда Эссена. Раньше не писал тебе об этом предположении, так как был уверен, что расскажу тебе все на словах. Вильгельм желал, чтобы все дело оставалось неизвестным до его возвращения из северного плавания, поэтому прошу тебя никому пока не говорить о нем!

Слава богу, что дорогая Ксения совсем поправилась и что маленький здоров — это, по моему, особая милость божия, что он остался жив! Петя рассказал нам о твоем вчерашнем посещении кавалергардов на биваке, я очень порадовался за них.

Крепко обнимаю тебя, моя милая душка мама. Целую всех. Христос с тобой! Всей душой любящий тебя твой старый

Ники.

Ц. С.

28 февраля 1908 г.

Дорогая моя мама,

Каждый день я читаю в «Daily Graphic» о том, что ты делаешь в Лондоне. О встрече в Берлине мне написал Татищев. Какой шум наделало в Англии письмо императора lord Twedmouth! [1]). Хорошо, что эта история так кончилась, а то из-за пустяка могли возникнуть серьезные последствия.

У нас здесь все идет недурно. На-днях я принимал Хомякова [2]) и имел с ним очень длинный и приятный разговор. Желание работать у них большое, но у м е н ь я, к сожалению, мало!

А бюджет рассмотреть необходимо поскорее, в этом главная задержка. Масляницу мы провели, как и остальные недели; только в пятницу устроили катанье с санками для детей в Павловске.

Мы пригласили многих офицеров Гвардейского экипажа, Миша и Ольга тоже приехали. Было весело и удачно, день был совершенно весенний. С началом поста сделалась вторая зима, ночью морозы доходят до 15, днем теплее, потому что солнце очень греет. Всетаки

---

[1]) Первый лорд адмиралтейства. В начале 1908 г. Вильгельм II послал ему частное письмо, в котором пытался в довольно наивной форме рассеять опасения англичан относительно германской морской программы. Письмо получило огласку и вызвало дебаты в англ. парламенте и в рейхстаге. См. Die Grossse Politik, XXIV, стр. 32—40, и Willy Becker, «Furst Bülow und England», стр. 337—338.

[2]) Хомяков, Н. А., председатель III Госуд. думы; октябрист.

лучше, чтобы теперь было холодно, а потом весна наступила бы сразу. На-днях William [1]) приехал из Москвы и завтракал у нас. Он и Мари просят, чтобы свадьба их состоялась в воскресенье 20-го апреля. Ella [2]) предлагает им после этого переехать в ее дом в городе до их отъезда. Irène [3]), пробывшая в Москве больше месяца, приезжает к нам завтра на 10 дней. Ernie [4]) и его жена хотят посетить Ella в середине марта; может быть, позже они приедут к нам. Извини за это неинтересное письмо. Крепко обнимаю тебя, моя милая мама, и, так как завтра исповедь, прошу простить мне мои вольные и невольные прегрешения. Очень целую а. Alix, Toria, Georgie и May. Христос с тобой! Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

Ц. С.
27 марта 1908 г.

Милая моя, дорогая мама,

От души благодарю тебя за твое милейшее длинное письмо, которое мне доставило огромное удовольствие. Ты так хорошо описываешь все, что ты и а. Alix делаете вместе. Меня не удивляет, что дочери Louise [5]) не так красивы, как на фотографии, — это можно было ожидать, когда я их видел маленькими! У них уже тогда было какое-то старческое выражение лиц.

Ты спрашиваешь про маленького Алексея [6]), — слава богу, шишка и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры. Я с ними постоянно работаю в саду, мы очищаем дороги от последних остатков снега. Он очень скоро сходит, осталось еще только в тенистых местах в лесу. Вся последняя неделя была чудная солнечная погода с маленьким морозом по ночам. Дни понемногу становятся все более теплыми, птички поют, появились первые голубые цветы — вообще поэзия полная. А у вас, к сожалению, дожди и ветры, то же самое пишет Ксения!

Мишу и Ольгу мы видим довольно часто по случаю парадов или завтраков или обедов. 25-го был отличный парад Конной гвардии;

---

[1]) Вильгельм, герцог зюдерманландский; 20 апреля 1908 г. женился на вел. кн. Марии Павловне («Младшей»).

[2]) Елизавета Федоровна, вдова вел. кн. Сергея Александровича, убитого с.-р. И. Каляевым 4 февраля 1905 г.

[3]) Ирен, жена принца Генриха прусского; сестра имп. Александры Федоровны.

[4]) Эрнст-Людвиг, вел. герцог гессенский; брат имп. Александры Федоровны.

[5]) Луиза, жена датского короля Фредерика.

[6]) Алексей Николаевич, наследник.

все дети присутствовали с Аликс. Днем Миша и Ольга уехали верхом в Гатчину. Очень хорошо, что она опять полюбила верховую езду. Я начну ездить, как только дороги высохнут, а то возвращаешься домой сам и лошадь — как свиньи!

Вчера приехал князь черногорский [1]), он очень постарел и потолстел, а ноги сделались совсем кривые. Сегодня мы даем ему большой обед. Сколько времени он остается здесь, я не знаю. Он мне сказал, что ни о чем просить не будет, но все-таки привез с собою несколько министров. — Давно уже князь Васильчиков [2]) говорил мне, что он желает уйти из министерства земледелия. Я его все удерживал. Теперь он настойчиво просит об этом, и мне пришлось согласиться. Он объясняет свое желание уйти тем, что его недостаточно поддерживают Столыпин и его товарищи. Но это не так. По моему, ему просто надоело служить и хочется заняться своими собственными делами и сделаться свободным. Это жаль, потому что он хороший человек, с настоящим именем. А их становится все меньше, так как на службу смотрят иначе, чем прежде смотрели. Теперь, как стало спокойнее, дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы,— но спрашивается, как и чем о н о помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем. Все попрятались и присмирели, думая, что настал конец.

На-днях идиот гр. Олсуфьев [3]) в Госуд. совете сказал, что Госуд. дума оказалась п а т р и о т и ч н о й тем, что она хочет отказать в деньгах на флот. Я нахожу, что это гораздо хуже и опаснее, чем то, что говорят и пишут революционеры. Неправда ли?

Но мне пора кончать. Нежно обнимаю тебя, моя дорогая мама. Целую а. Alix. Христос с тобой! Горячо любящий тебя старый твой

Н и к и.

П е т е р г о ф.
8 о к т я б р я 1908 г.

Милая, дорогая мама,

От души благодарю тебя за письмо-карточку с фотографией твоего прибытия в Копенгаген.

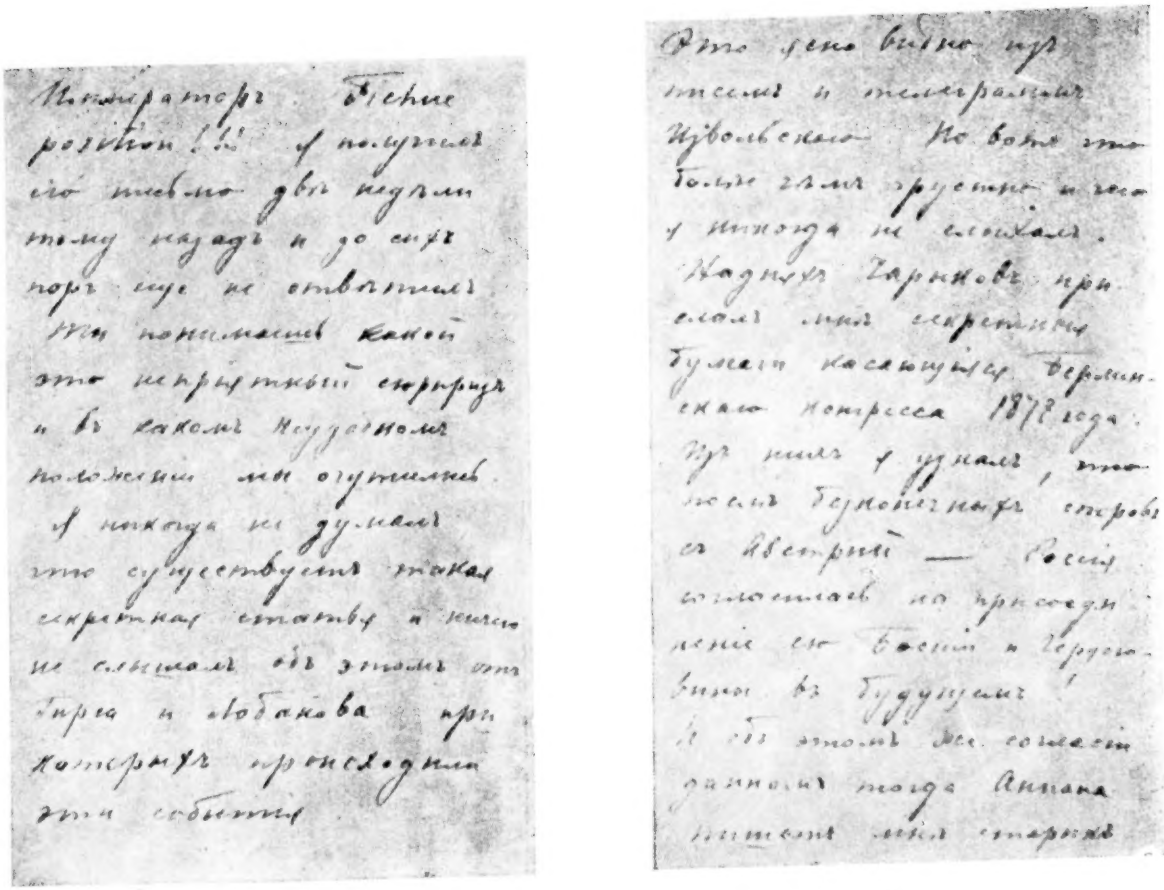
Вчера кончилось наше спокойное и приятное плавание: мы вернулись при хорошей тихой, но прохладной погоде.

---

[1]) Николай (Петрович) Негош, князь черногорский.

[2]) Васильчиков, Б. А., кн., главноупр. землед. и землеустр. в 1906—1908 гг., один из крупнейших земельных магнатов царской России.

[3]) Олсуфьев, Д. А., гр., член Госуд. совета (от Сарат. губ. земства), октябрист.



Письмо Николая Романова Марии Романовой 8 октября 1908 г.

(См. стр. 185 — 186)

Здесь в Петергофе все так напоминает о бедном Орлове!

Ужасно больно и грустно потерять такого честного и верного друга! Когда мы прощались на «Штандарте», у меня было предчувствие, что я его больше не увижу, но всегда хочется надеяться на лучшее, и поэтому его быстрая кончина так поразила всех.

Несчастные Маша Стенбок, его мать и оба сына отправились за ним в Египет, но не доехали. Мы получили от них такие грустные ответы. Его тело прибудет в Царское село около 25-го. Странно, что известие о его смерти пришло вместе с донесением о снятии «Олега» с мели. И хорошее и дурное вместе.

Смотрами в Биоркезунде я остался очень доволен. Там было собрано все, что у нас теперь есть на воде. Суда стояли так:

«Имп. Александр III».	«Макаров».	Миноносцы
«Рюрик».	«Петр Великий».	адмирала
«Богатырь».	«Европа».	Эссен.
«Слава».	«Николаев».	
«Цесаревич».	«Рига».	
«Олег».		

Два целых дня я ездил по судам, подробно их осматривал и на каждом говорил командам по несколько слов. С отрядом Литвинова я простился, так как он ушел тотчас после нас в море. В первый день была гребная гонка, в которой приняло участие 130 шлюпок. На другой день происходила парусная гонка. Чтобы не терять времени, я поехал на «Рюрик» и осматривал его втечение трех часов, пока шла гонка. Так как было совсем тихо, то она вышла не особенно интересною; зато я основательно осмотрел «Рюрик». Им командует маленький Стеценко — очень строгий и лихой командир.

В тот же день, 25-го сентября, мы вернулись на наш рейд «Штандарт» — три с половиною часа хода из Биоркэ. Немножко покачало при чудной ясной погоде. За все время у нас был мороз только раз ночью, и тоже раз шла крупа, и палуба побелела, но в особенности острова.

Ты верно пишешь, милая мама, что «нахалам» все позволено и все им удается. Фердинанд поступил глупо и невпопад. Очевидно, Австрия, где он находился до этого, подтолкнула его на этот шаг. Но главный виновник, конечно, Эренталь. Он просто подлец. Он подвел Извольского и теперь говорит совсем другое, чем при их свидании. Это ясно видно из писем и телеграмм Извольского. Но вот что более чем грустно и чего я никогда не слыхал. На-днях Чарыков прислал мне секретные бумаги, касающиеся Берлинского конгресса 1878 года. Из них я узнал, что после бесконечных споров с Австрией Россия согласилась на присоединение ею Боснии и Герцоговины в будущем!

И об этом же согласии, данном тогда аппапа [1]), пишет мне старик император [2]). Fichue position!!! [3]) Я получил его письмо две недели тому назад и до сих пор еще не ответил. Ты понимаешь, какой это неприятный сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились. Я никогда не думал, что существует такая секретная статья и ничего не слышал об этом от Гирса и Лобанова, при которых происходили эти события.

9 октября.

Скоро уезжает фельдъегерь, и я хочу написать тебе два слова о Мише.

Как раз в то время, что я начал мое письмо, пришло письмо от Миши. Он говорит, что думает вернуться домой в начале ноября, а что теперь поедет с a. Alix и Toria в Англию. Я боюсь, что «о н а» [4]) — там. Не можешь ли ты попросить a. Alix следить за Мишей и не отпускать его надолго из дома? Я ужасно боюсь с «ее» стороны какого-нибудь решительного шага, который может сразу все испортить. Мне известно, что отсюда переписка продолжалась все время между Мишей и ею. Прости, милая мама, что я тебе надоедаю этим несносным вопросом; меня он все время беспокоит.

Сегодня чудный солнечный день; надеюсь, у вас такая же погода. Но всетаки осень идет вперед, не найдешь ли возможным отпустить яхты, главное — «Царевну»? Теперь я должен кончить. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. Христос с тобой! Всем сердцем тебя любящий твой старый

Ники.

Царское село.
4 марта 1909 г.

Моя милая, дорогая мама,

Ровно дне недели прошло с твоего отъезда.

Каждый день мы читаем court circular в «Daily Graphic», из них мы видим, что вы делаете.

К сожалению, вы почти не выезжаете вследствие нездоровья a. Alix, что очень скучно. Надеюсь, что она скоро поправится и Toria

---

[1]) Дед Николая Романова — имп. Александр II.

[2]) Франц-Иосиф, имп. австрийский.

[3]) «Скверное положение!»

[4]) Вульферт, Н. С., ур. Шереметевская, на которой Михаил Романов тайно женился заграницей в 1912 г.; этот брак повлек за собой назначение опеки над личностью, делами и имуществом Михаила Романова и лишение его звания флигель-адъютанта; в 1915 г. опека была снята, а жена его получила титул графини Брасовой.

тоже. Как твой кашель? Наш отряд теперь в Портсмуте и наших моряков чествуют там очень любезно. Надеюсь, ты увидишь кого-нибудь из них на улицах Лондона — это было бы так забавно!

Мы живем здесь тихо и хорошо. Слава богу, за последнюю неделю здоровье Аликс значительно поправилось, и благодаря этому я нравственно успокоился. Даст бог, осенью удастся поехать в Крым, от солнца и перемены нужно ожидать большой пользы.

Болезнь Столыпина теперь проходит, но один день она всех встревожила. Оказывается, у него сердце не в порядке, что, разумеется, представляло опасность при воспалении легких. Он заболел в ту самую ночь, когда вернулся с доклада у меня.

Тетя Мари [1]) завтракала у нас сегодня; она в духе и разговаривала как всегда. Она помогает т. Михен [2]) разбирать бумаги д. Владимира и каждый вечер прочитывает массу его писем и бумаг. По ее словам, между т. Михен и д. Павлом [3]) было одно недоразумение из-за андреевской бриллиантовой звезды анмама [4]), которая сначала попала в Эрмитаж с коллекциями табакерок д. Алексея [5]). Теперь они все уладили, разделив все бриллиантовые вещи между собою. Остается его дом, который она желает иметь для Кирилла [6]), и тут возникает трудность, как отделить этот дом от остального имущества. К счастью, это меня вовсе не касается!

Австрийские дела продолжают причинять всем большие беспокойства. Последние два дня как будто стало немного лучше.

В пятницу вечером у меня собирается Совет министров. Нужно потолковать о тех мерах, которые будет нужно принять у нас в случае войны между Австрией и Сербией, например — не позволять добровольцам ехать на войну, крепко держать газеты в руках, чтобы они не агитировали. Конечно, если на нас не нападут, то мы драться не будем. Ужас как все это надоело и как продолжается долго — скоро полгода.

5 марта.

Сегодня тепло, но целый день шел снег, даже глазам больно смотреть в окна. Сейчас пойду в сад и буду работать с Алексеем на катке.

---

[1]) Мария Александровна, сестра имп. Александра III, вдова принца Альфреда-Эрнеста-Альберта великобританского, герц. саксен-кобург-готского.

[2]) Мария Павловна («Старшая»), вдова вел. кн. Владимира Александровича.

[3]) Павел Александрович, вел. князь.

[4]) Мария Александровна, жена имп. Александра II, бабка Николая Романова.

[5]) Алексей Александрович, вел. князь.

[6]) Кирилл Владимирович, вел. кн., нынешний бутафорский «император всероссийский Кирилл I».

Аликс и дети тебя обнимают. Извини за неинтересное письмо. От души обнимаю тебя, моя дорогая мама. Целую а. Alix и Toria. Христос с тобой! Всем сердцем любящий тебя старый твой

Ники.

Царское село.
18 марта 1909 г.

Милая и дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо, глубоко меня тронувшее и обрадовавшее.

Так спокойно — знать тебя здоровою и довольною твоим пребыванием в Лондоне.

У меня было много и пренеприятных дел. Пришлось сменить военного министра Редигера [1]) за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова [2]), но согласился с ним и этим не защитил честь армии. Я взял на его место Сухомлинова [3]), которого знаю уже 20 лет; надеюсь, что его выбор будет удачен. Одновременно переменились и начальники генерального и главного штаба. Так что все высшее военное управление стало новым. Также на прошлой неделе у меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что Германия дала нам знать, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннекцию, а если мы откажемся, то последствия могут быть серьезные и непредвиденные. Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться. Единогласно всеми министрами это и было высказано. Если эта жертва с нашей стороны спасет Сербию от того, чтобы быть раздавленной Австрией, по моему, стоило принести эту жертву. Тем более, что нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации. Против кого? Очевидно, не против Австрии. И этого никак у нас в о б щ е с т в е не хотят понять, что вопрос стоял так грозно несколько дней тому назад. Теперь очевидно ругают и бранят несчастного Извольского еще хуже, чем прежде!

19 марта.

Продолжаю сегодня чем кончил вчера. Кроме дурных людей в России н и к т о теперь не желает войны, а по моему, она была очень близка. Как только опасность ее прошла, сейчас же начинают кричать, что мы унижены, оскорблены и т. п.

---

[1]) Редигер, А. Ф., военный министр (1905—1909).
[2]) Гучков, А. И., член III Госуд. думы; лидер партии октябристов.
[3]) Сухомлинов, В. А., военный министр (1909—1915).

Из-за слова «аннекция» наши патриоты готовы были пожертвовать Сербией, так как в случае нападения на нее Австрии мы не могли ей ничем помочь! Правда, что форма или прием германского правительства — их обращение к нам — был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим еще раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы действий приводят скорее к обратным результатам.

В этом письме я тебе посылаю письмо тети Мари и две телеграммы к ней от княг. Юрьевской [1]). Все та же история о дневниках аппапа, которые, она думает, находятся почему-то в Аничкове. Я сказал т. Мари, что до твоего возвращения не может быть речи, чтобы кто-либо мог их искать без твоего разрешения. Она вполне поняла это, но не знает, что отвечать той.

За прием наших моряков я благодарил дядю Берти; может-быть, ты будешь добра, когда увидишь доброго адм. Фишера, поблагодарить его от меня за его личное внимание к Литвинову и другим офицерам.

Они благополучно вернулись в Либаву, но я никого еще не видел. Сегодня был отличный смотр 1-му кадетскому корпусу в манеже. В субботу тоже морскому корпусу. За последние дни стало очень тепло, снег быстро начал таять.

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя, a. Alix, Toria, May и Georgie. Аликс тебя нежно целует. Христос с тобой! Всей душой горячо тебя любящий старый твой

Ники.

Ливадия.

27 сентября 1909 г.

Моя дорогая мама,

Завтра месяц, что мы приехали в Крым; время незаметно летит. Погода все время стоит чудесная, каждый день я возвращаюсь с прогулки пешком или верхом — мокрый насквозь. Это мне так напоминает дорогого папа, как он любил потеть от движения — и я это теперь тоже люблю. Дети, Дмитрий и я купаемся каждое утро в море — такое наслаждение — вода теплая — почти всегда 18°. — Добрый Хассан бодр и здоров и попрежнему неется впереди экипажа на собственных иноходцах.

---

[1]) Юрьевская, Е. М., кн., урожд. кн. Долгорукова, жена имп. Александра II, с которой он тайно обвенчался в 1880 г.

Последние три дня здесь гостило турецкое посольство, присланное султаном. Оно имело скверный переход, и их всех страшно закачало. Сегодня утром они прошли мимо Ливадии, возвращаясь обратно как раз во время купанья, команда стояла во фронте и кричала что-то! Погода тихая, так что, вероятно, переход будет удачный.

Ксения и Сандро уехали приблизительно на месяц. Я у них завтракал недавно и затем работал с ними на раскопках. Они находят интересные вещи, когда меня там нет.

Несколько дней тому назад Миша мне прислал письмо, которое меня удивило. Он просит разрешения поехать в отпуск, чтобы совершить путешествие по Италии о д н о м у? Я ответил, что в н ы н е ш н е м г о д у он уже довольно ездил и должен остаться при полку, и сделал ему на эту тему подобающее нравоучение, заключив письмо тем, что в будущем году он, конечно, может поехать куда хочет! Надеюсь, он, наконец, понял, что нельзя смотреть на службу, как на забаву, и что ему надо быть самому примером для других!

Здоровье дорогой Аликс поправилось настолько, что я решил поехать в Италию и покончить с этим скучным визитом. Думаю 6-го октября итти на «Штандарте» в Одессу и через Варшаву, Франкфурт и кусочек Франции на Mont Ceni в Racconiggi около Турина. Если я пробуду у короля и королевы два полных дня, то я могу быть дома 17-го утром. Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию. В вагоне я много читаю и чувствую себя почти как на судне. В эту минуту вошел Алексей после своей ванны и потребовал, чтобы я написал тебе, что он крепко целует бабушку! Он сильно загорел, как впрочем и сестры его и я тоже. Сегодня Извольский показал мне телеграмму Кудашева, посланную по твоему желанию по делу Andersen. Я отправил ее Столыпину, который знает весь вопрос и считает, что нужно его решить справедливо для Датского общества.

Трудно одно — это убедить Коковцова достать деньги без Думы. Но мы это сделаем — будь покойна.

Надеюсь, здоровье о. Hans [1]) не внушает более опасений. Пожалуйста, передай ему мой сердечный поклон.

Часто ли ты видишь Georgie [2]) и его жену?

Он, должно быть, сильно расстроен этими мерзостными событиями в Афинах.

Грустно подумать о всех его братьях, которые должны были оставить свои должности и поехать заграницу!

---

[1]) Повидимому, принц датский Иоганн.

[2]) Георг, принц греческий.

Что он будет сам делать? Больно за бедного дядю Вилли [1]) — какая награда за сорок слишком лет царствования! Никогда я не мог терпеть греков, теперь же они мне совершенно опротивели. Неужели они так глупы, что не могут понять, что без их династии они пропадут? Кто станет тогда поддерживать Грецию — конечно, никто!

Сделается у них республика, случится скандал, и, конечно, турки их заберут легко при первом удобном случае. Теперь мне пора кончать. Крепко обнимаю тебя, моя милая мама. Христос с тобой! Всем сердцем любящий тебя твой старый

Ники.

[Burg Friedberg.]

4 октября 1910 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо.

Мы с тобой, должно быть, думали и чувствовали то же самое в одно и то же время, потому что немного более недели тому назад я писал Мише об этом же предмете. Начав с того, что теперь нигде невозможно сохранить инкогнито, я объяснил ему, какое скверное впечатление получится для всех, если узнают, с кем он путешествует. Я не приказываю, а даю добрый совет не ехать с ней в поезде и не жить в одной гостинице вместе. В конце я прибавил, что уверен, что она согласится со мною, что, если она так его любит, как он думает, то она будет стараться причинять ему как можно меньше зла и ущерба. Написал я письмо как можно ласковее и получил от него ответ по телеграфу, в котором он очень благодарит.

Надеюсь, что он послушается совета. Я ничего не говорил ему про адъютанта, думая, что он совсем один не поедет. Все это более чем грустно и тяжело; мне больно слишком часто затрагивать с тобою эту неприятную тему, зная, сколько она причиняет тебе страданий. Ольга писала мне то же самое, что и тебе. Не знаю, где теперь Ксения. Не вернулась ли она уже в Россию!

У нас здесь все идет хорошо. Проходит, можно сказать, целый калейдоскоп родственников, приезжающих и уезжающих. Sophie [2]) с детьми сегодня окончательно уезжает в Грецию, где она не была уже полтора года. Mossy [3]) и Fischy с сыновьями бывали здесь — я был у них два раза в Friedriehshof.

---

[1]) Георг I, король греческий, б. принц датский, брат имп. Марии Федоровны.

[2]) София, жена греческого принца Константина; сестра герм. имп. Вильгельма II.

[3]) Маргарита, жена принца Фридриха Карла гессенского.

Он очень постарел, очень похож на мать, но развернулся и даже сделался довольно веселым и разговорчивым. Там же я видел их сестру Vicky, такая же милая и добрая, какою она была и прежде. Henry [1]) недавно приехал из Англии, которую он всю проехал на своем автомобиле. Ella приезжает на этой неделе, она часто меняла дни своего прибытия, и из-за этого тут происходили недоразумения, даже боялись одно время, что она не приедет. Лечение Аликс приходит к концу; она уже приняла 16 ванн — осталось еще четыре, т. е. восемь дней, после чего мы все переедем в Wolfsgarten.

21-го октября я уезжаю в Potsdam с визитом — останусь там два дня и вернусь 24-го утром. В последний раз мы были у императора [2]) в 1899 году, после этого встречались с ним на море или в Wiesbaden, так что у него в его «home» я не был уже давно. Уверен, милая мама, что ты одобряешь мое решение ехать к нему, в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе — что вовсе нетрудно avec un peu de bonne volonté de part et d'autre [3]).

Какая гадость произошла в Португалии, я так же возмущен этой революцией, как и ты. Очень не хочется признать там республику, мы сделаем это после всех остальных и — попозже. Очень жаль, что допустили этот конгресс в Копенгагене всех социалистов; в республике это еще понятно, но в королевстве — странно.

Конечно, меня оно не касается, пишу только свое мнение, которое, я уверен, и ты разделяешь. Здесь количество социалистов очень большое, и это многих серьезных людей сильно беспокоит. Беспорядки в Берлине доказывают, насколько движение пошло глубоко, также и стачки железных дорог во Франции — во всем этом пахнет нехорошим духом революции!

Вот уж я заболтался, прошу извинения, милая мама.

Четыре дня в неделю я бываю занят бумагами с фельдъегерями, а в свободные часы много читаю для собственного удовольствия.

Николай Михайлович [4]) написал новую книгу и посылал мне это время корректурные листы ее — это переписка Александра I с сестрою — Екатериною Павловною. В конце приложены: отрывок из воспоминаний княг. Ливен в Лондоне, еще разные письма Марии Федоровны, принца Ольденбургского и завещание Екатерины Павловны. Все очень интересно, и я прочел книгу с большим удовольствием. Зимою она будет издана и, наверное, тебе очень понравится.

---

[1]) Вер., Генрих, принц прусский, муж Ирины гессенской, сестры имп. Александры Федоровны.

[2]) Т. е. у герм. имп. Вильгельма II.

[3]) «Если есть немного доброй воли с той и другой стороны».

[4]) Николай Михайлович, вел. князь, историк.

Кроме чтения тут по вечерам мы тоже делаем puzzles; так как нас много, то обыкновенно складывание их идет скоро, на следующее утро после breakfast puzzle кончают и вечером начинают новый. От 10 ч. до 12 ч. я делаю свою прогулку с Боткиным [1]) и Дрентельном [2]), а днем бывает общая прогулка или lawn-tennis в Наугейме. Я несколько раз видел Ольгу Гейден в Гомбурге за обедней. Теперь мне пора кончать. Прощай, моя дорогая душка мама. Нежно тебя обнимаю. Храни тебя господь!

Всем сердцем любящий тебя старый твой

Ники.

Царское село.
11 ноября 1910 г.

Дорогая моя мама,

От всего сердца поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе здоровья, радостей и тишины душевной! Сожалею чрезвычайно, что не можем провести этот день вместе.

Вот уже полторы недели, что мы вернулись из Wolfsgarten.

К несчастью, Аликс устала от дороги и снова страдает от болей в спине и ногах, а по временам и в сердце. Они проходили совсем, но после железной дороги возобновились с новой силой. Ни она, ни я — этого не ожидали. Она нарочно поехала на гусарский праздник, но не к завтраку, и всетаки вернулась домой с такою головною болью, что должна была лечь. А после этого другие боли становятся еще сильнее, и все это делается вроде cercle vicieux! При таких условиях мне кажется, что нечего думать о переезде в Петербург.

Как ты слышала, Толстой [3]) умер, об этой смерти говорят и пишут много, слишком много. К счастью, его похоронили очень скоро, поэтому сравнительно немного народа успело наехать в Ясную Поляну, и там было все хорошо, спокойно. Но все ожидали демонстраций и беспорядков и теперь удивлены, что их не случилось.

Погода стоит странная: пока лежал снег — таяло, когда он сошел, начался мороз. Вчера была первая охота за Гатчиной — в Туганицах — очень хорошая. Но теперь я должен кончать. Нежно обнимаю тебя, милая моя мама, и благодарю за твое письмо. Христос с тобою! Всею душою тебя любящий твой старый

Ники.

---

[1]) Боткин, Е. С., лейб-медик.
[2]) Дрентельн, А. А., флигель-адъютант.
[3]) Толстой, Л. Н., знаменитый писатель (умер 8 ноября 1910 г.).

Из записной книжки архивиста.

Из офицерских писем с фронта в 1917 г.

Ниже публикуются письма офицера родным с фронта империалистической войны, охватывающие период с Февральской революции по конец «знаменитого» июньского наступления на юго-западном фронте, в котором автор принимал участие в качестве младшего офицера одного из гвардейских полков.

Находясь, как младший офицер, в самой гуще действующей армии, автор писем непосредственно на себе ощущал все проявления развертывавшейся классовой борьбы в армии, и его письма, ярко отражающие, в преломлении офицерского сознания, эту борьбу, развал царской армии, психологию и настроения офицерства и солдат в тот период, являются чрезвычайно интересным документальным памятником эпохи. Надо отметить, что, судя по письмам, перед нами не обычный тип офицера царской армии. Это — офицер-интеллигент, с высшим образованием, но это обстоятельство усиливает интерес к публикуемым документам.

Автор писем — умный, расчетливый классовый враг, способный трезво оценивать обстановку и в соответствии с ней действовать. Через все его письма красной чертой проходит мысль о восстановлении пошатнувшегося господства офицеров над солдатами. Он старается втереться в доверие солдат. «Необходимо лавировать», пишет он. Учитывая настроение солдат, он либеральничает, участвует в «политпросветработе» среди солдат, ведя занятия с ними «так сказать, по государственному праву в связи с русской историей». При этом, — как сознается сам автор, — он «часто лицемерит и кривит душей», что ему, «впрочем, удается».

Расценивая партию с.-р.,как «лучшее средство против ленинизма и большевизма» и пропагандируя среди солдат с.-р. идеи, он работает над организацией офицеров и избирается председателем исполнительного комитета общества офицеров полка.

Письма ярко отражают обострение и углубление классовой вражды между офицерами — этими носителями буржуазно-помещичьей власти в армии — и солдатами. Несмотря на все ухищрения офицерства, пытавшегося расположить к себе солдат, чтобы постепенно восстановить былую власть, солдаты шли своим путем. Солдаты не доверяли офицерам. Автор это констатирует сам: «Между нами [офицерами] и ими [солдатами], — пишет он, — пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы. В их глазах произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли. При новом строе им будет лучше, а нам — хуже, чем было раньше, в этом они убеждены. Поэтому они не верят искренности нашей приверженности к солдатам. Раньше правили мы — теперь они хотят править сами».

Отдавая себе отчет в происходящем, автор восклицает: «Нужны немедленные и решительные меры, иначе власть ускользнет из наших рук».

Письма рисуют, как протекало движение солдатских масс гвардейских полков за демократизацию, как осуществлялись лозунги: «долой всех баронов, фонов и прочих шпионов», «долой белую кость», как проводились в жизнь смена и выборы командного состава. Инициатива, энергия и решительность, с которой проводилась демократизация армии, привели автора, в конце концов, к выводу, что «руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиняться».

Автор сообщает весьма характерный штрих при описании того, как были восприняты известия о Февральской революции на фронте. Солдаты встретили известие из уст офицеров о революции в Петрограде и образовании Временного правительства многозначительным молчанием. Молчанием встретили они сообщение о назначении верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Классовое чутье подсказывало им, что состав правительства из князей, капиталистов и помещиков и назначение во главе армии великого князя не сулит рабоче-крестьянским и солдатским массам ничего хорошего. Солдаты не видели революционных перемен в армии. Власть попрежнему оставалась в руках буржуазно-дворянского офицерства. Солдаты молчали перед офицерами, но это молчание было «себе на уме». Начавшийся в недрах царской армии стихийный процесс самоорганизации солдат и высвобождения их из-под власти офицерства и влияния контрреволюционных партий с.-р. и меньшевиков, и усиление влияния партии большевиков вскоре дали себя знать.

Временно, в период подготовки к июньскому наступлению, буржуазии с помощью с.-р. и меньшевиков, сыгравших на «добросовестном оборончестве», удалось затормозить этот процесс. Но уже со второго дня наступления этот процесс пошел еще интенсивней. Солдаты во всей своей массе пошли за большевиками.

Автор обходит молчанием роль большевиков в борьбе за армию. Только в одном месте он говорит о «коммунисте-террористе», которого он старается обрисовать в мало привлекательных тонах. Между тем работа большевиков и влияние их среди солдат гвардейских полков, как и в других частях юго-западного фронта, были значительны. Достаточно указать на такой факт, как увод с фронта в тыл под руководством офицера-большевика целого гренадерского полка, батальона Павловского и части Финляндского полка. Это событие вызвало сильное брожение в остальных частях I гвардейского корпуса. В результате весь I гвардейский корпус оказался совершенно небоеспособным, что вынудило командование вывести все полки этого корпуса в тыл.

Чрезвычайно любопытна запись разговора, который автор имел с офицером-поляком. В этом разговоре очень ярко отразился махровый шовинизм обоих собеседников.

Автор, видя настроение солдат, не верит в наступление и предсказывает падение правительства Керенского. «К самой идее наступления, — пишет он, — я отношусь отрицательно. Я не верю, что с такой армией можно победить. Если же наступление будет неудачно, то правительство и весь командный состав полетят к чорту». Оценивая же перспективы, автор пишет: «Все-таки, думаю, что окончательно Россия не может погибнуть, но сомневаюсь, уцелеем ли мы?» Его сомнения относительно судьбы его класса империалистической буржуазии — оправдались. Октябрь смел буржуазию и ее прихвостней — эсеров и меньшевиков, с помощью которых буржуазия

пыталась одурачить рабочие и крестьянские массы и в тылу и на фронте.

Л. Андреев.

4 марта 1917 г. Фольварк Блудов [1]).

Вот уже неделя, что я ничего не писал вам. И теперь мне опять трудно писать. Я должен отвлечься от мыслей и чувств, которые всецело мною владеют — они заключаются в ужасной тревоге за вас, которая совершенно обессиливает меня. Сообщите обо всем, как можно скорее и как можно подробнее. Я постараюсь взять себя в руки и с обычной подробностью попытаюсь рассказать обо всем, что было со мною за это время.

Я благополучно досидел свой срок в лисьей норе. Рота потеряла только одного убитым и двух раненых. Два раза звал себе на помощь артиллерию— немецкий бомбомет обстреливал участок, в пределах которого находилась спасающая разве только от дождя землянка, а в ней жило два отделения. Если бы немцы попали в эту землянку, то рота потеряла бы человек двадцать. Поэтому я и глушил их бомбомет нашей батареей, что быстро удавалось делать. Особенных происшествий за время моего сидения не случилось, но работать приходилось много — рота очень скверно несла службу, и надо было решительно во все входить самому. Это доставляло мне удовольствие и скучно не было. Хотя я в лисьей норе совершенно потерял правильное понятие о времени — казалось, что всегда ночь, — однако чувствовал себя очень хорошо. Ложился около 5 час. утра, вставал около одного часу дня, даже в два часа. Одиночество также было мне приятно — нельзя постоянно быть на людях, даже если они очень милы. Читал очень мало — я взял с собой «Rome» Золя. Вообще все было бы отлично, если бы я имел от вас или хоть от кого-нибудь письма.

В ночь с 1-го на 2-е марта нас сменили гренадеры, и полк отошел в дивизионный резерв. Наш баталион опять стоит в фольварке Блудов. Мы, офицеры — а к прежним присоединились прибывшие из отпуска Асташев и Карпов, — поселились в доме графа Ротермунда, уже старого человека, бывшего польского повстанца, долгое время проведшего в сибирской ссылке, никогда ни перед чем не склонявшего голову и, видимо, считавшего неприличным и унизительным для себя обращать внимание на войну — он все время оставался в своем имении, скрываясь в дни жестоких обстрелов в громадном, темном, сыром, сводчатом подвале. Повидимому, на том месте, где стоит занимаемый нами дом графа, стоял замок, под которым находился этот подвал — подземелье. А теперешний дом, окруженный парком, теперь испорченным войной, а некогда прекрасным, не представляет собой ничего интересного. Но для нас он сущий клад. Высокие потолки, настоящие печи, большие, светлые окна, паркетный пол, мебель, зеркала — боже мой, как хорошо! У нас — три комнаты. Одна — столовая, в другой живут Карпов, Жибер, Щеляков, Пилсудский и Арронет, в третьей — Морозов, Асташев, Чистяков, Крестов, Блажевич и я. Нам очень просторно и очень хорошо.

День второго марта был полон событий. Утром я получил трогательную открытку от дяди Арсюши — я очень обрадовался, что могу читать хоть чьи-нибудь строки, обращенные ко мне. День был чудесный, снег подмерз, небо было темно-синим, чудесным. Я с Марченко пошел погулять..

Нам весело было следить, как рвутся наши шрапнели, бившие по немецкому аэроплану, — безрезультатно, конечно. Потом вернулись к завтраку и тут узнали из газет, что Дума распущена. Мы стали подозревать недоброе, но особенных ужасов еще не предполагали.

[1]) Подлинники публикуемых писем хранятся в ЛОЦИА.

Днем я наслаждался в бане в Бискупиче. Вернувшись, застал в нашем баталионе подпоручика Анисимовича, проведшего у нас два дня и назначенного затем в третий баталион. Он рассказал, что в Петрограде большие беспорядки, что много стрельбы, что, повидимому, войска передрались между собой, но что, в общем, они склоняются на сторону восстающих. О павловцах он ничего не знал, но говорил, что при нем они не стреляли. Больше всего обеспокоило меня известие, что Костя охраняет Протопопова, завтракает и обедает у него. Но так как он говорил о беспорядках только с чужих слов и так как я знаю, как слухи искажают действительность, то не придал всему этому особенного значения, думая, что все обойдется так, как уже не раз обходилось в случаях, когда я наряжался на охрану. Да и все отнеслись к этим слухам слишком легко, только настроение несколько приподнялось.

На другой день должен был уезжать Марченко — он эвакуируется по причине нервной болезни, и в его честь давался обед. Были приглашены Раудсей, Осипов, Чекмарев, Леонтьев, позже пришли Юрка и Петранди. Было оживленно, дружно, задушевно. Пили много, но все собой владели. Был струнный оркестр. Говорили речи, даже на политические темы (командир баталиона поднял тост за русское освобождение), пили «на ты» все, кто был еще «на вы», между прочим и с Морозовым. Об этом вечере у меня сохранится хорошее воспоминание.

Встав утром 3 марта в самом беззаботном настроении, мы услышали подтверждение слухов о восстании в Петрограде. Об этом говорил, между прочим, Легатович, передавший мне ваши фотографии и письма от вас троих, Александра Николаевича и Гинзберга. Я забыл сказать, что накануне Анисимович передал мне письмо от папы. Таким образом, я мог на вас смотреть и читать ваши письма. Счастье было мне отравлено сознанием того, что эти письма устарели, что теперь у вас, может быть, все другое и ужасное. Пока мы слушали рассказы Легатовича, приехал Морозов, бывший на освидетельствовании миномета в Финляндском полку. Он сказал, что Родзянко — премьер-министр и что какой-то Бубликов — министр путей сообщения. Вместе с тем подтвердились слухи о больших беспорядках в Петрограде, и о том, что с фронта уже отправляют первые эшелоны преображенцев, московцев и стрелков императорской фамилии. Настроение у одних очень поднялось, у других — и у меня в том числе — совсем упало. Я рисовал себе в воображении самые отчаянные ужасы.

После завтрака положение ухудшилось. Морозов был вызван на совещание командиров баталионов в штаб полка в колонию Уманцы. Он вернулся часов в 5 страшно взволнованный, приказал собрать все роты баталиона, вызвал всех офицеров, и мы пошли к людям. По дороге он сообщил, что Экстен убит, что четвертая рота нашего полка восстала, что учебная команда под начальством Чистякова стреляла, но что, кроме Экстена, потерь в офицерах нет. Далее он сказал, что наш запасный баталион запятнал себя в общественном мнении, оцеплен Егерским полком, что солдатам перекрашивают петлицы, чтобы спасти их от побоев толпы. Часть войск, якобы, восстала и разбила полицию. Было уже заготовлено по 50 вагонов на каждый из находящихся здесь гвардейских полков для постепенной отправки их в Петроград, но теперь их отправка отменена. Отчего — этого он нижним чинам не сказал. Им он сообщил только, что Родзянко прислал телеграмму о том, что он премьер-министр, что из членов Думы образовано министерство, что оно перед Думой ответственно и что армия ни в чем нуждаться не будет.

Далее он сказал, что это явилось следствием беспорядков в Петрограде, которые теперь уже прекратились. Солдаты молчали. Потом я разговаривал с некоторыми из них и вынес впечатление, что сознательное меньшинство довольно, но хочет отомстить вождям павшего режима, большинство же относится ко всему происшедшему с полным безразличием и хочет только одного — мира. Я не могу выразить, как больно и страшно мне было вчера за вас и особенно за Костю. Мы все были подавлены и удручены безмерно. Главное то, что все сведения такие запоздалые и такие неверные. Обрадовало только, что вывоз гвардии в Петроград отменен, а отправленные уже эшелоны возвращены.

Вечером пришли еще худшие известия. Их привез Качуровский, бывший днем в Луцке. Он сообщил, что разгромлен орудийный завод и арсенал, что на улицах было побоище, что погибло много офицеров. Стреляли, по слухам, не только пулеметы, но и бомбометы, бросали ручные гранаты. Офицеры, понурые, убитые страхом за будущее, ходили один к другому, нервничали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не запомню такого тяжелого дня. Полумертвый я заснул.

Сегодня утром пришло известие, что Николай Николаевич назначен верховным главнокомандующим. Я сообщил это солдатам. Они опять молчали. Сегодня я спокойней за вас, чем был вчера. Я уверен, что мы бы уже знали, если бы что-нибудь случилось с кем-нибудь из наших офицеров. Ко мне хоть в некоторой степени вернулось спокойствие. Затем, я думаю, что слухи все-таки очень преувеличены, и мне кажется, что переворот прошел сравнительно благополучно. Днем мы окольным путем узнали состав нового кабинета, а к вечеру пришла телеграмма Алексеева, посланная им по приказу Николая Николаевича. Из этой телеграммы мы уже официально узнали, кто у нас министры. Среди офицеров общее ликование. В телеграмме Алексеева говорится, что в ночь на 4-е будет опубликован манифест, значит, завтра мы его прочтем. Все уверены, что Николай II отрекся от престола. Я не совсем уверен в этом и чувствую большой страх «за своих» — сумеют ли? Хватит ли патриотизма, ума и таланта? Выпадет ли на их долю удача? Я ни в чем этом не уверен. Главное, не перессорятся ли, сумеют ли забыть о партийных платформах? А потом, что делаете вы, папа, мама, Костя? И думать не смею. Неужели есть жертвы среди близких и любимых? Я не должен давать воли своим чувствам и больше не буду об этом писать.

А у немцев — ликование. Выставляют плакаты, салютуют, играют оркестры. Попытались наступать на VII корпус (не знаю, где это), но были отбиты. Наше высшее командование растеряно — дивизионный, корпусные и т. п. не знают, что им делать. Надо бы было устроить парад, самим салютовать, выставлять победные плакаты, заставить играть оркестры, воспользоваться моментом для подъема духа солдат. Но разве есть что-нибудь на свете бездарней, безличней, трусливей, чем военная бюрократия? И жизнь рот течет так, будто ничего не случилось. Это ужасно, но я надеюсь, что после манифеста у нас что-нибудь сделают...

11 марта 1917 г. Фольварк Блудов.

...Мне трудно передать последовательно, как текли события. Моя память была затуманена болезнью, страхом за вас, тревогой за будущее нас самих. Все время входили и выходили офицеры, то возбужденные каким-нибудь радостным известием, то удрученные вновь обнаружившимся затруднением. Все волновались, говорили, злились на тупость начальства и внезапно переживали припадки самых

радужных надежд. Этот резерв измотал и утомил нас больше всякого окопного периода. Слава богу, теперь стало несколько проясняться, все же возможность кровавых событий не совсем исключена. Надо помнить, что положение гвардии особенно тяжело — ведь это ее запасные батальоны сделали историческое дело. С другой же стороны, ее старое офицерство и генералитет имеют определенную репутацию. Наконец, каждый полк имеет роту величества, в связи с чем возник вопрос о вензелях. Вообще было очень смутно.

Вот каким представляется мне положение. Во-первых, ни одну воинскую часть так не волновали петроградские новости, как гвардейцев. А сведения из Петрограда приходили запоздалые, преувеличенные, часто нелепые. Верили всему, и ничего нельзя было опровергать. Во-вторых, когда пришло известие об установлении нового порядка, то офицеры стали подозревать солдат, а солдаты офицеров. Мы не знали, как отнесутся нижние чины к событиям, поймут ли они происходящее, а главное — не заразятся ли они петроградским примером, не вздумают ли и у нас сменять начальников и заводить собственные порядки; не знали мы также, не захотят ли они прекратить войну, не предпримут ли они какого-либо насилия для ее прекращения; наконец, мы не знали, одинаково ли воспримут новые вести все части или полк пойдет на полк и батальон на батальон, а ведь от нас до немцев — несколько верст, случись что-нибудь, и фронт будет прорван, может быть, прорван в нескольких местах и что тогда? И мы томились и не знали, как лучше исполнить свой долг.

А солдаты в то же время не доверяли офицерам. Они не знали, на стороне какого строя мы стоим и одинакового ли мы направления; они боялись, что с нашей стороны будут попытки сдать позиции немцам; они были уверены, что от них скрываются какие-то новые приказы, они также боялись, перейдут ли все части на сторону нового порядка; они мучились тем, что свободу отнимут, что отечеству изменят; они верили каждому нелепому слуху самого темного происхождения; они постоянно хватались за винтовки, и несколько раз могло случиться побоище.

В третьих (боюсь, вы уже забыли, что было во-первых и во-вторых), нельзя было вести себя глупей нашего начальства. Оно ничего не поняло и считало возможным возврат к старому. Оно не сделало ничего для смягчения положения. Временно командующий полком полковник Христофоров кричал в телефон (его слышали все телефонисты, и это тотчас стало всем известно), что сволочь получила свободу и что, вернувшись с войны, мы отомстим им. Генерал Гольтгоер, командир дивизии, сказал, между прочим и нашим солдатам, речь, в которой говорил, что горд своими вензелями (он — свитский), которых он не снял, что теперь на престол взойдет Михаил, и призывал служить ему так же верно, как Николаю. Продолжали петь «боже, царя храни». Старшие начальники не сделали ничего для вселения к ним доверия, а бездействие было истолковано, как приверженность их к павшему порядку. Атмосфера получилась ужасная.

Конечно, сейчас необходима особенно тесная спайка между офицерами и солдатами. Но достичь ее очень трудно. Во-первых, далеко не все офицеры способны на это. Сколько среди нас желторотых кадетов, ничего не смыслящих! Сколько людей пустых, ленивых и беспринципных, которые ничего не понимают и которым ни до чего нет дела! Сколько глупцов и невежд, которые, даже имея добрые намерения, не умеют их осуществить! В результате получается расслоение между офицерами, в одном батальоне они ведут себя так, в другом — иначе. А отсюда идут разговоры — офицеры

такого-то полка составляют заговор, на такой-то батарее офицеры отомкнули у всех орудий замки, там-то приказано зарыть лисьи норы, велено отнять у нас винтовки, надо итти и разгромить такой-то батальон. Мы узнали, что одна батарея обещала нашим людям по первому требованию разгромить фольварк, в котором мы живем, если подтвердится дошедший до них слух о нашей измене новому строю. В батальоне люди хотели охранять нас, так как услышали, будто решено арестовать Блажевича и Крестова. Они слышали какой-то спор в нашем собрании о национализации земли, во время которого Крестов высказывался в ее пользу, другие же ее оспаривали — и у них явилось убеждение, что он (и почему-то Блажевич) за народ, другие же против него. Они говорили о том, что надо убить офицеров с немецкими фамилиями. Так как в эти дни я не был с ними и они не могли знать моих убеждений, то я очень беспокоился за вас, почти уверенный в том, что они меня убьют. Здесь передавался лист для подписки на полковой жетон кому-то, а такой лист могут подписывать только офицеры, прослужившие в полку 5 лет, а солдаты утверждали, что рассылалась какая-то бумага политического содержания, которую некоторые офицеры отказались подписать. Солдаты чувствуют, что не все офицеры одинаковы, по своему это объясняют, и легко может случиться, что они начнут на этой почве сводить личные счеты. Влиять на своих солдат еще можно, но с солдатами других частей ничего поделать не можем.

Между нами и ими пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они не относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы. В их глазах — произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли. При новом строе им будет лучше, а нам хуже, чем было-раньше, — в этом они убеждены. Поэтому они не верят искренности нашей приверженности к солдатам. Раньше правили мы — теперь они хотят править сами. В них говорят невымещенные обиды веков. Общего языка нам не найти — вот проклятое наследие старого порядка.

Пропасть между ними и высшим начальством еще бездонней, из нее вылетают зловещие слухи. Нам говорят, что генерал Гольтгоер открыл фронт немцам. Сегодня ночью была страшная, ураганная канонада правее нас. Оказалось, что немцы наступали на семеновцев, но были отбиты. Солдаты рассказывали, что офицеры говорили, что ничего не будет и приказывали людям спать в своих норах, что солдаты им не поверили, всю ночь простояли у бойниц, а к утру пошли три немецких цепи — и наклали же им они! Полевой интендантский склад перевозится из Несвижа в Блудов — движение замечается немцами, которые открывают артиллерийский огонь — солдаты уверены, что генералы хотят уморить их голодом и нарочно устраивают склад на обстреливаемом германцами месте. В пулеметной команде был почти бунт — солдаты утверждали, что дивизия украла пулеметы; с трудом доказать удалось, что два пулемета отправлены в учебную команду для обучения стрельбе из них. Солдаты просили разрешения брать с собой на работы винтовки — иначе их у них сворuют. Они повсюду выставляют свои караулы, непомерно большие — у винтовок, у пулеметов, у складов. Они всюду подозревают измену и черносотенство. Их успокоить ничем нельзя. За каждым шагом Христофорова и Гольтгоера, — вероятно, и за другими генералами, — следят их агенты, все передающие частями.

В основе всех этих нелепостей, обнаружить которые перед ними иногда все-таки удается, лежит одно соображение, которое нельзя опровергнуть. Переворот свершился в тылу, а у нас все осталось по-старому; высшая власть вверялась при павшем правительстве его приверженцам, а они все на местах. Надо немедленно сместить всех генералов с немецкими фамилиями и других, которые навлекут на себя подозрение. Надо сделать это скорее, иначе начнется солдатская самоуправа. Если будет убит хоть один, он не останется единственным, а ведь перед нами немцы — что же тогда будет? Недоверие так велико, что сегодня 1-й батальон отказался принести присягу, подозревая ее подложность вследствие того, что в приказе она не имела подписи Гучкова. Они грозили захватить пулеметы и расстрелять другие батальоны, если они присягнут.

Нужны немедленные и решительные меры — иначе власть ускользнет из наших рук, инициатива преобразований перейдет от нас к ним, армия начнет разлагаться, и поражение будет неизбежно.

Главнокомандующий подписывается «генерал-адъютант Николай», Брусилов пишет: «мы должны безропотно подчиниться воле монарха об отречении» и т. п. Эти люди ничего не понимают, надо предотвратить ужасы революции на фронте.

Кроме замены старших начальников новыми лицами необходимо издать приказ об упразднении свиты и вензелей, об отмене пения «боже, царя храни», о немедленном разрешении отпусков и командировок — мы сидим как в тюрьме, солдат и офицеров не пускают даже в Луцк — можете себе представить, какие это родит слухи!

Надо осуществить солдатский контроль над ротным и, частью, полковым хозяйством. Надо установить обмен посланцами между частями хотя бы одной дивизии с целью взаимной информации, иначе может случиться, что вследствие недоразумений одна часть будет стрелять в другую. Надо открыть широкий доступ газетам в армию, надо издаваемые в самой армии и главным образом обслуживающие ее газеты реформировать. Эти идиотские официальные издания обо всем молчат, надо прогнать весь состав их сотрудников. Надо, чтобы сюда приезжали делегаты от вас, которым все бы верили и которые бы все говорили. Надо оздоровить военную цензуру. Все это надо сделать немедленно, пока еще не поздно, пока старая военная власть не довела еще армии до того, до чего вообще наша старая власть довела страну. Необходима тесная спайка между офицерами полков хотя бы одной дивизии, а мы не можем даже у себя в полку добиться общего собрания. Необходимо сплочение генералитета с офицерством — ведь только от нас старшие начальники могут узнать об истинном положении дел. А какое тут сплочение, когда Гольтгоер утешал офицеров по поводу падения монархического режима — он думал, что этим все огорчены.

Я часто вспоминаю теперь положение профессуры между министерством и студенчеством во время университетских беспорядков. Так и мы, младшие офицеры-интеллигенты, все понимаем и совершенно бессильны — и снизу и сверху гибель.

Еще хорошо, что я во втором батальоне. Мы дружны и в эти дни сблизились окончательно. Морозов все понимает, и полк многим обязан ему за то, что он сделал в эти дни. Уже хватались за ружья в наших ротах, но он сумел предотвратить кровопролитие. Чистяков, Крестов, Блажевич также вполне на высоте положения. С остальными не стоит считаться — они зависят от нас. До сих пор в нашем батальоне все сходило благополучно — вывесили красные флаги, кричали «ура». Вчера у нашего окна был парад

вновь награжденных георгиевских кавалеров. Я лежал на койке и смотрел в окно. Все — в голубоватых французских стальных шлемах, оркестр играет марсельезу (удалось уговорить Христофорова), солнце, голубоватый снег. Я взволновался — было так необычайно, так хорошо. И верилось, что все обойдется.

В смысле боевом настроение войск удивительное. В атаку пойдем, как один человек, как ходили в начале войны. Но пусть нас ведет не Гольтгоер. Иначе солдаты опять скажут, что он хочет от них отделаться, что он выбирает участок потруднее, что он хочет подарить немцам русские трупы.

Только что узнал, что в окно дома начальника нашего обоза 1-го разряда барона Штемпеля сейчас три раза стреляли, но, к счастию, не причинили ему вреда. Сейчас посылаем за ним человека, чтобы он переночевал у нас. Не убьют ли в пути?

Не знаю, как отправлю это письмо и когда оно придет. Если ты, папа, найдешь это возможным, передай Гучкову все, что касается положения у нас на фронте. Может быть, ему еще не известны наши обстоятельства. Надо пользоваться, по моему, всем для информирования его об условиях, сложившихся здесь в связи с последними событиями. Но, может быть, мои сообщения запоздают.

12 марта 1917 г.

Сегодня положение ухудшилось. Утром солдаты произвели обыск у графа Ротермунда, — конечно, ничего не нашли, но все же предписали ему к 6-ти часам вечера выехать из имения. Обыск явился следствием ночного совещания фельдфебелей всех рот, а также ночного совещания солдатских депутатов в Черном лесу. Фельдфебеля, несомненно, хотят занять наши места. В ротах 1-го батальона уже начали смещать офицеров и выбирать себе новых. Смененным офицерам не хотят, повидимому, позволить уехать отсюда. Полковника Адамовича и случайно бывших с ним в это время Чекмарева и Анисимовича арестовали, но теперь, кажется, выпустили. Присягать сегодня, повидимому, опять не будут — оказывается, их смущает имеющееся в тексте присяги слово «государство»; они думают, что это что-то такое, где обязательно должен быть государь, а государь в их понятиях непременно самодержец.

Сколько бы мы с ними ни говорили, сколько бы ни разъясняли им последние приказы немедленно по их получении, сколько бы ни старались предотвратить столкновения, они не верят нам. Некоторым офицерам они прямо говорили, что в гвардии все офицеры — дворяне и что поэтому офицеры не могут быть сторонниками новой власти.

Конечно, надо надеяться до самой последней минуты, но я считаю солдатские бунты вполне возможными. Еще вчера они качали Тимохина, говорили, что верят ему, что ничего без его согласия не предпримут. А сегодня, когда он пришел в роту, они кричали ему «вон» и объявили затем, что выбрали себе нового ротного командира. Изменений и колебаний их настроения ни предугадать, ни направить нельзя.

Впрочем, сегодня произошли два отрадных факта. Во-первых, приехали делегаты из Луцка, во-вторых, пришел приказ об отставке командира Финляндского полка барона Клодта фон Юренсбурга. Кажется, сейчас делегаты будут говорить с солдатами нашего батальона. Я не буду, к сожалению, при этом присутствовать — не хочу без крайней нужды выходить из дому. Может быть, они сумеют благотворно повлиять на солдат. Что касается Клодта, то говорят, что он отличный генерал. Но имея такую фамилию, он не должен был оставаться командиром полка — хорошо, что это сообразили.

Говорят, солдаты очень довольны офицерством 2-го батальона, и между ними ходит слух, что решено всех сменяемых офицеров заменить офицерами нашего батальона. Таким образом, нам грозят обе беды — и смещение и избрание. Уж не знаю, что хуже.

Вчера к вечеру положение казалось прояснившимся, сегодня оно ухудшилось. Мы все время переходили из одной полосы в другую. У некоторых начинают опускаться руки, до того эти волнения утомляют. Некоторые говорят: хоть бы скорее на позицию, там все же будет лучше, поневоле люди сдержат себя. Существует мнение о необходимости послать офицера в Петроград для информирования Гучкова. Но все равно он приехал бы поздно. Кроме того, запрещены отпуска и командировки, так что вряд ли такая посылка оказалась бы возможной.

Вообще положение безвыходно — руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиняться.

Всех очень волнует вопрос об организации участия армии в выборах в Учредительное собрание. Недоумевают, как возможно это осуществить. Почти все офицеры не имеют никакого понятия об избирательном праве, надо объяснять, что такое прямое, равное и т. д. Вообще мы удручающе незрелы...

Большой Корытницкий лес, 28 апреля 1917 г.

Вы удивляетесь, почему я давно не писал? Сейчас объясню.

23-го утром меня уведомили телефонограммой, что я выбран делегатом полка в дивизионную комиссию офицеров, имеющую установить порядок выбора представителей от дивизии на всероссийский офицерский съезд в Петроград. Мне пришлось отправиться пешком в штаб дивизии, так как все лошади были заняты. Кроме меня был избран Морозов. Исполнив работу, я уже в окопы не вернулся, а поселился в Блудове в халупе пулеметчиков, так как предполагал, что меня выберут в комиссию дивизионных выборщиков. Это предположение сбылось на другой день. Кроме меня были избраны Морозов, Клейнман и Клобуков. С другого же дня, т. е. с 24-го, мы приступили к выработке наказа, который был готов к трем часам ночи 25-го. Работали дружно и хорошо. Мы кооптировали по одному представителю от баталионов, не имевших представителей в нашей среде. От 4-го баталиона явился Легатович. Наш наказ состоял из двух частей — политической и деловой. В деловой части Легатович был с нами, но в политической мы резко разошлись. Он оказался крайним реакционером.

Так как 25-го на нас нехватило обедов в штабе полка, где мы работали, то я повез Легатовича в штабной бричке к себе пообедать. По дороге произошел такой разговор.

Легатович. — Нет, у нас в Польше все будет иначе.

Я. — Как же именно?

Л. — У нас сильный клерикализм и сильная аристократия, вместе мы создадим настоящее государство, без этого демократизма.

Я. — Боюсь, вы ошибаетесь. Вы забываете, что у вас развитая городская жизнь, что холопы не пойдут с панами, что у вас много евреев.

Л. — О, нет! Евреев мы выселим, как испанцы мавров. Сила будет принадлежать земле, а не городам. Батраков не так много. А крестьяне пойдут за духовенством. На съезде в Ровно мы уже решили, что наименьшей административной единицей у нас будет приход, во главе которого автоматически будет стоять ксендз. А на этом съезде было много солдат и крестьян.

Я. — Вы забываете, что, давая вам свободу, мы, демократические государства, не захотим создавать себе угрозу в лице клерикально-аристократической монархии и свяжем вас

международным обязательством, гарантирующим осуществление вами демократического режима.

Л. — Мы дадим за свободу какие угодно обязательства, только вы потом демобилизуйте вашу армию.

Я. — Значит вы, как немцы, считаете договоры между государствами клочками бумаги?

Л. — Ну, конечно же, это единственно правильная точка зрения.

Я. — Но только что на совещании вы говорили, что Россия была бы обесчещена, если бы она не исполнила своих союзных обязательств. Или Польшу уже ничем нельзя обесчестить?

Л. — О, нет! Все дело в том, что Россия поступила бы глупо, вызвав международный скандал, а мы сумели бы поступить умно.

Я. — По-моему, умную и глупую измену надо оценивать одинаково. Но в чем же вы проявили бы свой ум?

Л. — Очень просто. Мы сказали бы, что внешним принуждением изнасилована наша свобода и что сделали это те государства, которые лицемерно кричат о свободе. Мы свергли бы навязанный нам демократизм и предоставили бы все реальному соотношению сил. А я уже докладывал, что мы сумели бы использовать обстановку в свою пользу.

Я. — А вы не считаете лицемерием во имя свободы уничтожать свободу?

Л. — Я считаю, что в вопросах политики нравственные принципы имеют цену только в той мере, в какой соответствуют осуществлению поставленных себе целей. А эти цели неизбежно утилитарны.

Я. — Но ведь, если стать на совсем практическую точку зрения, то надо признать, что демобилизованную армию можно опять мобилизовать.

Л. — Ну, что же, это не страшно, вас-то мы победим.

Я. — Вы ошибаетесь. Мы снова поделим вас между собою — Германия и Россия, только уже навсегда.

Л. — Нет, нам помогут Англия и Франция.

Я. — Англия и Франция не опозорят себя союзом с изменнической монархией попов и панов. Весь мир будет приветствовать уничтожение государства, которое не умеет вести себя порядочно. Но я лучшего мнения о вашей родине, чем вы. Я надеюсь увидеть Польшу цветущей демократической республикой и нашей союзницей, а не врагом. Вам же искренно желаю, чтобы первый польский президент был еврей и чтобы вы салютовали ему на параде вашей имперской саблей.

Л. — Нет, этого никогда не будет. Тогда я попрошу моего старшего товарища по корпусу, принца Сиамского, благоволить принять меня на службу в рядах его гвардии.

Я. — Да, вы правы, с вашими азиатскими идеалами вы будете чувствовать себя в Сиаме, как дома. Может быть, вам могло бы еще найтись место на королевской службе владетельных домов Африки.

Л. — Вот хорошо, Иван Давыдович, что мы не служим с вами в одном баталионе!

Я. — Я снова несогласен с вами — вы слишком преувеличиваете неудобства нашей совместной жизни — они были бы очень невелики, так как я очень скоро перестал бы с вами разговаривать.

Л. — Поверьте, и я не был бы настолько назойлив, чтобы разговаривать с вами.

На этом мы, действительно, замолчали.

Кроме этой гадости мы работали хорошо, как я уже говорил. И у меня было приятное сознание, что без меня работа шла бы хуже. 26-го состоялся съезд выборщиков от всех частей дивизии. На нем мы потерпели сперва жестокое поражение. Наши политические резолюции провалились. Мы голосовали за них вшестером против 15-ти. Большинство делилось на две группы —

крайне реакционную и несколько более умеренную. Мы помогли своими голосами умеренным провалить резолюции правых. Все же принятые резолюции оказались совершенно неприемлемыми.

По отношению к правительству решено, что, раз мы ему присягнули, то ни о каком доверии говорить нечего. По отношению к Совету солдатских и рабочих депутатов решено, что это — одна из общественных организаций, представляющая интерес определенного класса и долженствующая иметь не большее влияние на политическую жизнь, чем всякая другая общественная организация. По вопросу о войне резолюция отклоняется от точки зрения правительства, признавая необходимость присоединения к нам Галиции и Армении и фактического господства над проливами. Я выступал «лидером» левых, говорил очень много, но совершенно зря — наши гвардейцы произвели на меня удручающее впечатление своей общественной неподготовленностью и даже просто тупостью.

Затем мы перешли к деловой части наказа. Здесь наша подготовительная работа очень пригодилась — целые страницы моих писаний включались в наказ. Опять пришлось много говорить и убеждать. Резкие прения возникали по вопросу о дисциплине. Я доказывал, что дисциплина, заключающаяся в повиновении начальству, возможна только, если начальство авторитетно, но что наше политически невежественное офицерство авторитетным быть не может. Я предлагал меры для поднятия политического уровня офицерства, как ведущие к поднятию дисциплины, т. е. боеспособности армии, и требовал, чтобы съезд своим авторитетом подействовал на безучастное большинство офицерства, побуждая его к политическому образованию. Это возбудило горячие прения, так как офицеры не хотели признать своей несостоятельности в вопросах умственного, в частности — политического, развития, но все же нам удалось одержать в этом вопросе победу, отстранив резолюцию противников, понимавших дисциплину в самом архаическом смысле слова, в том смысле, в каком это слово употреблялось нашими нелепыми старыми уставами.

Завершение съезда получилось эффектное. Сперва голосовали кандидатов в депутаты от нашей дивизии — каждая пехотная дивизия избирает двух представителей. 12 голосов получил поручик Зигель, Финляндского полка, «лидер» умеренной группы наших противников, 10 голосов — я, следующий кандидат получил 3 или 4 голоса. Тогда я заявил, что снимаю свою кандидатуру. Началась настоящая буря — видимо, шансов пройти у меня было очень много. Быть признанным всегда лестно, особенно быть признанным противниками, так что, сознаюсь, это пощекотало мое тщеславие, впрочем, не сильно. Мне пришлось мотивировать свой отказ. Я сказал, что не могу взять на себя проведение идей наказа, когда я в главных политических вопросах с этими идеями борюсь, а что уклонение от наказа признано невозможным. Тогда с моим отказом примирились, и начались поиски другого кандидата. Окончательно оказались выбранными Зигель и гренадер Насонов, также умеренный. Но последний получил только 9 голосов. Таким образом, наше меньшинство одержало моральную победу, вынудив от большинства признание несостоятельности его личных сил, им самим признанных негодными для представительства дивизии. Домой я вернулся поздно и последний раз переночевал в Блудове, в уютной халупе пулеметчиков.

Чрезмерные занятия политикой требуют много терпения и много выдержки, так как приходится иметь дело с чрезвычайно неподатливым эле-

ментом, к тому же очень неуравновешенным. На положение армии, не только в том, что касается солдат, но и в том, даже особенно в том, что касается офицеров, я смотрю очень мрачно. Может быть, только удачное наступление еще способно исцелить армию. Но не верится в возможность удачного наступления. Кажется, мы окончательно проиграли войну.

Большой Корытницкий лес, 5 мая 1917 г.

...Армия погибает. Теперь вид войск такой же, как в Петрограде. Офицеров не слушаются, службу перестали нести исправно, очень возбуждены и очень недоверчивы. Собираются митинги и утром, и днем, и вечером — говорят, говорят и постепенно укрепляются в мысли, что никому нельзя верить, даже собственным комитетам. Наступать решили только по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов. Войну продолжать не хотят — братаются с немцами. Офицеры в пришибленном состоянии духа, и никто ни на что хорошее не надеется. Боевых действий нет никаких — фактическое перемирие. Обстановка действует угнетающе, и радостно на душе не бывает. Но не исполнять долга нельзя — надо каждому на своем посту делать, что может. Только почти никто не умеет делать то, что сейчас требуется. Да и самый даровитый человек почти ничего не смог бы здесь теперь сделать.

Я лично работаю в двух направлениях: во-первых, стараюсь завоевать доверие роты. Для этого веду повзводно занятия, так сказать, по государственному праву в связи с русской историей, причем веду их так, как раньше обучал людей уставам—повторяю, спрашиваю, словом — вколачиваю в голову. Это очень тяжело, но не совсем безуспешно. Приходится часто лицемерить и кривить душой, что, впрочем, мне удается. Так, например, пришлось поступать во время трехчасового диспута перед ротой с террористом-коммунистом. Мне удалось заставить его публично отказаться от некоторых тезисов, запутать споры по другим вопросам так, что рота уже перестала понимать, кто из нас то говорит, и значит помешать ему в доступной форме изложить свои очень вредные взгляды, оставшиеся для роты тайной. Вместе с тем, я кокетничал с ним напропалую, так что рота, к большой выгоде для меня, стала считать меня с ним единомышленниками, а он был пленен. Затем он пошел в 6-ю роту, там его выступления были, вероятно, больше вредными, и он, между прочим, сказал, что резать офицеров еще рано. В доказательство он привел мои достоинства и сказал, что у таких людей есть чему поучиться, но, когда они передадут солдатам все, что знают, то уже не будет причин не убить их, так как офицеры все-таки всегда враги. Человек он замечательный — умный, властный, жестокий и бесстрашный.

Другое поприще моей работы — офицеры. Во-первых, стараюсь разными путями развивать офицеров нашего батальона, затем пытаюсь организовать офицерство всего полка. Вчера на общем собрании успешно прошел мой проект офицерской организации, излагать который неинтересно. Батальон избрал меня в предполагаемый исполнительный комитет общества офицеров, который, думаю, будет определять поведение всего офицерства полка.

Позиция у дер. Пустомыты, 10 мая 1917 г.

Пока живу вот как. Устроил офицерскую организацию и избран председателем исполнительного комитета с чем связано председательство и на общем офицерском собрании. Дела очень много, и работать очень трудно. Я боюсь, что и эта организация окажется бумажной. Все же не унываю. До вчерашнего вечера жил в Корытницком лесу, дубовые листочки пах-

нут чудно, и приятно было гулять. С сегодняшнего дня заделался в окопы.

Через неделю рота сменится с передовой линии и уйдет в резерв полка. Службу несут неважно, но кое-как дело идет. Придется уезжать время от времени с позиции для работы в исполнительном комитете. Это утомительно. Положение мое в роте упрочилось, отношения пока что недурные. Морозову сказал, что если он будет мало посещать солдат, то ему не будут верить, и если ротный, т. е. я, скажет, что такого-то его распоряжения не надо слушаться, то все пойдут за мной, и даже как-то намекнул, что в случае чего батальонным могу оказаться я.

Решили обороняться, но наступать не будут.

На фронте тихо. Живу в блиндажике с Щелоковым, очень приятным сожителем. Цынга стала в нашем полку разрастаться, и справиться с нею не могут. У финляндцев дошло до того, что полк сведен в два батальона неполного состава и потому не может занять всего участка. Поэтому наш полк растянут еще больше, занимая по воздушной линии около семи верст. Имея ввиду слабый состав рот, надо признать такую линию обороны эфемерной. Сильных резервов вблизи нет. Досидим, как бог даст. На участке много работ, но слишком мало людей, чтобы их делать, — на наших глазах все разваливается. Если бы не союзники и угроза с Востока, я стоял бы за немедленный мир на каких угодно условиях.

Физически совершенно здоров и не голоден. Занят так много, что не скучаю, но все так безнадежно, что, со стыдом признаюсь, иногда унываю. Ну, целую вас всех. Вряд ли скоро напишу друзьям. Крепитесь все-таки.

26 мая 1917 г.

Хочу рассказать о переходе под Дубно.

Нас должен был сменить 6-й Туркестанский полк 20 мая. С нашей стороны были сделаны все приготовления. 19-го офицеры пришли ознакомиться с нашими окопами. Утром 20-го их телефонисты сменили на позиции наших, днем на место наших стали их пулеметчики. Все шло как следует. Вдруг узнали, что туркестанцы сошлись на митинг и не желают нас сменять. Они говорят, что у них пулеметов, пушек и людей меньше, чем у нас, и что они будут легко немцами прорваны. Уверениям, что участок совершенно пассивен и без вреда для обороны может быть ослаблен, они не верили, а убеждения не задерживать нас, идущих под Тарнополь для нанесения удара, на них не действовали. Только их 8-я рота пришла сменить нашу около 10 часов вечера, прочие не пришли. Обозы, кухни и некоторые команды, уже отправленные нами, пришлось вернуть с пути. Их офицеры — трое 8-й роты и командир баталиона — провели ночь у нас. Офицеров их третьего баталиона, хотевших без солдат уйти на позицию, туркестанцы арестовали. Вообще же их офицерство раскололось — частью и офицеры не пожелали итти нам на смену. Ночь я провел отвратительно — спал, подложив под голову маску и накрывшись кожаной курткой. Шинель, как и другие вещи, уже была отправлена. Свеча скоро догорела, и я пребывал в полной темноте. Кроме того, мы не были уверены, что на другой день нам будет что поесть.

День 21-го прошел в большом волнении — наконец, оказалось, что туркестанцев удалось уговорить, и они нас сменили. Но 7-й полк, которому приказано было сменить наших соседей — 2-й Царскосельский стрелковый полк, категорически отказался итти на позиции, и я так и не знаю, чем этот кризис разрешился. Как бы то ни было, мы тронулись. Сборный пункт был назначен в Блудове у церкви, где

я причащался. Мы пришли туда часов в 11 вечера и ждали часов до 2-х ночи. Оказалось, что один из туркестанских баталионов заблудился, и наш 1-й баталион все еще остается на позиции. Мы ушли одни, не дождавшись его, а потом он догнал нас.

22-го пришли в чудный лес у кол. Нива (я писал вам оттуда), 23 пришли в дер. Радомысль (оттуда я вам также писал), где прожили до ночи 24-го в мазанке очень чистой и приветливой. Утром 25-го пришли в фольварк Рудка, где провели день вместе с офицерами 1-го баталиона в большом, опустошенном барском доме, в котором оказалась рояль, доставившая нам много удовольствия. Ночь на 26-е опять шли и сегодня прибыли в дер. Софиевка-вторая, расположенную в прелестной лощинке верстах в 20-ти от Дубно.

Мы прошли всего верст 75—80. Солдаты недовольны, дивизионный комитет постановил не делать больше 15-ти верст в сутки, а итти приходилось верст по 20. 1-й баталион запретил своим офицерам ехать верхом, чтобы заставить их почувствовать тяжесть переходов и тем побудить заботиться об их сокращении. Разговор об этом велся в нашем присутствии и велся в грубом тоне, до какого в нашем баталионе еще не доходили. Но когда-нибудь и у нас дойдет до этого

3 июня 1917 г.

Посылаю это письмо с солдатом, который отвезет вам мои вещи, оказавшиеся излишними после того, как полковой комитет постановил не возить на казенных двуколках свыше 3-х пудов на каждого офицера. Впрочем и раньше я всегда находил, что многие вещи мне вовсе не нужны. Дайте солдату на чай.

Мы стоим с 29-го в лесу около деревни «Зеленая комнатка». Задержали нас в лесу потому, что в районах, в которые нам теперь надлежит вступить, не оказалось продовольствия. Дни в лесу прошли отлично в отношении погоды, ландшафта и здоровья, а также в отношении питания, несомненно, улучшившегося. Но в политическом отношении они были полны тревог, так как полк был готов отказаться от наступления. Однако в последние дни положение улучшилось — на митингах выступали делегаты Черноморского флота и доктор Некрасов, сумевшие переубедить солдат. Митинги происходят теперь ежедневно, у [illegible] раздражают. Офицеры также утомляют и раздражают, так как мало что понимают. Зато командир полка Цитович — обворожителен. Вероятно, он сумеет овладеть положением, и в наступление мы все-таки пойдем. Некрасов, теперь с.-р., имеет большой успех и очень мил. Считая из всех социалистических партий партию с.-р. наиболее разумной, особенно в том, что касается войны и поддержания престижа власти, и полагая, что солдаты непременно будут социалистами, я исподволь работаю над ротой, обращая ее в с.-р. Это лучшее средство против ленинизма и большевизма. Вместе с тем самого себя я за с.-р., конечно, не выдаю,—это ни на что не было бы похоже. Вообще в последние дни стало несколько лучше, и я стараюсь надеяться. Мое положение в роте сносно.

Нам осталось сделать еще три перехода. Мы остановились в 12-ти верстах от Тарнополя. Сколько времени мы там простоим, не знаю. Мы назначены для развития удара. Но когда будет нанесен удар, никто не знает. Я стою седьмым в очереди отпускных. Но, пожалуй, в отпуск не приеду, если скоро нам надо будет наступать.

К самой идее наступления я отношусь отрицательно. Я не верю, что с такой армией можно победить. Если же наступление будет неудачно, то правительство и весь командный состав полетят к чорту. Они играют опасную игру. По-моему, наступление — легкомысленная авантюра, неудача

которой погубит Керенского. Ну, впрочем, там видно будет. Бывают ведь на свете чудеса.

Как видите, настроение мое безотрадно. Поэтому пишу редко и неинтересно. Пусть друзья не обижаются на то, что не отвечаю на их письма, и, если могут, пусть пишут как можно чаще.

13 июня 1917 г., дер. Оприковце.

Последнее письмо я написал вам [illegible] отправил его с Купреяновым, который, конечно, расскажет вам обо мне и о наших делах. С 26 июня до 2 июля наш батальон продолжал стоять в резерве в бывшей первой немецкой линии.

Наш батальон поставлен сзади всех потому, что считался единственным боеспособным батальоном полка, силы которого надо было сберечь для атаки. Этой атаки мы ждали со дня на день, люди изнервничались, но атака так и не состоялась. И хорошо, что не состоялась, так как успеха мы не могли бы добиться. Дело в том, что между нами и немцами была слишком большая дистанция, оказавшаяся роковой для Московского полка, — первоначально свыше $1^1/_2$ верст. Но когда батальонам первой линии отдавались приказы выходить вперед и вырывать новые линии окопов ближе к неприятелю, то они от исполнения этих приказов отказывались. Поэтому на ночные работы впереди наших укреплений высылались поочередно роты нашего батальона. Я тоже [illegible] водил роту работать в этой нейтральной зоне между нами и немцами. Выходили, когда начинало темнеть. Минуя первую линию, выставляли впереди охранение и возвращались с таким расчетом, чтобы к рассвету вернуться домой. Передвижение туда и назад было неприятно: все дороги и подступы обстреливались шрапнельным огнем через каждые четверть часа. Идешь и не знаешь, успеешь ли миновать лощину раньше, чем по ней швырнут шрапнелью. Рота нервничает и теряет порядок, лишь только заслышит щелканье близких шрапнельных разрывов. Однако оба раза все обошлось благополучно. На работе люди также нервничают, особенно потому, что в темноте трудно определить расстояние и трудно понять, откуда и кто стреляет. С противоположной стороны нейтральной полосы работали немцы. Когда на работах была 7-я рота, то она слишком сблизилась с немцами, они испугались друг друга и друг от друга побежали. Однажды ко мне на работы пришли Морозов и Крестов. Мы решили подойти к немцам поближе, чтобы разузнать о них что-нибудь и посмотреть, нет ли впереди подходящей позиции. Команда пеших разведчиков охраняла работавшие роты, и, можете себе представить, она запротестовала против того, чтобы мы, офицеры, пошли вперед, так как стали подозревать нас в намерении сдаться немцам в плен.

Вообще с разведкой дело было плохо. Разведчики отказывались близко подходить к немцам, а потому в случае атаки мы ничего не знали бы о расположении противника и о подступах к нему. Поэтому мы решили, что сами должны произвести разведку, так как именно наш батальон должен был итти в атаку. Впереди пошла бы моя рота и рота Плещеева. Это побудило Плещеева и меня просить назначить в разведку именно нас. Но разведка не состоялась, так как вследствие сильного дождя среди солдат итти почти не нашлось охотников.

30-го июня полку был нанесен сильный удар — был тяжело контужен при обходе окопов наш командир полковник Цитович. В командование вступил Потоцкий, человек глупый и склонный к интригам. Враждуя с Морозовым и завидуя тому, что батальон Морозова лучше других, он решил немедленно же перевести нас в первую линию, где мы очень бы устали и потому атаковали бы гораздо хуже. Мы за-

ступили в ночь на 2 июля. Погода испортилась — три дня шел дождь и было холодно, как в сентябре. Первая ночь на позиции была очень тяжела. От роты выставлялась застава в окопике, где не было устроено никаких прикрытий. При заставе должен находиться офицер. Сперва я послал туда Косякова, а сам остался в месте расположения роты, на бывшей австрийской батарее. Я сидел на нарах, поджав ноги, так как все помещение было залито водой — около трех часов утра я сменил Косякова, а когда стало светать, пошел с одним человеком связи бродить в сторону к немцам, к которым подходил довольно близко. Тихо, сумерки раннего утра. Кое-где лежат убитые, распространяющие зловоние. За спиной — наши, а впереди и сам не знаешь точно, где противник. Нашел их батарею, расположенную в нейтральной полосе, одна пушка там еще стоит до настоящего времени — так близко к немцам, что нельзя вывезти. Осмотрел все устройство батареи и опять позавидовал германскому гению.

Немцы тоже стали выносить вперед свои линии, так что постепенно мы стали сближаться. Началась охота из винтовок за отдельными людьми, так как, за отсутствием окопов, все ходят поверху. Когда Крестов и я пошли днем с биноклями рассмотреть все, что только было возможно, то нас обстреляли. Я рассердился, пошел в передовой караул и тоже стал стрелять в немцев. Правда, я ни в кого не попал — было далеко до тех, кого я видел, но заставил побегать тех, кто услышал свист моих пуль.

Все же сиденье было тяжелое. Я жил с Косяковым и 12-ю солдатами, которые все время шумели и икали, но были очень милы. Вообще сейчас у меня хорошее положение в роте — ко мне солдаты приходили в гости, некоторые рассказывали очень интимные вещи из своей жизни, так что жили мы дружно. Но плохо было то, что двое суток я не просыхал, все вещи, и сапоги в том числе, были насыщены водой. Кроме того я не спал сряду три ночи, а днем мне тоже не удавалось заснуть как следует. Поэтому я очень устал, но, к удивлению и удовольствию, не простудился.

В ночь на 4 июля нас сменили финляндцы, смена прошла благополучно, а мы, уйдя с позиции, опять начали поход. Нас уводят в тыл, так как признали окончательно небоеспособными. А навстречу идут части в бой. По отводе в тыл будет произведена «чистка», но насколько решительная — не знаю. Днем прорвали наш фронт (вы об этом, вероятно, уже знаете), потому что два полка самовольно ушли с позиции. За нами слышались взрывы и виднелись пожары — это наши отступающие полки уничтожали склады военного имущества, в частности — снарядов.

Сейчас мы стали в очень живописной деревне и наслаждаемся чудной погодой. Кажется, нам осталось сделать всего только один переход. Сколько времени мы уделим «оздоровлению» полка, еще неизвестно, а также не знаем, на какой фронт нас затем пошлют. Вообще снова наступило время полнейшей неопределенности.

Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

С подъемом пролетарской революции в ноябрьско-декабрьские дни 1905 года тесно связано усиление революционного движения в царской армии и флоте. Именно на эти месяцы падает наибольшее число активных выступлений против царизма и эксплоататорских классов революционно-настроенных матросов и солдат.

Жестоко расправившись с последними, царизм, естественно, должен был вновь поставить вопрос о мероприятиях, которые могли бы оградить от «революционной заразы» военный аппарат самодержавия. Из опубликованных в XLIV томе «Красного архива» записок военного министра той эпохи А. Ф. Редигера мы знаем о ряде произведенных им улучшений в области материально-бытового обслуживания солдатской массы, имевших целью сделать для последней более сносным пребывание на «службе царю и отечеству». Вместе с тем был предпринят ряд мер для соответствующей «идеологической» обработки офицерского состава. Так, например, в военно-учебных заведениях, готовивших командный состав армии, в 1906 г. были организованы курсы «общего учения о праве и государстве», имевшие целью подготовить будущих офицеров для борьбы с революционной пропагандой, проникавшей в солдатскую массу. К чтению этих лекций были привлечены высоко квалифицированные силы из состава махрово-монархической университетской профессуры, напр., С. Ф. Платонов, Сергеевич, Кассо и т. п. [1]).

Одновременно с этим высшему военному командованию пришлось поставить вопрос о пересмотре командного состава тех воинских частей, которые приняли участие в революционном движении. Как видно из публикуемых ниже документов, вопрос о таком пересмотре возник по частной инициативе, но нашел немедленный отклик в верхах.

В конце декабря 1905 г. в военном министерстве было получено анонимное письмо, обратившее внимание военного министра Редигера на вопрос о соответствии командиров занимаемым ими должностям.

«Бунты частей пехоты вызывают большое горе», — писал автор письма. «Еще в недавнее время, будучи в действующей армии, я слышал определенное мнение, что в войсках могут быть замешаны в беспорядках отдельные лица, но никак не целая часть, так как надзор ближайшего начальства не допускает пропаганду в казармах. Между тем в последнее время в Киеве 4, 5-й понтонные батальоны, 14 саперный батальон, в Москве — Ростовский полк взбунтовались полностью». «Казалось бы, что бунтовавшие части немедленно должны понести наказание, а начальство их должно быть отдано под суд за попустительство, а до суда удалено от командования». «Между тем не только начальники частей и генералы, командующие частями, но даже и ротные командиры оставлены на своих местах...»

Военный министр Редигер положил на этом письме следующую резолюцию: «Гл. штаб. Много истины. Желательно пересмотреть начальство бунтовавших частей. Редигер. 24/XII». На письме имеется также помета, по-видимому, Поливанова, адресованная дежурному генералу: «Прошу составить список».

Таким образом, после опыта полугодовых волнений в армии правительству пришлось поставить вопрос о том, кто же собственно находится на командных должностях одного из важнейших элементов государственного аппарата — армии.

[1]) См. «Красный архив», т. LXIV, Из истории «идеологической» борьбы с революционным движением в армии.

Вопрос, как и следовало ожидать, в условиях бюрократической машины затянулся почти на год, медленно продвигаясь, несмотря на личное давление Редигера.

Толчок делу был дан в начале апреля. На имя Редигера поступило письмо министра внутренних дел Дурново от 31 марта 1906 г. за № 5155 [1]) о росте революционной пропаганды в армии, работе военных организаций РСДРП, партии с.-р., Бунда и т. д. В связи с этим письмом в Главном штабе были изготовлены 2 проекта письма к командующим войскам в округах. Оба проекта были отклонены. На упомянутом письме Дурново имеется помета: «Проект письма составлен лично военным министром. 10/IV. Г.-м. Мышлаевский» [2]).

Ниже печатается проект этого письма, собственноручно написанный Редигером 8 апреля. 10 апреля г.-м. Мышлаевский, набросав текст всеподданнейшей записки и переписав проект Редигера, пишет: «16 отд. В. спешно. Прилагаемые проекты прошу переписать к 12 ч. дня 11-го. Относительно понесенных начальниками наказаний прошу доложить завтра, 11-го, обязательно. 10/IV. Г.-м. Мышлаевский» [3]).

14 апреля редигеровский проект письма был одобрен царем. Письмо было отправлено командующим войсками округов 15 апреля 1906 г. Помимо него в округа были направлены отношения, за №№ 813—821 от 5 мая, в которых, ссылаясь на указанное письмо, дежурный генерал запрашивал аттестации ряду лиц. [1]) С мая по август поступали эти аттестации от высших военных учреждений.

Последние ответы были получены 24 и 26 августа от штабов Кавказского и Варшавского округов после напоминания от 10 августа за №№ 1447 и 1448.

14 сентября Редигер написал записку начальнику штаба о задержке вопроса. За той же датой был представлен доклад по Главному штабу с приложением ведомости частям войск, в которых произошли беспорядки, с аттестациями их начальников.

Эта ведомость и печатается ниже. Из нее видно, что большинство командиров частей, в которых произошли «наиболее крупные беспорядки», благополучно отделались от нависшей, было, над ними угрозы. Аттестации, данные им их высшим начальством, вполне реабилитировали их в глазах военного министра.

Комсостав царской армии, комплектовавшийся главным образом из дворянско-помещичьих слоев, в революции 1905 года показал себя верным слугой своего класса.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Военно-историческом архиве. (Дело № 161, 1906 года: «О частях войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, и о положении командиров этих частей» и дело № 299, 1905—1908 гг.—«О праве участия военно-служащих в предвыборных собраниях и выборах в Госуд. думу и о воспрещении примыкать к политическим партиям»).

Т. Рахманова.

1.

Анонимное письмо, полученное в военном мини-

[1]) ВИА, д. 299, лл. 358—364.

[2]) Такого же характера пометы и на проекте. Этим обстоятельством, между прочим, объясняется, почему письмо Редигера названо письмом «о принятии мер против агитации», хотя ставит вопрос только о начальниках. Отклоненные проекты говорили именно о революционной агитации в войсках.

[3]) ВИА, д. 299, лл. 365—367.

[1]) ВИА, д. 161.

стерстве в конце декабря 1905 г. [1]).

Ваше высокопревосходительство!

Бунты частей пехоты вызывают большое горе, а также и вопрос, как с бунтующими частями поступить. Еще в недавнее время, будучи в действующей армии, я слышал определенное мнение, что в войсках могут быть замешаны в беспорядках отдельные лица, но никак не целая часть, так как надзор ближайшего начальства не допустит пропаганду в казармы. Между тем в последнее время в Киеве 4, 5 понтонные батальоны, 14 саперный батальон, в Москве — Ростовский полк взбунтовались полностью. Присяга, долг пред государем и родиной этими частями нарушены; сделан не проступок, а тяжкое преступление, которое требует тяжкого наказания как виновных в возмущении, так, в особенности, начальства, допустившего этот бунт. В части, где есть постоянное общение офицеров с подчиненными им нижними чинами, при условии, что офицерский состав стремится к порядку и поддержанию дисциплины, не может быть общего возмущения, так как нижние чины, видя постоянно своих офицеров, невольно к ним обратятся за разъяснением вопросов, которые их занимают. Найдется немало в ротах людей, которые сразу разберутся, выяснят, что их подговаривают к бунту, и непременно заявят своим офицерам об этом. Но если офицеры не посещают своих рот или же посещают только в часы занятий, не входят в жизнь людей и держат себя далеко от них, то возможно, что нижние чины не знают, к кому обратиться, а потому, большинство с неохотой, присоединяются к беспорядкам, может быть, даже только ввиду угроз главарей, которые отлично знают, что офицерский состав своей небрежностью, своим нерадением и полным невниманием к солдату заслужил не только нелюбовь, но и потерял всякое уважение и доверие среди нижних чинов.

Казалось бы, что бунтовавшие части немедленно должны понести наказание, а начальство их должно быть отдано под суд за попустительство, а до суда удалено от командования. Это так думаю я, так думает вся армия, в особенности та, которая билась за родину, за царя, и которая не может допустить, чтобы из среды ее явились не только части, но даже отдельные люди, идущие против того, что она защищала своей грудью. Между тем не только начальники частей и генералы, командующие бунтовавшими частями, но даже и ротные командиры оставлены на своих местах и продолжают служить с таким видом, как будто бы они сделали должное дело. Неужто в самом деле нет людей? Это неверно. Пробыв год на войне, я познакомился с большей частью командного состава действующей армии и узнал много энергичных людей, которые, думаю, взяли бы части, оставшиеся в Европейской России, в руки в очень короткое время и заставили бы подчиненных служить по правде и в духе дисциплины. Если между ними есть раненые, то раны этих людей, может быть, расстроившие им нервы, вместе с тем вложили в них то беззаветное, что ничего не боится, ничего не страшится а заставляет служить по правде и разуму. Чем скорей теперешнее начальство бунтовавших частей

---

[1]) Подлинник — рукопись на почтовых листах обыкновенного формата. На подлиннике следующие резолюции и пометы: «Гл. штаб. Много истины. Желательно пересмотреть начальство бунтовавших частей. Редигер. 24/XII». — «Деж. ген. 24/XII. Прошу составить список».— «Деж. генералу доложено — приказано составить список частей, где были беспорядки, и передать его в 14 отделение». «Прошу В. В. переговорить. 25/XII. Г.-м. Мышлаевский». «56 отд. гл. шт. 28 дек. 1905 г. № 8661».

будет сменено, тем будет лучше, а главное, даст уверенность армии, непричастной к бунту, что высшее наше начальство не растерялось и действует так, как нужно. Граф Витте для нас не начальство, на него мы смотрим, как на человека, севшего не в свои сани и недальновидностью своей, чтобы не сказать хуже, губящего почти намеренно нашу родину. Наш военный министр — наше начальство, и — что бы ни было дальше, — во всяком случае, командовать армией будет военный министр, а не Витте и ему подобные.

Что же касается бунтовавших частей, то вот что мне пришлось слышать: «Часть взбунтовавшаяся не должна существовать в русской армии, ее следует уничтожить и чтобы имя ее в армии не существовало». Может быть, это слишком. А не лучше ли эти части отправить на восток на границу в кадровом составе, а оттуда взять полки, заслужившие своей беззаветной храбростью и исполнением долга славу? Между ними есть и бывшие резервными, но война их воспитала, дала им взгляд зрелый, и едва ли эти полки пойдут на приманку пропаганды.

Не подписываюсь потому, что, в силу правил нашей службы, к вам прямо не имею права писать. Да и не к чему. То, что я сказал, скажет вам каждый военный. Простите, что беспокою, но душа болит, видя крайнюю ненормальность.

А Тукум! За каждого солдата, погибшего от руки убийц, должно быть убито сотни, иначе потом придется хуже.

2.

Записка ген. Редигера начальнику Главного штаба 8 апреля 1906 г.

Государь приказал заготовить письма к командующим войсками (кроме Петерб.):

Беспорядки в войсках, вырождавшиеся даже в мятежи, зависили от смуты в империи, разброски войск и недостатка офицеров, причем однако даже в это тяжелое время части, бывшие в хороших руках, оставались твердыми и непоколебимо верными присяге.

Ныне, с улучшением всех этим условий, повторения подобных явлений не должно иметь места.

Его величество попрежнему верит своей армии и тому, что, при должном влиянии офицеров, никакая агитация не может вновь сбить с толку нижних чинов. Он требует от всех начальствующих лиц работы в этом отношении от сердца и по присяге, и за всякое проявление внутреннего беспорядка перед ним ответят все начальники, не только ближайшие, но и высшие, до главных начальников включительно.

Проект этого письма представить на высочайшее одобрение.

Редигер[1]).

Государь спрашивает: понесли ли наказание (напр. в Киеве) начальники бунтовавших частей? Я сказал, что почти никто.

Прикажите составить список этим частям (где были крупные беспорядки) со справкою о судьбе командиров частей.

Редигер.

8/IV.

---

[1]) Записка написана Редигером от руки на 2 листах почтового формата с печатным заголовком: «Начальнику Главного штаба». На подлиннике пометы: «Дело спешное». — «Получено 9-го в 6 ч. вечера». — «16 отд. Прошу подготовить к докладу в понедельник 10-го к 12½ ч. дня. 9/V. 2 ч. дня. Г.-м. Мышлаевский». — «16 отд. Гл. шт. 10 апреля. № 3174».

ВЕДОМОСТЬ[1])

частям войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, с показанием командиров этих частей, высших над ними начальников и аттестаций на тех и других.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Петербургского	В Электротехнической школе 12 ноября 1905 года.	В предъявлении незаконных требований.	Генерал-майор Павлов, остается в занимаемой должности.	По заключению августейшего генерал-инспектора по инженерной части, бывшие в Электротехнической школе беспорядки не могут быть отнесены к недостаточному надзору или к каким-либо упущениям со стороны генерал-майора Павлова; напротив, этот генерал проявил особую энергию и распорядительность в принятии мер к прекращению беспорядков; генерал-майор Павлов — начальник знающий, энергичный и способный, и происшедшие беспорядки не могут быть поставлены ему в вину. *Считать не виновным.* Редигер.
Виленского	Во 2-м железнодородном батальоне в декабре.	В соединении с забастовщиками.	Полковник Алтуфьеф, остается в занимаемой должности.	Согласно заключению начальника железнодорожной бригады о полном несоответствии полковника Алтуфьева занимаемой должности командующий войсками признает (необходимым) теперь же уволить его от службы. *Уволить.* Редигер.

[1]) На подлиннике резолюция ген. Редигера: «Некоторые лица, согласно отзыву от начальства, вовсе невиновны в происшедших беспорядках; в отношении же других этот вопрос и степень их пригодности для командования частями остаются не вполне выясненными, почему их пока приходится оставлять в должности до окончательного выяснения их служебных качеств дальнейшими аттестациями начальства или результатами следствий; во всяком случае, для всех этих лиц надо иметь в виду бывшие в их частях беспорядки; относительно некоторых из них, повидимому, наименее пригодных, вопрос об их дальнейшем участии желательно решить скорее, по аттестациям сего года. 16/IX. Редигер.»

Красный Архив

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Вилинского	В Усть-Двинской крепости саперной роте 14 ноября.	В отказе итти в караул и в предъявлении незаконных требований.	Полковник Заславский, начальник инженеров Усть-Двинской крепости, остается в занимаемой должности.	Полковник Заславский, аттестуемый выдающимся, вполне соответствует занимаемой должности, а бывшие в подведомственной ему части беспорядки не могут быть отнесены к его вине. *Считать не виновным.* Редигер.
	В Бобруйском дисциплинарном баталионе 22 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Шанский остается в занимаемой должности.	Полковник Шанский хотя и обладает вследствие продолжительной службы в дисциплинарных частях опытом в своем деле, но зато сильно отстал от требований строевой службы, почему и не может успешно руководить воспитанием заключенных в духе воинской дисциплины. Этим и могут быть объяснены бывшие в баталионе беспорядки, почему признается необходимым полковника Шанского теперь же заменить другим соответствующим лицом. *Уволить.* Редигер.
	В Гродненском крепостном пехотном баталионе 12 декабря.	В неповиновении 1 роты начальству, рота раскассирована.	Полковник Туров, остается в занимаемой должности.	Полковник Туров, состоящий в должности только с 9 октября 1905 года, кавалер ордена св. Георгия, вполне соответствует занимаемому положению, а бывшие в баталионе беспорядки не могут быть даже косвенно отнесены к его вине. *Считать не виновным.* Редигер.
	В 238 Клязминском резервном полку 21 апреля сего года.	В выражении недовольствия на плохую пищу.	Полковник фон-дер Ховен. Умер.	Полковник фон-дер Ховен — командир полка слабый и бездеятельный. Несмотря на многократные требования командующего войсками поставить офицеров ближе к нижним чинам, таковых не исполнил. Офицеры полка к своим обязанностям отно-

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				сились формально, сторонились нижних чинов. Дисциплина в полку слабая несмотря на хороший состав последнего призыва. Командующий войсками считает полковника фон-дер-Ховена несоответствующим своему назначению.
Вилинского	В 16 пехотном Ладожском полку 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Мельников, остается в занимаемой должности.	Командующий войсками признает полковника Мельникова по его деятельности за прошлый год удовлетворительным по деятельности с полком в Москве. Полковник Мельников заслужил благодарность и от Московского округа представлен к награде. По деятельности же полка в Прибалтийском крае генерал-лейтенант Сологуб свидетельствует о выдающихся качествах этого штаб-офицера. *Оставить в должности.* Редигер.
Варшавского	В 21 пехотном Муромском полку 24 ноября.	В сходках, в предъявлениях незаконных требований и в шествиях по городу.	Полковник Руденко, остается в занимаемой должности.	Полковники Руденко и Сориев признаются начальником 6 дивизии и командиром 15 корпуса соответствующими занимаемым должностям. Полковник Руденко за время командования полком значительно улучшил его материальное состояние и достиг заметного успеха в строевом деле. *Оставить в должности.* Редигер.
	В 22 Нижегородском и в 24 Симбирском пехотных полках 24 ноября.	То же	Полковник Сорнев остается в занимаемой должности. Полковник Кванишевский, уволен от службы.	Полковник Сорнев при неутомимой деятельности пользуется большим авторитетом у подчиненных, имеет благотворное на них влияние. Полковник Кудрявцев аттестуется командиром 2-го Кава-

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Варшавского	В 16 драгунском Глуховском полку 24 ноября	То же	Полковник Кудрявцев, остается в занимаемой должности.	лерийского корпуса хорошим и соответствующим должности, но проявляющим недостаточность силы воли и твердости характера. Ввиду таких аттестаций и незаконченности производящихся следствий о беспорядках командующий войсками, не имея оснований считать кого-либо из указанных лиц несоответствующими занимаемым должностям, выскажет окончательное о них заключение по окончании следствий. *Обождать.* Редигер.
	В Брест - Литовской крепостной артиллерии 24 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Генерал-майор Иванов, остается в занимаемой должности.	Генерал-майор Иванов бывшим комендантом крепости генералом-от-инфантерии Лазаревым признается деятельным, усердным, весьма заботливым начальником и вообще соответствующим занимаемой должности. По мнению генерала Лазарева, происшествие 24 ноября не дало указаний, что оно имело какую-либо связь с внутренними порядками в крепостной артиллерии. *Спросить ген.-инспектора.* Редигер.
	В 10 саперном батальоне 24 ноября.	В сходках, в предъявлении незаконных требований и в шествии по городу.	Полковник Буланов, уволен от службы 13 января.	
Киевского	В 127 пехотном Путивльском полку 25 ноября.	В неповиновении начальству.	Полковник Орлов, остается в занимаемой должности.	По заключению ближайшего начальства, отличный строевой офицер, основательно знакомый с хозяйством, энергичный, с сильной волей и твердым характером, в общем — выдающийся. Командующий войсками своего мнения, по незнанию полковника Орлова, не высказал. *Оставить в должности.* Редигер.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Киевского	Во 2 конно-горном артиллерийском дивизионе 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Юзвицкий, остается в занимаемой должности.	Командующий войсками признает полковника Юзвицкого вполне соответствующим своему назначению, в общем — выдающимся. *То же.* Редигер.
	В 69 пех. Богодуховском полку 23 ноября.	В неповиновении начальству, в шествии по городу и в предъявлении незаконных требований.	Полковник Пригоровский 7 августа сего года перемещен на должность командира 112-го пех. Уральского полка.	Командующий войсками признает полковника Пригоровского только удовлетворительным. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В 202 пех. Старобельском полку 23 ноября.	То же.	Полковник Гоштовт, остается в занимаемой должности.	Бывшие в полку безпорядки должны быть объяснены общими причинами и в особенности большим числом запасных, которые ослабили дисциплину. Полковника Гоштовта командующий войсками аттестует хорошим. *Оставить в должности.* Редигер.
	В 201 пех. Лебединском полку 23 ноября.	То же.	Полковник Долженков, командовал полком во время беспорядков за болезнью командира полка.	Командующий войсками аттестует полковника Долженкова удовлетворительным. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В 51 артиллерийской бригаде 28 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Ползиков, остается в занимаемой должности.	Аттестации полковника Ползикова командующим войсками не дано за незнанием этого штаб-офицера, а начальством аттестован хорошим. *Спросить ген.-инспектора.* Редигер.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Одесского	В 49 пех. Брестском полку 12 ноября.	В присоединении к мятежной толпе.	Полковник Думбадзе. остается в занимаемой должности.	Полковник, ныне генерал-майор, Думбадзе аттестован командующим войсками с наилучшей стороны. *Считать не виновным.* Редигер.
	В Севастопольской крепостной саперной роте 12 ноября.	В присоединении к мятежной толпе.	Подполковник Жданов, остается в занимаемой должности.	Согласно заключению ближайшего начальства, вполне разделяемому командующим войсками, подполковник Жданов, ввиду отсутствия должной самостоятельности и личной инициативы, не соответствует занимаемой должности; штаб-офицер этот отчислен от должности командира роты и прикомандирован в Главному инженерному управлению.
	В 277 пех. Ингульском полку 5 декабря.	Заперлись в казармах и не желали оставить их, почему пришлось прибегнуть к силе.	Подполков. Ятельницкий, 5 марта произведен в полковники с оставлением в полку.	Служебная деятельность полковника Ятельницкого характеризуется ходатайством командующего войсками округа о назначении его командиром Ингульского полка, что изложено в надписи от 22 февраля к вашему превосходительству, производством его в полковники за труды военного времени и пожалованием ему ордена св. Владимира 4-й степени за отличия при подавлении беспорядков. *Считать не виновным.* Редигер.
	В 52 пех. Виленском полку 18 декабря.	В предъявлении незаконных требований и в неповиновении начальству, почему пришлось прибегнуть к силе.	Полковник Герцик.	Произведен за отличие по службе в генерал-майоры. *Считать не виновным.* Редигер.

Красный Архив

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Московского	В Воронежском дисциплинарном баталионе 18 ноября. Во 2 гренадерском Ростовском полку 30 ноября. В 3 пех. Нарвском полку 15 ноября.	В открытом возмущении и в сожжении казарм баталиона. В открытом мятеже. В неповиновении начальству.	Полковник Александровский, состоит в занимаемой должности. Полковник Симанский, остается в занимаемой должности. Полковник барон Таубе, остается в занимаемой должности.	О полковнике Александровском производится следствие по обвинению его в бездействии власти. *Обождать.* Редигер. О полковнике Симанском производится следствие по обвинению его в бездействии власти. *Обождать.* Редигер. О действиях 1-го баталиона 3 пех. Нарвского полка производится следствие в Сибирском военном округе. Командующий войсками полковника Таубе не знает. Командиром же корпуса он аттестуется вполне соответствующим занимаемой должности и в общем хорошим. До окончания следствия командующий войсками не находит возможным дать заключение о служебной деятельности начальников вышеназванных частей войск. *Обождать.* Редигер.
Казанского.	В Казанском пех. инженерском училище в октябре месяце.	Среди юнкеров распространилась противоправительственная пропаганда, виновные частью исключены, частью подвергнуты взысканию.	Полковник Геништа, остается в занимаемой должности.	По заключению командующего войсками, полковник Геништа вполне соответствует занимаемой должности, как энергичный и опытный штаб-офицер. *Оставить в должности.* Редигер.
Кавказского.	В 49 Майкопском резервном баталионе 10 ноября.	В сходках и в незаконных требованиях.	Полковник Кутлоев, 30 августа сего года перемещен командиром 256 Гунибского резервного баталиона.	По заключение вр. командовавшего 2-м Кавказским корпусом, с каковым заключением согласился и главнокомандующий войсками, полковник Кутлоев вполне соответствует занимаемой должности, весьма

Красный Архив

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				энергичен, твердой воли, в общем—выдающийся. За бывшие в батальоне беспорядки ответственность отнюдь не может пасть на него. *Считать не виновным.* Редигер.
Кавказского	В 252 пех. Анапском резервном батальоне 16 ноября.	В предъявлении незаконных требований и в открытом неповиновении.	Полковник Лучинский, остается в занимаемой должности.	Полковник Лучинский аттестован вр. командовавшим 2-м Кавказским корпусом выдающимся, знающим службу, усердно к ней относящимся, энергичным и строгим. *Оставить в должности.* Редигер.
	Во 2 Урупском полку Кубанского казачьего войска 16 декабря.	В самовольном уходе на льготу.	Войсковой старшина Котрохов, остается в занимаемой должности	Ввиду болезненного состояния, происшедшего от переутомления, нервных волнений и малярии, и по собственному желанию переведен в 1 Лабинский полк того же войска на должность помощника командира полка с отчислением от командования Урупским полком.
	Во 2 Черноморском полку Кубанского казачьего войска 23 ноября.	В предъявлении незаконных требований 6 сотни.	Полковник Орлов, остается в занимаемой должности.	Вина полковника Орлова, признанного командиром 1-го Кавказского корпуса ответственным за беспорядки в полку, значительно умаляется теми обстоятельствами, что полк был вызван со льготы в самом конце 1904 года, а в январе 1 и 5 сотни полка были командированы уже в Батум, где произошли затем упомянутые беспорядки. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В Екатериноградском дисциплинарном батальоне 1 декабря.	В самовольном уходе из помещения батальона.	Полковник Дидебулидзе, остается в занимаемой должности.	Происшедшие в Екатериноградском дисциплинарном батальоне беспорядки только благодаря распорядительности и энергии

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				полковника Дидебулидзе были прекращены без употребления оружия, и названный штаб-офицер по своим качествам не только соответствует занимаемой должности, но и будет отличным командиром полка. *Признать не виновным.* Редигер.
Кавказского.	В 250 Ахульгинском резервном баталионе 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник князь Макаев, перемещен на должность командира Грозненского баталиона	Полковник Макаев, ныне командир 253-го Грозненского резервного баталиона, аттестуется хорошим, энергичным и усердным, но несколько суетливым. Происшедшие в баталионе беспорядки в вину ему поставлены быть не могут. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
Туркестанского.	В 7 Туркестанском стрелковом баталионе 16 июня.	В насильственном освобождении арестованных.	Полковник Ивашинцев.	Полковник Ивашинцев уволен от службы по домашним обстоятельствам 20 июня.
Иркутского.	В 1 Сибирском запасном баталионе 29 ноября.	В вооруженном восстании, в насильственном освобождении арестованных и в предъявлении незаконных требован.	Начальник гарнизона генерал-майор Ласточкин, состоит в должности команд. 1-й бригады 43 пехотной дивизии.	Поведение и служебная распорядительность генерал-майора Ласточкина во время беспорядков в Иркутске заслужили полное одобрение командовавшего войсками округа генерала-от-кавалерии Сухотина, выразившееся в такой аттестации: блестяще вышел из критической обстановки, в коей находился как начальник гарнизона г. Иркутска во время беспорядков в конце 1905 года, вообще очень хороший. *Признать не виновным.* Редигер.
	Во 2 Сибирском запасном бат. 29 ноября.	То же.		
	В Иркутском казачьем дивизионе 29 ноября.	То же.		
	В Иркутской учебной и конв. команд. 9 ноября.	То же.		

Генерал-майор Мышлаевский.
Полковник Бонч-Осмоловский.

3.

Докладная записка деж. генерала [1]).

12 апреля 1906 г. № 69.

Вследствие приказания вашего превосходительства Главный штаб представляет при сем сведения [2]) о командирах частей войск, в коих в конце минувшего года произошли беспорядки.

Подверглись ли указанные в представляемом списке командиры этих частей каким-либо взысканиям за допущение среди нижних чинов беспорядков, кроме командира 1-го Ташкентского резервного баталиона полковника Горбунова, сведений в Главном штабе нет.

Нет сведений о том же, в частности, о командирах частей инженерных войск, по отношению к которым состоялось особое высочайшее повеление.

Генерал-майор Мышлаевский.
Полковник Бонч-Осмоловский.

[1]) На подлиннике резолюция Редигера: «Доложено его величеству. Высочайше повелено: ввиду бывших в этих частях беспорядков, запросить о деятельности командиров частей и высших над ними начальников. Виновные из них, а равно и непригодные, уже должны были выясниться; спросить, насколько упомянутые командиры и высшие их начальники соответствуют своему назначению.

Его величество не изволил помнить беспорядков в Виленском полку; представить донесение при всеподд. записке. 15 апреля 1906 г. Г.-л. Редигер.» Далее пометы: «Деж. ген.». — «Спешно. Прошу В. В. во вторник переговорить. 15/IV. Г.-м. Мышлаевский». «Деж. ген. доложено. Указания получены. 25/IV». «16 отд. Гл. штаба. 17 апреля 1906 г. № 341».

[2]) Приложенная ведомость опущена. Выше стр. (215—223) печатается ведомость, составленная в сентябре.

4.

Всеподданнейшая записка ген. Редигера [1]).

При сем повергаю на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение проект письма военного министра командующим войсками округов о принятии мер против агитации в войсках.

Генерал-лейтенант Редигер.

5.

Письмо ген. Редигера командующим войсками военных округов.

15 апреля 1906 г. № 737 [2]).

Милостивый государь.

Беспорядки в войсках, выразившиеся минувшею зимою даже в нескольких мятежах, зависели от общей смуты в империи, разброски войск и недостатка офицеров. Однако и в то тяжелое время войсковые части, бывшие в хороших руках, оставались твердыми и непоколебимо верными присяге.

Ныне, с улучшением перечисленных выше условий, повторение подобных явлений не должно иметь места.

Его величество государь император попрежнему верит своей армии и тому, что при должном влиянии офицеров никакая агитация не может вновь сбить с толку нижних чинов. Его величество требует от всех начальствующих лиц работы в этом отношении от сердца и по присяге. За всякое проявление внут-

[1]) На подлиннике резолюция Николая II: «Одобряю» и пометы: «Собственною его величества рукою написано: «Одобряю». 14 апреля 1906 г. Генерал-лейтенант Редигер». «В. В.... Прошу заготовить по возможности сегодня же в 25 экз. 15/IV. Г.-м. Мышлаевский».

[2]) Воспроизводится с отпуска (напечатан типографским способом), находящегося при всеподд. записке Редигера. На документе пометы: «В собствен. руки» и «3 410».

реннего беспорядка пред государем императором ответят все начальники, не только ближайшие, но и высшие — до главных начальников включительно.

О таковых высочайших указаниях довожу до сведения вашего...

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

6

Записка ген. Редигера начальнику главного штаба.

14 сентября 1906 г. [1])

Почему я не получаю ответа на мой вопрос: получены ли заключения командующих войсками относительно командиров тех частей, которые бунтовали и делали беспорядки?

Редигер.

14/IX.

7.

Докладная записка дежурного генерала.

14 сентября 1906 г. № 750 [2]).

На докладной записке Главного штаба от 12 апреля сего года, при которой были представлены сведения, в каких частях войск в конце минувшего года произошли беспорядки и кто командовал этими частями в то время, вашему превосходительству угодно было положить резолюцию:

«Доложено его величеству. Высочайше повелено: ввиду бывших в этих частях беспорядков, запросить о деятельности командиров частей и высших над ними начальников. Виновные из них, а равно и непригодные уже должны были выясниться, спросить, насколько упомянутые командиры и высшие их начальники соответствуют своему назначению,».

Приказание вашего превосходительства было тогда же исполнено, и от штабов военных округов стали поступать ответы на сделанные запросы.

Ныне получен последний ответ от штаба Кавказского военного округа, почему Главный штаб и представляет вашему превосходительству прилагаемую при сем ведомость с показанием частей войск, в коих произошли беспорядки, и заключений о служебных качествах, по данным аттестациям, как командиров этих частей, так и высших над ними начальников, расположив части войск в этой ведомости по округам.

Ген.-майор Мышлаевский.
Полковник Кондзеровский.

---

[1]) На подлиннике помета: «Н. Г. ш. доложено. 15/IX. Г.-м. Мышлаевский.

[2]) Воспроизводится с подлинника, на котором имеются следующие пометы: «Отметки в списке. 16/IX. Редигер».— «Деж. ген. Сообщить командующим войсками резолюции военного министра относительно намеченных к увольнению. Потребовать представления об увольнении, относительно отмеченных «Обождать» — доложить их первые аттестации. Вообще всем начальникам, у коих были беспорядки, составить алфавит, внести отметки и докладывать при всех представлениях. Эверт. 16/IX».

Ответственная редакция: { В. Адоратский, В. Максимов, М. Покровский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Воспоминания о «еврейской независимой рабочей партии». — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Некрасов и цензура. — Из неизданной переписки Н. А. Некрасова. — Достоевский о Пушкинских торжествах. — Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Цензура и Л. Толстой. — Александр III о Л. Толстом. — К биографии В. Г. Короленко. — Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко. — Библиография.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны. — Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Неизданные письма И. А. Гончарова. — Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. — А. Мицкевич. — Из записной книжки архивиста: «Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 г.» — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович. — Генерал Алексеев и М. В. Родзянко. — Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову в 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцова. — Бакунин перед австрийским судом. — М. А. Бакунин по отчетам III отделения. — К биографии Н. П. Огарева. — Из материалов о П. А. Лаврове. — А. И. Герцен и цензура в 1890 гг. — Прокламация Н. В. Шелгунова. — «Причина пожаров». — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — Из записной книжки архивиста: Завещание Николая I. — III отделение и Крымская война. — К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. — К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских. — К каракозовскому процессу. — Судьба одной пародии Достоевского. — Бальзак в России. — Письма В. Гете. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Зарубежное издание писем быв. имп. Александры Федоровны.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г. — Дневник А. А. Половцова. — Переписка В Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Отзвуки польского восстания 1863 г. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма К. П. Победоносцева к Александру III. — Из материалов о Л. Н. Толстом. — Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову. — Два письма А. И. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет. — Из материалов о Ф. И. Тютчеве. — Из записной книжки архивиста: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — Достоевский в Твери. — Забастовка крепостных суконщиков. — В 50-х годах. — Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам. — Письмо Я. В. Стефановича к В. К. Плеве. — К истории манифеста 17 октября. — Революционное движение в войсках во время мировой войны. — К истории убийства Гр. Распутина. — Материалы по истории живописи в России.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина. — Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка). — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича. — Из записной книжки архивиста: Г. В. Плеханов и «шпионские забавы». — Казнь П. П. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов в июльские дни. — Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — Из записной книжки архивиста: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». — Достоевский. «Преступление и наказание». (Материалы к роману). — Омские события при Колчаке. — Из записной книжки архивиста: Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли». — Неизданные письма Л. Толстого Ислазиным и др. — Крепостной конституционалист в 1837 г. — Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль».

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. — Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г. — Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г. — март 1906 г.). — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича). — Октябрьский переворот в ставке.— Омские события при Колчаке (окончание). — Указы Пугачева и его коллегии. — Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.— Пенсионная практика Временного правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнения во флоте в 1905 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.—Показания А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и ставка (окончание). — Вокруг Гатчины. — Записка А. К. Бошняка. — Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. — Из записной книжки архивиста: «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона. — Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. — Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы. — Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко, 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. I созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича. — 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — Из записной книжки архивиста: Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Стихотворение декабриста. — Песня декабриста. — Инструкции по Алексеевскому равелину. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914 — 1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г. — Проект манифеста о событиях 9 января. — Манифест 17 октября. — Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хро-

ника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева.—Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин Таврический», б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла.—Из записной книжки архивиста: Николай II в 1905 г. — Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — К истории 9 января 1905 г. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. —Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья. — Восстание Черниговского полка. — Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Пестеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике. — Из записной книжки архивиста: П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет». — Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Московского полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.—Месяцеслов на 1827 г.— Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание. — Бакунин в 40-е годы. — Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.— Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова. — Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — Из записной книжки архивиста: Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. — Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г.— Письмо ген. Буланже Александру III. — К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая Балканская война. — Март — май 1917 г. — Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Леккерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве.— Имущественное положение декабристов. — Из записной книжки архивиста: Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашова Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая Балканская война (окончание). — Февральская революция и европейские социалисты (окончание). Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргизов

в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 гг. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Безобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. — Бакунин (новые материалы). — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. — К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне в 1861 г. — Письмо Ф. Яцевича. — Донесения С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. — Письма Медникова Спиридовичу. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — «Расстреливать или вешать». — Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину. — Китайская революция 1911 г. — К истории Ясского совещания. — Продуголь. — Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Марксистская периодическая печать (окончание). — Из записной книжки архивиста: А. И. Желябов в Александровске. — Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда». — Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву. — Из черновых бумаг К. П. Победоносцева. — «Записка, достойная внимания». — ВЦИК в июльские дни 1917 г. — Учет департаментом полиции опыта 1905 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

К истории французской интервенции на юге России. — Англичане на Севере. — Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. — Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. — Дневник ген. Г. О. Рауха. — Записки Ф. А. Головина. — Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г. — К истории «Земли и Воли» 70-х гг. — Из показаний Н. И. Рысакова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки С. М. Кравчинского. — Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. — Первомайские речи в Одессе в 1895 г. — Ответ «Рабочей газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. — Два документа из истории зубатовщины. — 20 лет назад. — П. А. Столыпин и смертная казнь в 1906 г.

ДВАДЦАТЫЙ ТОМ.

Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. — Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. — Из дневника А. Н. Куропаткина. —

Бухара в 1917 г. — Дневник Николая Романова. — «Работа» эсеров в 1918 г. — Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». — Письма Г. Ф. Здановича. — Из народовольческих автобиографических документов. — Из записной книжки архивиста: Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. — Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. — Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова (продолжение). — Союз земельных собственников в 1917 г. — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. — Общество «Священной дружины». — Из записной книжки архивиста: Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. — Подкуп «Нового времени» царским правительством. — «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. (окончание).— Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Побег Ярослава Домбровского. — К истории «нечаевщины». — Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Предисловие. — Июльские дни в Петрограде. — Московский Военно-Революционный Комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Июльские дни в Петрограде (окончание). — Октябрь на фронте (окончание).— Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Запрещенный рассказ В. Короленко. — Из записной книжки архивиста: Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. — Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Англо-русское соглашение о разделе Китая (1889 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — Из записной книжки архивиста:

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. — Эпизод из истории Балканской войны. — Солдатское письмо о «9 января». — Из истории иностранного капитала в России. — Синод в борьбе с революцией. — Перлюстрация писем в России в начале XIX в.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел. — Аграрная политика Врангеля. — Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову. — Дневник А. А. Бобринского. — Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича. — Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Диспозиция «Комитета народного спасения». — Спиридович и его «История революционного движения в России».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября. — Дневник Николая Романова (окончание). — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Бакунин и Дрезденское восстание. — Письма Ф. М. Достоевского. — Из записной книжки архивиста: Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. — Николай Романов и Финляндия. — Неизвестный отклик на процесс 193.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября (окончание). — Временное правительство и Учредительное собрание. — Крым в 1918—1919 гг. — Конец русско-японской войны. — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Из записной книжки архивиста: Из истории колчаковщины. — Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I. — Новое о Пушкине.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Автографы Н. Г. Чернышевского. — Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Крым в 1918—1919 гг. (окончание). — Временное правительство Автономной Сибири. — Неизданные записки Л. Тихомирова. — Н. Г. Чернышевский и III отделение. — Юлиан Мархлевский. — Из записной книжки архивиста: Французская военная миссия и карательные отряды особого назначения. — К характеристике Якова Стефановича. — К биографии Д. И. Писарева. — Новые материалы о Пушкине.

ТРИДЦАТЫЙ ТОМ.

60-летие М. Н. Покровского. — Ставка и министерство иностранных дел (окончание). — Из истории национальной политики Временного правительства. — Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. — Переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым. — «Исповедь» Григория Гольденберга. — Финал процесса 193. — Из записной книжки архивиста: Письма Дмитрия Романова к отцу. — Разгром «Южно-русского рабочего союза». — Два письма С. И. Муравьева-Апостола.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.—Развал колчаковщины (из дневника В. Н. Пепеляева). — Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией. — П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. —Конституционные проекты 80-х гг. XIX в. — Московский адрес Александру II в 1870 г. — Новые пушкинские рукописи и материалы. — Поэма А. С. Пушкина «Монах». — Факсимиле первой песни поэмы А. С. Пушкина «Монах». — «Монах». Песнь первая. — Из записной книжки архивиста: Автографы членов Уфимского совещания. — В церковных кругах перед революцией. — К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. — Побег Сергея Дегаева. — Из истории борьбы с социалистическим движением в царской России. — Неопубликованное письмо А. И. Герцена.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. (окончание). — Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И. И. Ренгартена). — Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). — Мобилизация реакции в 1906 г. — «Монах». Поэма А. С. Пушкина. Песнь вторая и третья. — Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. — Русская металлопромышленность и международные тресты. — Из истории борьбы с революцией в 1905 г. — Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 г. — Апрельские дни 1917 г. в Петрограде. — Колчак и Финляндия. — Совещание губернаторов в 1916 г. — Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.). — Из записной книжки архивиста: «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли». — Прокламация С. Г. Нечаева к студентам. — Ишутинцы в тюрьме и ссылке. — Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. (окончание). Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Борьба со стачечным движением накануне мировой войны. — К истории интервенции в Сибири. — К истории возникновения мировой войны. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. — Из записной книжки архивиста: Александр III о «социалистической заразе». — В тылу «Вооруженных сил Юга России». — Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х.— Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин. — Покушение Каракозова.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

В. М. Фриче. — Балтийский флот накануне Октября — Временное правительство Автономной Сибири (окончание). — Из истории национальной политики царизма. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху сто-

лыпинщины (окончание).— «Союз 17 октября» в 1906 г.— Восстание в Бездне.— Из записной книжки архивиста: Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина. — Тактика высшего командования в Февральскую революцию. — Л. Н. Толстой под ударами цензуры.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром. — Временное правительство Автономной Сибири. — Из истории национальной политики царизма (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. (окончание). — К истории процесса 21. — Бездонное восстание 1861 г. — Из записной книжки архивиста: Петербургское духовенство и 9 января. — Новые материалы о Л. Н. Толстом. — Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — Из отголосков восстания декабристов.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.— Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. — К истории процесса 21 (продолжение).— Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. — Из архива А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Приказ № 2. — № 2 рабочего листка «Зерно». — К биографии А. А. Красовского. — А. С. Пушкин под надзором полиции.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

«9 января» в Петербурге. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). — К истории процесса 21. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. (окончание). — Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия — Из записной книжки архивиста: Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. — Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. — А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. — Новый рассказ о казни декабристов.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Врангелевщина. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) (продолжение). — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова). — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.— Из записной книжки архивиста: «Кровавое воскресенье» в Петербурге. — Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

СОРОКОВОЙ ТОМ.

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905 — 1906 гг. (окончание). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова) (окончание). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники. — К истории побега Ярослава Домбровского.

СОРОК ПЕРВЫЙ — СОРОК ВТОРОЙ ТОМ.

Россия и Алжезирасская конференция. — Февральская революция в Петрограде (28 февраля — 1 марта 1917 г.). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомир-

рова). — В штабе адм. Е. И. Алексеева. (Из дневников Е. А. Плансона). — Из записной книжки архивиста: Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. — «Красная гвардия» в Риге в 1906 г. — Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

СОРОК ТРЕТИЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Разгон II Государственной думы. — Из дневника Константина Романова. — К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н. Д. Горемыкина). — Из записной книжки архивиста: Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г. — Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г. — Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Керченские каменоломни в 1919 г. — Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции. — Из дневника Константина Романова (продолжение). — Из записной книжки архивиста: Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. — Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г. — Из истории «идеологической борьбы самодержавия с революционным движением в армии. — Письмо рабочего П. А. Алексеева.

СОРОК ПЯТЫЙ ТОМ.

Парижская коммуна 1871 г. — Турецкая революция 1908—1909 гг. (окончание). — Из истории французской интервенции в Одессе. — Запрещенная цензурой статья М. Горького. — Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. — Из дневника Константина Романова (окончание). — Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. — Из записной книжки архивиста: После первого марта 1881 г. — К истории суда над лейт. П. П. Шмидтом. — Письма В. В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г. — Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.

СОРОК ШЕСТОЙ ТОМ.

Дневник В. Н. Ламздорфа. — Кадеты в 1905—1906 гг. — Балтфлот в июльские дни 1917 г. — Из дневника А. А. Половцова. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831—1832 гг. — Показания Ф. М. Достоевского (окончание). — Из записной книжки архивиста: Записка И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. — Неизвестный сатирик 60-х годов.

СОРОК СЕДЬМОЙ — СОРОК ВОСЬМОЙ ТОМ.

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. — Проект захвата Босфора в 1896 г. — Заграничное путешествие М. Н. Муравьева. — Польша и южнорусская контрреволюция. — Кадеты в 1905—1906 гг. (окончание). — Записки Н. М. Романова. — Из записной книжки архивиста: Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

СОРОК ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Испанская революция 1873—1874 гг. — К истории разгрома вооруженных сил Колчака. — Записки Н. М. Романова. — Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. — К истории эмиграции 1860-х годов.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. — К истории первой Гаагской конференции 1899 г. — Интервенция и северная контрреволюция. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. — Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. — Из записной книжки архивиста: Из офицерских писем с фронта в 1917 г. — Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—95 гг. . . . . 3—63

К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С предисловием *Л. Телешевой* . . . . . 64—96

Интервенция и северная контрреволюция. С предисловием *И. Минца* . . . . 97—116

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. С предисловием *Н. Лапина* . . . . . 117—160

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. С предисловием *Ф. Нотовича* . . . . . 161—192

Из записной книжки архивиста

Из офицерских писем с фронта в 1917 г. С предисловием *Л. Андреева* . . . 194—210

Чистка комсостава царской армии в 1906 г. Сообщила *Т. Рахманова* . . . . 211—225

Цена 5 р.

Центральное бюро международного просвещения. Палата.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 ГОД НА ЖУРНАЛ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР
ГОД ИЗДАНИЯ 11-й
6 КНИГ В ГОД

Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1932 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ЕГО УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ВСЮДУ НА ПОЧТЕ